

— ❖ — ПОЛИНА ЛЮРО — ❖ —

БЕГИ, ФРАННИ!

Как известно — любая инициатива наказуема, даже если делаешь доброе дело. В этом убедилась Франни, юная охотница за нечистью, полная благородного порыва спасти друзей от неминуемой смерти. Применяв неизвестное, но сулившие желаемое, заклинание, она была вынуждена бегать от бывших друзей, чтобы сохранить собственную жизнь. А ещё ей, домашней девочке, пришлось испытать все тяготы реальной жизни, встретить множество необычных людей и мистических существ, проделав трудный путь в попытке исправить ситуацию. В дороге у охотницы на монстров появились новые, необычные друзья с тёмным прошлым, перевернувшие жизнь избалованной аристократки. Франни пришлось совсем непросто в окружении чужих тайн и неожиданных секретов, казалось бы, хорошо знакомых людей. Так чем же, в конце концов, закончился этот длительный «забег»?

Глава 1

С самого утра я не находила себе места — не отпускало предчувствие беды — все мысли были только об ушедших на охоту ребятах. В холодном нетопленном замке мне было невыносимо жарко, и, расстегнув верхние пуговицы костюма, я то и дело вытирала со лба липкие капли пота. Отцу приходилось звать меня по нескольку раз, ругаясь, что лучше бы он попросил ухаживать за собой горничную, чем собственную дочь, не способную подать ему даже чашку чая.

Он был прав. Я сама навязалась сидеть у постели, заботясь о внезапно простудившимся отце. Мне, конечно, было стыдно, но переживания за друзей перевешивали. В таких случаях няня обычно говорила, мол, Франни опять кусают невидимые муравьи беспокойства. Я вспомнила недавно умершую старушку и грустно улыбнулась:

— Как же мне тебя не хватает, Нани — самая добрая и понимающая женщина в мире, заменившая нам с ребятами маму. Уверена, ты никогда бы не осудила *свою глупышку* за то, что я натворила в тайне от отца.

Наконец, видя, что от меня всё равно не будет толку, папочка отправил непутёвую дочь прогуляться в замковом парке, чтобы любимое чадо немного успокоилось. Нежно поцеловав его в горячий лоб, я сбежала вниз по крутой лестнице и, задыхаясь, остановилась на нашей любимой аллее.

Осень потихоньку вступала в свои права, украсив старинный парк кружевом разноцветной листвы, но сейчас мне было не до любования природой. Задумавшись, я без сил опустилась на белую каменную скамейку. Сколько раз в детстве мы с друзьями играли под этими деревьями, осыпая друг друга опавшими листьями, набирая в горсти орехи и жёлуди, чтобы потом с криками высыпать их за шиворот друг другу. Счастливые годы пролетели незаметно, и порой казалось, что мы всегда жили в старом замке. Но это не так...

Мой отец Генри вместе со своим другом и помощником Тео были известными и уважаемыми магами, давно покинувшими королевский двор. И, хоть они постоянно твердили, что сделали это *сами*, презирая бесконечные дворцовые интриги, все прекрасно понимали — их, фактически, отправили в ссылку. В глухие леса, на самую границу с опасными пустошами, подальше от двора, потому что даже король боялся объединённой силы двух одарённых людей.

Любящие, преданные жёны вместе с маленькими детьми последовали за ними. К счастью, у мамы в этих краях был старый, но вполне ещё пригодный для жизни замок, доставшийся ей от почившей тётушки. Он был расположен в живописном, окружённом лесами месте, вдали от немногочисленных соседних имений и деревушек.

Но эта красота была обманчива: страшные существа из пустошей частенько навевались сюда, безжалостно уничтожая крестьянские посевы и принося местным жителям немало горя. Не избежали его и наши семьи: как — то раз жёны отважных магов вместе со своими горничными отправились в лес за ягодами. Ведь никаких других развлечений, по сути, здесь не было: мы жили замкнуто и общались с соседями исключительно по необходимости.

Из леса никто так и не вернулся. Генри и Тео, уехавшие в тот день на границу, откуда поступили тревожные сообщения о замеченных неподалёку монстрах, тем же вечером начали поиски любимых женщин. Сходя с ума, они вместе со слугами много дней подряд

обшаривали окрестные леса, но всё было напрасно. Их отчаянию не было предела, однако время неумолимо несло вперёд, и убитым горем магам в конце концов пришлось смириться со страшной потерей.

После произошедшего несчастья отец вместе с Тео занялись изгнанием тварей, забредающих в леса из пограничных пустошей. Это было опасное, но, в то же время, очень прибыльное дело: местные землевладельцы готовы были платить любые деньги, лишь бы избавиться от замучивших всех монстров.

Оба мага превосходно справлялись со своей задачей и при этом растили детей. У Тео было двое сыновей: старший — Донат, которого все звали Доном, и младший — Марк. Дон был всего на год старше Марка, но настолько отличался от брата, что отец иногда подшучивал над другом:

— Уж не от разных ли они матерей?

Дон — холодный, самолюбивый, полный честолюбия блондин, с жадностью впитывавший знания отца по некромантии, мечтал со временем сделать блестящую карьеру при королевском дворе. Это выводило Тео из себя, но переубедить старшего сына он так и не смог.

Марк — большеглазый, темноволосый и смуглый, как южанин, был вспыльчивым и дерзким, а магию рассматривал лишь как подспорье к боевым искусствам, которыми владел в совершенстве. Он мечтал прославиться, став героем, убивающим нечисть, о котором барды будут слагать свои песни. Конечно, в шестнадцать лет простительно грезить о славе. Вечерами у камина Тео, потягивая вино из хрустального бокала и качая головой, твердил другу:

— Всё пройдёт, он перебесится, Генри, вот увидишь. Из этого болвана обязательно получится что-нибудь толковое.

Он очень любил своих детей и гордился ими. Наверное, мой отец завидовал ему, ведь вместо сыновей у него родилась я — дочка, которую друзья и почти братья дразнили просто «девчонкой». И меня это расстраивало. Да, я была на два года моложе сорванцов Тео, но с детства ни в чём им не уступала — ни в озорстве, ни в проказах.

А уж в магии — тем белее... Марку на это было плевать, а вот Дон злился — он хотел быть *первым* во всём.

— Франни, ты — всего лишь *девчонка*, и твоё место в доме рядом с мужем и детьми, — сердито говорил он, — магия — не женское дело.

В ответ я обычно показывала ему язык и демонстрировала очередное выученное заклинание. Однажды из-за нашей перепалки чуть не сгорел весь замок. Меня, конечно, отругали, но простили, ведь, по общему мнению, я была лишь маленькой вертлявой глупышкой.

Это так бесило, что, немного поразмыслив, я упростила няню сшить мужской костюм, заменивший неудобные длинные юбки. И с семи лет ко мне прилепилось полностью оправданное прозвище — Франни-сорванец.

Облазив вместе с друзьями весь замок и его подземелье, я с удовольствием училась не только магии, но и владению оружием, чем, в конце концов, заслужила уважение братьев. Мы были славной бандой, и, глядя на наши выходки, родители оставалось только беспомощно разводиться руками. Отец даже не делал попыток хоть что-то изменить — он гордился мной, и его всё устраивало.

Я сразу заявила, что вместе с Доном и Марком стану охотницей на нечисть, и, со

временем, доказала свою правоту. Сначала на «дело» меня брали с осторожностью, но после того, как Франни-сорванец умудрилась всех спасти, вовремя отпугнув магией какую-то мерзкую морду, вынырнувшую из дубравы во время семейного пикника — зауважали и в шутку стали называть «наша несравненная охотница Франни». Я была счастлива, обожая всех, даже несносного зазнайку Дона и его хвастливого братца Марка.

Сегодня утром по заданию отца эта парочка ушла в лес: очередная тварь вылезла около ближайшей деревни, успев напугать и покалечить многих. Родители решили, что ребята справятся сами, ведь они уже не раз показывали отличные навыки в бою. Мне же пришлось остаться дома и сидеть у постели простудившегося отца, но мыслями я была с друзьями, проклиная себя, что не пошла вместе с ними.

День подходил к концу, а они всё не возвращались. Начинало темнеть, усилился холодный ветер, бросавшийся опавшей листвой в мои растрёпанные рыжие кудри. Я стояла около замка, кутаясь в тёплую шаль и держа в руке большой фонарь, с тревогой ожидала возвращения Тео и ослабленного болезнью отца, уже час как отправившихся на поиски братьев. Меня с собой опять не взяли, приказав оставаться дома и ждать. Расстроенная, я сходила с ума от беспокойства и, как оказалось, не напрасно.

Переход открылся прямо у стен замка, из него вышли отец и Тео, неся ребят на плечах. Раз им пришлось применить магию — дело было плохо. Я бросилась к ним, на коленях ползая около распростёртых на траве тел. Оба брата были ещё живы, но, казалось, им оставалось совсем немного. Дон и Марк были бледнее первого снега в горах; их сомкнутые веки, как и потрескавшиеся губы, покрывала странная тёмная корка.

— Встань, Франни, мы не в силах им помочь, — печально сказал отец, видя мои лихорадочные попытки применить исцеляющие заклинания, — детей поразила неведомая болезнь. Ни я, ни Тео не знаем, как с ней бороться. Это похоже на яд: видишь следы укусов на их шеех — тварь оказалась проворнее наших мальчиков.

— Ерунда, — кричала я, захлёбываясь слезами, — у тебя ползамка набито книгами по магии, наверняка найдётся что-нибудь полезное. Тео, что молчишь? Ты же некромант, сыновья умирают, сделай хоть что-то! В лаборатории столько разных зелий, неужели нет ни одного противоядия?

Тео поднял меня за плечи, прижав к себе:

— Франни, детка... Будь хоть малейший шанс, я отдал бы за них жизнь, клянусь!

Он вдруг замолчал, бледнея, и повернулся к отцу:

— Погоди-ка, ты помнишь о *старинной рукописи*? Там ведь есть *особое, очень сильное заклинание*. Хоть нас и предупреждали не применять его: оно обещает многое, но взамен отбирает у людей самое дорогое, что у них есть — я бы рискнул...

— Столько лет прошло, а ты ещё помнишь... Неси его немедленно, мне надо самому посмотреть, — вскричал отец.

Тео исчез и через пару мгновений появился с кожаной тетрадью в дрожащих руках. Отец вырвал её и быстро начал листать, его лицо при этом всё больше и больше мрачнело. Дрожащими пальцами он вытер пот со лба и обернулся к другу:

— Ты хоть понимаешь, что это — *дьявольская книга*? Обещал же избавиться от неё, Тео...

Тот пробормотал упавшим голосом:

— Я сохранил её на всякий случай, Генри, — и, забрав тетрадь у отца, стал внимательно читать записи.

В отличие от родителей, я не колебалась: вырвав рукопись, отбежала в сторону и, подсвечивая себе фонарём, начала изучать исписанные мелким почерком страницы. Заклинание было простым и обещало вернуть к жизни любого, в ком хотя бы теплилась её частица. Но взамен оно требовало многого...

Прежде чем произнести его вслух, надо было расписаться кровью. Это значило, что рискнувший применить *нечистое колдовство* позволяет заклинанию самому выбрать плату — отнять ли его жизнь или самые сильные чувства, что испытывал умирающий человек.

Не обращая внимания на крики отца и Тео, бросившихся ко мне в попытке остановить безрассудство, ненадолго обездвижила их, чтобы они не помешали мне исполнить задуманное. Мыслями я была с ребятами, беспомощно лежащими у моих ног:

— Если повезёт, и останусь жива, заклинание отберёт у братьев их самые сильные чувства или счастливые воспоминания. Ну и пусть, главное, чтобы *они жили*. А что воспоминания? Мальчики ещё так молоды, у них впереди целое море счастья...

Сев на колени рядом с братьями, на всякий случай попрощалась с ними. Не слыша стонов отца:

— Не смей, Франни, это может тебя убить! — прокола палец булавкой и расписалась в тетради, прочитав заклинание до последней буквы. Наверное, мне повезло — я осталась жива...

Лица Дона и Марка порозовели, ресницы вздрогнули, тёмная корка рассыпалась в пыль, и только тогда я позволила Тео оттащить себя в сторону.

Первым очнулся Дон и, сев, со стоном потрогал голову:

— Боже, Марк, куда ты вчера меня завёл, дурак? Я совершенно не помню, что делал и с кем пил. Голова разламывается от боли. Вот приду в себя — будет тебе трёпка, скотина, а не брат...

— Сам такой! — ответил поднявшийся на ноги Марк и протянул брату руку, помогая встать, — всё как в тумане, но, вроде, никуда не ходили. А, кажется, там была какая-то страшная морда, и мы здорово её приложили с двух сторон — она как свалилась, так больше и не встала.

— Точно, — вспомнил Дон, — эта дрянь с двумя хвостами умудрилась цапнуть нас обоих за шеи, у меня до сих пор за ухом болит. А потом я вырубился. Отец, Генри! Это вы нас нашли? — и братья бросились в объятия родных, благодаря за спасение и совершенно меня игнорируя.

— Это не мы с Генри, а Франни спасла вас, — вытирая слёзы, сказал Тео.

— Какая ещё Франни? — Марк обернулся и только тогда заметил меня, — девчонка? Откуда она взялась?

К нему присоединился Дон, окидывая меня презрительным взглядом:

— Кто такая, и что делает в замке? И почему она в мужской одежде, какая дерзость!

— Тихо, тихо, ребята... Это же ваша младшая сестрёнка и подруга Франни, моя дочь, — отец обнял меня, целуя, а потом объяснил ситуацию потрясённым братьям.

Они молча выслушали его историю, недовольно буркнув:

— Спасибо, — и сразу же отвернулись.

— Есть хочу, — как всегда затынул Марк, известный любитель хорошо покушать.

— Я бы тоже не отказался поужинать, темнеет уже, — присоединился к нему Дон, — Генри, а почему ты скрывал, что у тебя есть взрослая дочь?

Отец вздохнул:

— Ты плохо меня слушал, Донни. Вы с братом забыли о ней, таково требование заклинания, зато теперь оба живы и здоровы.

Дон тряхнул золотистыми, словно спелая пшеница, волосами, кивая с недовольной миной, словно отмахивался от меня как от назойливого насекомого:

— Не такая уж и большая плата за жизнь. Подумаешь, забыли девчонку! Да я постоянно о них забываю... — и он рассмеялся. Хохот Марка поддержал его, и пришлось сцепить зубы, чтобы не заплакать от обиды.

— Как вам только не стыдно, — отец в гневе сжал кулаки, его красивое лицо покрылось пятнами.

— Не надо, папа, не расстраивайся, — мои руки ласково обняли его плечи, — просто они забыли, кто такая Франни, но я им быстро напомню, какого это — связываться со мной...

Братья замолчали и нахмурились, Марк недовольно скорчил гримасу:

— Да что с вами такое? Шутки, что ли, не понимаете? — он протянул мне руку, — привет, Франни, рад с тобой познакомиться, и ещё раз спасибо от нас обоих. Ну, теперь-то всё в порядке? Может, пойдём ужинать?

Отец беспомощно развёл руками:

— Прости их, дочка, они забыли о вашей многолетней дружбе.

Я вымученно улыбнулась:

— Всё нормально, па! Уж лучше так, чем лежать в холодной могиле. Пойдём, у меня тоже от голода сводит живот...

Тео подошёл, зарывшись лицом в мои длинные рыжие волосы:

— Спасибо, детка, я никогда не забуду того, что ты сегодня для нас сделала.

Кивнула, принимая его слова, и медленно побрела за всеми в замок, повторяя про себя:

— Держись, Франни! Ты сможешь всё выдержать, потому что никогда не забудешь того, что ещё совсем недавно связывало нас троих...

За столом все ели, оживлённо обсуждая происшествие, и, казалось, неизвестный монстр занимал умы братьев больше, чем спасшая им жизнь Франни. Я смотрела в тарелку, делая вид, что выбираю себе кусочек получше, думая совсем о другом...

Это случилось несколько месяцев назад. Сначала я вытянулась, став похожа на швабру нашей служанки. Дон и Марк смеялись надо мной, и я отвечивала им подзатыльники, хохоча над глупыми шутками, а потом в одиночестве своей комнаты горько плакала от обиды.

Но вскоре тело начало меняться, и братья заметили это первыми. Они пристально рассматривали ставший мне слишком тесным в груди охотничий костюм. Однажды Дон, непривычно краснея, вдруг заявил, что длинное голубое платье больше бы подошло к цвету моих глаз. И, что самое странное, насмешливый Марк его поддержал.

Я не верила себе и не сразу поняла, что происходило, пока горничная не сболтнула, причёсывая волосы перед сном:

— А молодые господа Дон и Марк, кажется, потеряли от Вас не только головы, но и сердца. Они вчера чуть не подрались из-за того, кому из них подвести Вам коня и помочь забраться на него перед охотой.

Я залилась краской и, ненатурально засмеявшись, остановила её:

— Не придумывай, мне не нужна ничья помощь, чтобы вскочить на коня. И никто из этих двоих ещё ни разу за мной не утнался. Так что не мели чепухи...

В ответ горничная только загадочно улыбнулась. Стоило ей выйти из покоев, как я бросилась на кровать. Сердце разрывалось надвое — оба брата мне безумно нравились, и выбрать кого-то одного было выше моих сил...

А Дон и Марк продолжали смотреть влюблёнными глазами, перестали подшучивать, и от их горячих прикосновений мне всё чаще становилось не по себе. Почувствовав *свою силу*, я начала ею бессовестно пользоваться: смеялась, поглаживая их щёки, любуясь, как они краснеют. «Случайно» касалась рук или шей моих «жертв», видя, что они сходили с ума от желаний. И сама не заметила, как по уши влюбилась...

Свой первый поцелуй я отдала Дону и, к удивлению, узнав, что холодный и равнодушный мальчишка нежен и страстен в любви. Второй поцелуй достался Марку — грубоватый насмешник оказался робким и послушным, готовым выполнить любую прихоть возлюбленной.

Надо отдать им должное — ни один из них не пытался затащить «прекрасную Франни» на сеновал или тайком пробраться в спальню. Оба красиво ухаживали, даря охапки цветов и стараясь победить соперника в честном бою. Я обожала смотреть на их тренировочные бои, когда, обнажённые до пояса, они сражались на деревянных мечах. Замирая от восторга и прислушиваясь к странному жару, разливавшемуся в непривычно напрягшемся теле, неопытная девчонка гнала прочь настырное желание прикоснуться губами к этой молодой упругой коже, почувствовав в ответ горячее дыхание братьев на своей шее и груди... Победитель в сражении всегда получал мой нежный поцелуй. Правда, и побеждённый никогда не оставался без награды...

Я была счастлива, но братья всё чаще просили:

— Франни, определись же скорее, с кем ты будешь! Не мучай нас...

И напрасно я пыталась притворным смехом скрыть свою неуверенность, потому что *оба* сводили меня с ума. Счастье, что наши отцы в эти дни были очень заняты или делали вид, что не замечают очевидного. Но как раз накануне злосчастного происшествия шутливые поцелуи и страстные ласки чуть не зашли *слишком далеко* и, вырвавшись из чересчур пылких объятий своих возлюбленных, запыхавшаяся и растрёпанная, я пообещала, что, наконец, сделаю выбор, как только они вернутся из похода против монстра.

И вот братья *вернулись*, вернее, их принесли наши отцы. Всё решилось само собой, судьба наказала меня за жадность: дурочка хотела получить обоих, а в результате осталась ни с чем...

Я посмотрела на противоположную сторону стола, где сидели Дон и Марк. Они были в полном порядке: смеялись, подшучивая друг над другом, совершенно не обращая внимания на «спасительницу».

Увы, но мне предстояло смириться не только с этим. Ведь я одна знала, что действие заклинания *не окончено*, и ждала страшного продолжения своей расплаты за чудо. Ни отцу, ни Тео не было известно о небольшой сноске на следующей странице злополучной тетради. Весь ужас заключался в том, что похищенные чувства у спасённого человека менялись *на прямо противоположные*.

Ещё вчера страстно любившие меня братья теперь должны были возненавидеть бедную Франни. И чем крепче была их любовь, тем страшнее ожидала расплата. Я смотрела на Дона и Марка, молясь, чтобы этого не случилось. Пусть они навсегда забудут те нежные чувства, что ещё совсем недавно связывали нас, но не испытывают злобы или презрения...

Вечер заканчивался, и братья по-прежнему были веселы. Моё сердце отчаянно билось,

взывая ко всем богам о защите глупой Франни, запятнавшей себя грязным колдовством. Ведь если любимые повернутся против меня, я буду вынуждена защищаться, и тогда не сносить им головы...

Наконец Тео прогнал мальчишек спать — слишком тяжёлым выдался прошедший день, всем был нужен отдых. Дон встал из-за стола первым и, прежде чем уйти, обернулся, посмотрев мне в глаза — в них полыхала лютая ненависть, обещавшая все возможные на свете муки... Вот, оказывается, как сильно он раньше любил.

До боли вцепившись пальцами в край стола, и, не опуская глаз, проводила его несчастным взглядом. Оставалась надежда — может, для Марка я была всего лишь лёгким увлечением? Но, уходя к себе, он зло шепнул мне на ухо:

— Берегись, ведьма, скоро я приду за твоей головой...

Сердце вспыхнуло болью и окаменело, слёзы умерли в глазах. Попрощавшись с отцом и Тео и пожелав им доброй ночи, я вернулась в свою комнату, написав короткую записку:

— Простите и не ищите меня, если хотите, чтобы я жила...

Быстро собрала вещи в походный мешок, добавив туда мамины драгоценности и подаренные отцом деньги. Прокралась в конюшню и, вскочив на любимого жеребца, помчалась прочь от замка, куда глаза глядят. Так было надо — ради меня и ради тех, кого, судьбе назло, продолжала любить.

Погоня коня при свете луны, глупая девочка шептала себе:

— Беги, беги скорее, Франни! Это единственное спасение для нас троих...

Кажется, луна сегодня решила меня пожалеть: дорога, ведущая от замка к небольшому, поросшему сорняками, тракту, светилась в лучах огромного небесного фонаря. Я тогда плохо соображала и сквозь слёзы видела только эту небольшую полосу, едва выделяющуюся среди начинающей желтеть травы. Деревья тёмной массой стремительно проносились мимо, нанося бесконечные удары своими ветками-плетями, но в тот момент беглянка совершенно не чувствовала боли — горе на время сделало Франни похожей на безразличную и бесчувственную тряпичную куклу.

Подгоняя коня, я думала только о том, что сегодня натворила. Перед затуманенным слезами взором мелькали то испуганные лица отца и Тео, то полный неприкрытой ненависти взгляд Дона и злобная ухмылка, неузнаваемо исказившая привлекательное лицо Марка. Те же губы, что ещё совсем недавно ласкали меня, робко признаваясь в любви и не желая ни на мгновение отпустить, шептали:

— Я приду за твоей головой, ведьма!

И это была не просто шутливая угроза, нет — безжалостный приговор, который он готовился сегодня же привести в исполнение...

От таких мыслей я ничего не замечала вокруг, но, когда яростная лесная пощёчина чуть не лишила меня глаз, невольно вскрикнула, лишь на мгновение отпустив поводья. Впрочем, этого с лихвой хватило для того, чтобы большой сук, больно ударив в грудь, выбил расслабившееся тело из седла. Я моментально слетела с коня в траву и, охая, перекатилась на живот, вдобавок чувствительно ударившись коленом о камень. Звук копыт убегающего перепуганного рысака довершил катастрофу, заставив неудачницу громко стонать и всхлипывать от отчаяния.

Впрочем, о Громе, роскошном породистом коне, которого я сама вырастила из маленького жеребёнка, можно было не волноваться. Что бы ни происходило, он всегда возвращался, и уже совсем скоро около моей головы раздавалось знакомое доверчивое фырканье. Кряхтя как старушка, я с трудом попыталась приподняться на ободранных в кровь руках, но тут что-то тяжёлое, оглушив, безжалостно рухнуло мне на спину.

Почти задохнувшись от зловония пота, смешанного с запахом дешёвого пива и чеснока, я вскрикнула, понимая, что звать на помощь бесполезно — голос мгновенно пропал. Чужая сильная рука, схватив за волосы, резко прижала голову к земле, а другая стала грубо ощупывать моё беспомощно распластавшееся на земле тело.

— Скорее брось верёвку, Билли! Ты только посмотри, дружище, какая потрясающая добыча попалась нам сегодня: девчонка, совсем молоденькая, небось ещё и нетронутая. Пожалуй, на всякий случай свяжу ей руки, чтоб не брыкалась.

— Ты не исправим, Стен — только о девках и думаешь, — недовольно проворчал второй голос, — здесь породистый конь и дорожный мешок, набитый серебром и драгоценностями. Вот так удача... Оставь девицу на потом, давай сначала посмотрим, что тут ещё есть...

— Не могу терпеть, братец, сейчас, я по-быстрому, — этот Стен, едва связав жертве руки и быстро оседлав, стал стягивать с меня штаны.

Не знаю, что в тот момент случилось — словно ступор напал: напрочь забыла, что умею кусаться и драться, что, в конце-то концов, я — маг, способный лишь несколькими фразами превратить двух уродов в горстку пепла. На меня нашло странное безразличие — «храбрая

Франни» сдалась, даже не начав борьбу за свою честь и, вероятнее всего, жизнь.

Наверное, пытаясь привести бедняжку в чувство, холодный ветер легонько пробежался по обнажённым ногам и груди, которую уже безжалостно сжимал в своих грязных лапах мерзавец. Но вдруг он отпустил добычу, хрипя, и, издавая странные хлюпающие звуки, скатился с моего беспомощного тела.

— Стен! Что происходит... — договорить второй голос не успел, захлебнувшись собственным криком.

Это было настолько страшно, что меня сразу «отпустило». Тяжело дыша, кое-как перекатилась на спину. Спутанные волосы закрывали лицо, не давая рассмотреть, что происходило вокруг, но, почувствовав свободу, я, наконец-то, очнулась и задёргалась в панике. Прошептав несколько слов, сбросила верёвки с рук и даже попыталась сесть — меня безжалостно шатало...

Голос необычного, бархатного тембра, почему-то показавшийся смутно знакомым, произнёс:

— Барышня, одевайтесь скорее. Осень же, холодно, замёрзнете, такое дело...

Дрожащими руками я отвела взмокшие волосы с лица, но всё равно никого не увидела, тут только сообразив, что почти полностью обнажена. Лихорадочно ощупала землю в поисках сорванной одежды и, найдя штаны, стала их натягивать. Куртка бесстыдно распахнулась на груди, и застегнуть её, при всём желании, было невозможно — оторванные пуговицы бисером рассыпались по траве. По бёдрам скользило что-то липкое и плохо пахнущее; от этого мерзкого запаха меня затошнило, кроме того, сильно ныло внизу живота, а ещё — было невыносимо стыдно...

Рядом мелькнула невысокая тень, и, вскрикнув, я направила на неё трясущуюся ладонь:

— Не приближайся, негодяй, сожгу!

Тень остановилась, со шлепком отпустив чью-то ногу:

— Вот те на! Спас, называется, девушку от бесчестья, а теперь вместо «спасибо» она меня спалить собирается? Нехорошо, такое дело... — и он снова, ухватив разбойника за сапог, потащил его в кусты.

Я растерялась, отметив про себя, что точно раньше уже слышала этот своеобразный красивый баритон.

— Простите, но мне Вас не видно. Спасибо, что спасли, — я пыталась говорить уверенно, но от пережитого стресса и холода голос так дрожал, что и сама себя не понимала. В отличие от моего спасителя:

— Да на здоровье, всегда-пожалуйста... Хорошо, что я тут недалеко в кустах прикорнул и услышал их пыхтение. Ненавижу таких мерзавцев, и, хоть я человек мирный, такое дело, пришлось их прикончить. Вы, барышня, одевайтесь потеплее, ветер поднимается, а то совсем окоченеете и пойдёте к моему шалашу. Погреетесь немножко, горяченького отвара выпьете. Конь на месте, и ваш мешок они не успели распотрошить. Придёте в себя, а завтра с рассветом отправитесь в путь, не дело это — по ночам девушке одной ездить, опасно...

Голос был спокойный, но мне в нём почему-то почудилась насмешка, словно он *потешался* надо мной: мол, сама, дурочка, виновата... Я нахмурилась и осторожно подошла к своему коню — мешок и правда по-прежнему был привязан у седла. Порывшись в нём и убедившись, что деньги и драгоценности на месте, вытащила аккуратно свёрнутый тёплый плащ, поблагодарив богов, что не забыла его прихватить, и быстро надела, завязав тесёмки на груди. И только после этого вызвала магический свет, чтобы хорошенько рассмотреть

своего спасителя.

Но вокруг никого не было — ни разбойников, ни того, кто меня от них избавил — только густой высокий кустарник и тёмные силуэты деревьев. Я испуганно озиралась по сторонам, ругая себя, что не догадалась спросить имя благодетеля. Как же теперь его позвать? И стоит ли это делать, а вдруг он ещё хуже разбойников?

Кусты зашевелились, и я тут же попыталась спрятаться за коня. Уже знакомый ироничный голос прозвенел в тишине:

— Вот оно что... Магические огни, такое дело... Барышня, оказывается, владеет магией, а почему тогда не применили её против нападавших? Растерялись, наверное. Да не прячьтесь Вы от меня, я не злодей, да и знакомы мы с Вашей милостью. Вы же, если не ошибаюсь, дочка здешнего землевладельца — мага Генри. Франни, кажется? Я — фокусник Арчи, мы с труппой месяц назад гостили в замке. Вы ещё пожаловали мне целую золотую монету — так, стало быть, понравилось представление. Неужто уже забыли?

У меня отлегло от сердца, и я вышла из-за своего укрытия, продолжая сжимать руками плащ на груди. Это и вправду был фокусник-карлик Арчи. Невысокий, едва доходивший до плеча, и это при моём-то небольшом, даже для женщины, росте. Симпатичный и насмешливый, с казавшейся непропорционально большой головой, украшенной копной вьющихся каштановых волос. Его походка слегка раскачивала стройное тело на, увы, слишком коротких ногах, а лицо удивляло особенной, благородной красотой...

— Арчи! Это и правду ты... Какое счастье, что мы так внезапно встретились, вернее, что спас меня от негодяев. Никогда этого не забуду, поверь, — я обрадовалась, готовая броситься ему на шею, но сдержалась не от гордости, а из-за страха, что плащ предательски распахнётся.

— Госпожа Франни, — Арчи поклонился, — всегда рад служить такой прекрасной даме.

Он улыбался, и это была улыбка, полная искренней доброты.

— Плохие люди так не умеют, их всегда выдают глаза, — говорил отец. Да, во время той памятной недели, когда труппа бродячих циркачей гостила в нашем замке, я успела подружиться именно с этим необычным человеком.

Мне не просто понравились фокусы и шутки, но и сам он вызвал неподдельный интерес. Арчи не был похож на других членов труппы с их развязным и откровенно льстивым поведением. И хоть его речь была простой, сразу показалось, что он нарочно скрывает свои знания, прикидываясь необразованным простолюдином. Мы подолгу с ним разговаривали о магии и фокусах, он даже научил «высокородную госпожу» некоторым простым трюкам.

Как раз из-за Арчи мы чуть не поссорились с Доном и Марком. Им не понравилось, что я много болтаю с «каким-то цирковым уродом» вместо того, чтобы проводить всё время с ними. Их высокомерие меня сильно разозлило, и я прогнала братьев прочь с глаз. Думаю, они не простили Арчи такого унижения, и на следующий же день родители попросили цирк уехать, а ведь это было единственное развлечение в нашей глуши...

На прощание я подарила фокуснику золотую монету и, поцеловав, он спрятал её на своей груди под рубашкой. Думаю, Арчи увлёкся мной, во всяком случае, об этом говорили его сверкающие влажные глаза. Расстроенная, я хотела выйти из замка, чтобы проводить цирк, но отец строго-настрого запретил это делать, сказав, что аристократка и дочь мага — не обычная девчонка с ярмарки, чтобы так себя вести... Пришлось подчиниться и долго с грустью смотреть в окно на удаляющиеся повозки артистов.

Тут только до меня дошло, в каком ужасном виде Арчи застал «благородную Франни», и краска стыда залила разгорячённое лицо. Он всё понял без слов:

— Не соблаговолит ли прекрасная дама посветить своими магическими огоньками на этой поляне, пока я поищу пуговицы от Вашей курточки.

Я сделала, как он просил, и очень скоро все пуговицы были зажаты в моём кулаке. Спрятав их в карман и взяв коня под уздцы, побрела вслед за Арчи к небольшому шалашу, построенному им совсем недалеко от места нападения разбойников.

Костёр он успел потушить, когда услышал приближение «лихих людей», и пришлось его снова разжигать, чем я с удовольствием и занялась, пытаясь хоть так отвлечь себя от грустных мыслей. Мы сидели у огня, согреваясь и глядя на танцующее пламя. Арчи угостил меня вкусным горячим напитком из каких-то ягод, и хотя, конечно, полностью я не успокоилась, но на душе стало немного легче. Он с вежливым поклоном протянул свою чистую рубаху, показав сияющими глазами на шалаш:

— Переоденьтесь, госпожа Франни, а я уж как-нибудь пришью пуговицы к Вашей курточке. Что-то мне подсказывает — шитьё и вышивание крестиком не самое любимое занятие охотницы за нечистью.

Покраснев, кивнула. Пока Арчи шил, не переставая удивляться, как юную барышню занесло ночью так далеко от дома, помалкивала в ответ, но, услышав, что утром он собирается проводить меня до ворот отцовского замка, вздрогнула. Я сидела в шалаше, кутаясь в тёплый плащ и кусая губы, размышляя, стоит ли рассказать ему ужасную историю, заставившую меня бежать. И колебалась: конечно, Арчи был моим благородным «спасителем», но, в сущности, я слишком мало его знала, чтобы доверить свою тайну. Ведь за использование чёрного колдовства дочери мага, как любому жителю Королевства, грозил костёр, и совсем не тот, у которого мы сейчас грелись.

Поэтому промолчала, и фокусник догадался, что невольно затронул щекотливую тему.

— Госпожа Франни... — начал он, но я его перебила:

— Арчи, во-первых, зови меня просто Франни, во-вторых — «прекрасной госпоже» сейчас нельзя возвращаться в отцовский замок...

Он немного помолчал, закашляв:

— Франни, куртка готова, я положу её около шалаша и отойду, такое дело...

Схватив куртку и снова спрятавшись в своём убежище, я быстро переоделась, решительно вышла и... всё рассказала Арчи.

Побледнев, он начал бегать вокруг костра:

— Это плохо, очень плохо, Франни. Слышал я кое-что об этом заклинании, там есть ещё одна тонкость...

Я испугалась и, схватив Арчи за рукав, остановила его безумное кружение, усадив рядом с собой:

— Говори без утайки, что тебе известно, не таяни, и так страшно!

Он покорно кивнул:

— Ты знаешь, я с детства ездил с циркачами, исколесив всю страну, и однажды мне довелось познакомиться с удивительной гадалкой. Тогда ещё маленький был, любопытный, всё у неё про свою судьбу расспрашивал, впрочем, это другая история. Так вот, она-то и рассказала, что есть такое заклинание, которое может вернуть умирающего к жизни, только связываться с ним никто не хочет. Ведь ему под силу или забрать жизнь — ты, Франни, и сама это знаешь, или оставить, сделав её невыносимой.

От его слов меня затрясло:

— Что ты хочешь сказать, Арчи?

Он нахмурился, нехотя посмотрев в глаза, словно ему тяжело было произносить эти слова:

— Заклинание отбирает у человека самые лучшие чувства — любовь, дружбу, привязанность. А взамен даёт другие — ненависть, злобу, зависть... и тебе это тоже уже известно. Но есть ещё кое-что — раз ты применила заклинание к своим друзьям, то теперь связана с ними до конца. Не понимаешь, что это значит? *До смерти*. Либо они тебя убьют, либо ты их, такое дело...

Он снова вскочил, и его красивое лицо исказила гримаса боли, а я пошатнулась и упала бы в обморок, но Арчи вовремя меня подхватил, снова осторожно усадив у костра.

— А что, если ты ошибся, вдруг это совсем *другое* заклинание? — безутешные слёзы заливали моё лицо.

Арчи печально отводил взгляд:

— Если бы только знала, Франни, как я хочу, чтобы ты оказалась права. Вдруг на самом деле существует *другое тёмное заклинание*? Только вот гадалка уверяла, что оно — единственное в своём роде, потому что сам дьявол приложил лапу к его созданию... Братья будут тебя искать, и если не хочешь первой нанести удар, есть только один выход — бежать и спрятаться как можно дальше...

Я сидела, закрыв лицо руками, и тихо раскачивалась. Языки пламени танцевали свой удивительный танец, Арчи молчал, словно ждал моего решения. Не понадобилось много времени, чтобы ответить на его немой вопрос.

— Неужели, придётся убегать всю жизнь? — самой было страшно слышать эти слова, — что ж, значит, буду бегать, пока есть силы, пока проклятая судьба не столкнёт нас лицом к лицу...

Я и не заметила, как прижалась к груди Арчи, и он гладил мои растрёпанные волосы, тихо шепча на ухо:

— Успокойся, Франни, мы обязательно найдём *другой выход* из этой страшной ситуации.

Я подняла голову:

— Ты сказал — *мы*?

Он улыбнулся и произнёс, то ли шутя, то ли серьёзно:

— Не думаешь ли ты, что Арчи-Фокусник бросит в беде столь прекрасную даму? Посвяти меня в рыцари, и я докажу тебе свою преданность, такое дело!

Я смотрела на него сквозь потоки слёз, постоянно всхлипывая и вытирая рукавом куртки покрасневший нос:

— Да уж, хороша «прекрасная дама»... У меня и меча-то для посвящения, как в рыцарских романах, нет. Стой, а кинжал сгодится? Его папа подарил...

— Конечно, кинжал мне больше по росту подходит, — невесело пошутил Арчи.

Я достала кинжал и, скомандовав:

— На колени! — осторожно коснулась плеча коленопреклонённого юноши. Да-да! Только сейчас мне пришло в голову, что Арчи ещё очень молод — на вид ему было чуть больше двадцати лет.

— Этим оружием я посвящаю тебя, Арчибальд... кстати, как твоё полное имя?

В ответ он только пожал плечами.

— Ну и ладно. Итак, посвящаю тебя, «Арчибальд без имени», в рыцари и дарю эту ленту, чтобы ты мог свершать подвиги во славу прекрасной дамы, — с трудом вытащив застрявший в спутанных волосах кружевной лоскут, торжественно вручила своему рыцарю.

Он нежно коснулся губами моей руки и повязал «ленту», больше напоминавшую рваную тряпку, на рукав куртки. А я замерла в невольном восхищении — никогда ещё кожи легкомысленной Франни не касались настолько *жаркие и опытные губы...*

Кажется, я вошла в образ и, как можно мягче, сказала:

— Встань с колен, мой верный рыцарь... Послушай, а у тебя есть что-нибудь посытнее ягодного напитка, а то на радостях что-то аппетит разыгрался.

Арчи, смеясь, поднялся, снова горячо поцеловав мою руку, и от этого по спине пробежали мурашки:

— Я не ослышался? Ты сказала — *на радостях*, о прекрасная дама? — и якобы удивлённо вскинул бровь.

— Конечно, не каждый же день появляется *настоящий рыцарь*, — засмеялась в ответ.

Неожиданно голову повело, и я оказалась в объятьях Арчи, осторожно опустившего «свою даму» на траву у костра. Он был не на шутку испуган и как ребёнка нежно гладил меня по спутанным волосам:

— Что такое, Франни-детка, где болит?

— Голова немного кружится, и странно тянет живот...

Новоиспечённый рыцарь задумался:

— Может, чем-то отравилась? Вспомни, что ты ела в последний раз?

Перед глазами всё вращалось, и, упав на спину, я едва нашла в себе силы прошептать:

— Спроси лучше — *когда* я последний раз ела... Пыталась что-то пожевать за ужином, но так и не смогла. Слишком переволновалась.

Арчи быстро полез в свою котомку и, достав мешочек с засахаренными фруктами, усадил «голодающую» рядом с собой, заставляя немного поесть — и в самом деле сразу стало легче. Потом, что-то бормоча себе под нос, он варил в котелке кашу и кормил меня с ложки как маленькую. Это помогло — голова перестала кружиться, а вот неприятное ощущение в животе осталось.

Смущаясь, я тут же рассказала об этом Арчи. Немного подумав, он хлопнул себя ладонью по лбу:

— Вот болван, такое дело... Должен был сразу догадаться — видишь ли, Франни, это же заклинание тебе подсказывает, что дома обнаружили *пропажу*. И не отец, а бывшие друзья. Они суетятся и собираются тебя искать, выходит, у нас нет времени на отдых: быстро хватаем вещи и едем... вот только куда?

Я потихоньку встала с травы, опираясь на руку моего рыцаря.

— Ну уж точно не в трактир, там беглянку будут искать в первую очередь. И, пожалуйста, Арчи, не называй Дона и Марка — *бывшими друзьями*, они просто меня не помнят, а я по-прежнему их люблю.

Фокусник смутился, отводя взгляд:

— Прости, Франни, больше это не повторится. Я понимаю тебя...

Нежно взяла его руки в свои ладони, почувствовав, как он вздрогнул и напрягся:

— Конечно, Арчи. А может, нам присоединиться к твоей труппе, как ты на это смотришь? Вряд ли такую «пропажу» будут искать в цирковом фургоне.

Он тяжело вздохнул, легонько пожимая холодные кончики моих пальцев — на этот раз тело словно погладил тёплый, волнующий ветерок:

— Да, в другой ситуации это был бы отличный выход, не спорю, но не теперь, такое дело. Вчера меня пытались убить свои же цирковые: я повздорил с Хозяином труппы —

вступился за избитого мальчика-акробата. Этому уроду-Фокуснику не простили: во сне ткнули кинжалом под рёбра... даже не знаю кто, и выбросили прямо здесь в лесу.

Я ахнула:

— Но как же ты выжил, бедняжка?

Арчи отошёл на пару шагов и, распахнув куртку, показал корсет из толстых кожаных пластин.

— В последнее время у меня появились проблемы с позвоночником, вот недавно пришлось купить эту шкуовину, такое дело... Тяжёлая, конечно, но, как ни странно звучит, с ней *легче*. А вчера она и вовсе спасла мне жизнь, — он печально усмехнулся, застёгивая куртку, а я невольно залюбовалась его обаятельной улыбкой.

— Что за ужас, какие же всё-таки люди жестокие... Но что нам теперь делать? — «прекрасная дама» была здорово напугана таким поворотом событий, растерянно выдёргивая листья и травинки из волос, всё больше походивших на спутанную гриву.

Новый друг и защитник думал недолго:

— Вот что, конь у тебя молодой и здоровый, выдержит двоих. Жаль, он маловато отдохнул в эту ночь, но гнать его не будем, направимся в ближайший город. Правда, — тут он иронично усмехнулся, — на самом деле, это далековато, но у меня там есть знакомый — немного странный тип, конечно, но очень умный. Одно слово — *учёный*. Надеюсь, он не откажет в помощи и даст дельный совет. Только тебе, красавица, надо замаскироваться, такое дело.

Сердце жалобно трепыхнулось, предчувствуя, что мне не понравятся его слова, но я сдержалась. Арчи внимательно осмотрел беглянку:

— Будем делать из тебя мальчика. *Твои друзья*, — при этих словах он слегка поморщился, — бросятся искать *девушку*, а уж точно не Фокусника с учеником.

Я схватилась за свои густые рыжие локоны, жалобно простонав:

— Арчи, неужели придётся их *резать*? Волосы — моя гордость...

Рыцарь тут же покачал головой, поспешив успокоить:

— Обойдёмся без подобных жертв, такое дело. Франни, садись-ка вот на эту корягу и подсвети немного. Буду тебя гримировать, но сначала не туго заплети косу.

Я покорно выполнила все его требования. Арчи достал из походной котомки небольшой, потемневший от времени ящичек, начав кисточкой закрасивать брови и рисовать веснушки на белом от волнения лице. Аккуратно уложив косу вокруг головы, закрепил её шпильками, и в завершении этой процедуры напялил, правда, с трудом, лохматый парик с грубыми, неровно постриженными прядями, напоминавшими жёсткую солому.

Как настоящий художник, он отошёл в сторону, любуясь творением своих рук, и остался вполне доволен. Фокусник достал из той же котомки маленькое овальное зеркало в чехле, протянув его со словами:

— Только аккуратнее с ним, это очень дорогая для меня вещь.

Я взглянула на отражение и не поверила себе — из зеркала на меня таращился конопатый деревенский мальчишка. Впрочем, весьма симпатичный...

— Арчи! — прошептала я.

— Что-то не так? — его голос звучал взволнованно.

— Знаешь, кто ты? Лучший в мире Фокусник — за несколько минут превратил девчонку в мальчика. Даже я со своей магией не справилась бы с этой задачей лучше. Правда, парик

ужасно жмёт, а в остальном — всё отлично...

Арчи довольно засмеялся, облегчённо выдохнув. Мой рыцарь убрал свой гримёрный ящик в котомку и затушил костёр:

— Обещаю, парик я растяну, о красках тоже не волнуйся — они плохо смываются, так что совершенно спокойно можешь умываться водой. А начнут стираться — поправлю, это легко, такое дело. Осталось найти нормальный плащ — твой сделан из дорогой шерсти, и на нём вензель семьи. А нам нужен простой, грубый, да и обувь попроще. Люди слишком наблюдательны, особенно если им заплатить. Так что не будем рисковать и поедем сейчас к одному хутору, там мне слегка задолжали...

— А зачем, Арчи? — как дурочка поинтересовалась я, вскакивая на коня и помогая рыцарю устроиться впереди.

— Наведаемся к ним за нужной нам экипировкой, — ответил он и развернул Грома в другую сторону, проявив себя ловким наездником. Про себя «наблюдательная Франни» отметила, что простой фокусник вряд ли знаком с такими заумными словами:

— Кто же ты на самом деле, мой рыцарь? Придёт время, обязательно узнаю, потому что обожаю тайны...

Мы ехали через ночной лес, не придерживаясь дороги. Вернее, её просто не было, но Арчи уверенно направлял коня, несмотря на то, что луна скрылась в облаках. Я пустила вперёд несколько магических огней, и этого хватило, чтобы примерно через полчаса остановиться у ограды большого хутора. Несмотря на нашу осторожность, сразу же злобно залаяли собаки. Мне стало страшно за уже спустившегося на землю неловкого Арчи: а что, если эти огромные псы погонятся за ним? Ему не убежать...

Фокусник посмотрел на моё озабоченное лицо, добродушно улыбнувшись:

— Не переживай, прекрасная Франни — твой рыцарь очень любит животных и всегда находит к ним подход. Жди здесь и ничего не бойся, — с этими словами он, как пишут в романах — «растворился в темноте»...

Как только Арчи ушёл, я спрыгнула с коня и, закусив губу, стала вслушиваться в ночную тишину. Собаки вдруг разом замолчали, но, решив подстраховать своего героя, на всякий случай приготовила огненное заклинание. Пусть не думает, что Франни — слабачка, хоть, честно говоря, именно так этой ночью я себя и вела...

Перед глазами сразу встали грязные, лапающие тело руки, и меня затошнило от отвращения и злости. Ну где же ты был в те минуты, мой боевой характер? Почему я не сожгла мерзкую тварь, не превратила её в жабу?

— Никогда, никогда больше не позволю к себе прикоснуться, это была минута слабости, стоившая мне очень дорого. Но я учусь на собственных ошибках и... — шептала вслух, прозевав появившегося рядом Арчи.

— Зачем спешила, что-то случилось? — его встревоженный голос привёл меня в чувство.

— Нет, просто спина затекла, а почему ты так быстро вернулся — не удалось найти плащ?

Арчи тихо засмеялся:

— А ну-ка снимай свой дорогой, но пока ненужный нам балахон, и примерь обновку, — он протянул серый и колючий, но толстый плащ с капюшоном. Рядом поставил грубые башмаки.

Я переоделась, натянув капюшон на голову. Снимать свои чудесные сапожки было

очень жаль, но пришлось и это сделать.

— Ну как ощущения, *Фредди*? — тихо смеялся Арчи.

— Колется, и башмаки великоваты, — недовольно фыркнула я, — а почему Фредди? Не слишком ли похоже на Франни? — поинтересовалась, запихивая любимый, такой красивый, мягкий плащ и сапожки на самое дно мешка.

Фокусник и, по совместительству, мой рыцарь пожал плечами.

— Знавал я одного Фреда, славный был паренёк — руки у него были очень ловкие, такое дело. Из него получился бы отличный помощник фокусника, — ответил Арчи, забираясь на коня.

— Так что, он стал великим...

— Увы, не стал, моя прекрасная Франни... ой, что это я — просто Фредди. Зато из него получился отличный Вор, такое дело, — глаза Арчи озорно блеснули, и его помощник Фредди решил не интересоваться:

— А где ты взял этот ужасный плащ и жуткие башмаки, Арчи, и сколько за них заплатил?

В тот момент я поняла, что иногда надо себя сдерживать и не задавать глупых вопросов, тем более, когда ответ *настолько очевиден*.

Мой рыцарь снова неторопливо развернул Грома, а я, обняв его за талию, прижалось щекой к широкой спине и расслабилась. Арчи уверенно вёл коня, и, рассвет путники встретили верхом. Удивительно, но я даже не заметила, как, миновав ужасный лес, с которым теперь было связано столько отвратительных воспоминаний, мы выехали на долгожданный простор. Вокруг были окутанные утренним туманом поля, а между ними пролегал хорошо утопанный тракт. Я очень устала: поясница безбожно ныла, и не только она одна, но спросить Арчи, когда же, наконец, сделаем привал, так и не решилась.

Он сам остановился и, показав на поле, засаженное какими-то неизвестными, но зато очень высокими, пока ещё не скошенными растениями, предложил:

— Пора передохнуть, слезаем. Тебе, Фредди, наверное, не терпится... хм... *размяться*? Вот эти славные растения как раз для этого подойдут, только не заходи далеко, а то заблудишься, такое дело.

Мне не надо было повторять, и я с радостью углубилась в заросли высоченной травы. Закончив с «разминкой», покрутилась на месте, испугавшись, что потерялась. Голос друга помог мне вернуться. Прямо у дороги на небольшой салфетке меня ждали кувшинчик с родниковой водой и разделённая надвое лепёшка с пресным сыром. Я обрадовалась этому нехитрому завтраку, больше чем жаркому с трюфелями, но ела стоя, и понятливый Арчи не подсмеивался надо мной. Гром спокойно жевал ту самую траву, в которой я чуть не заблудилась. Все были довольны, пока...

Раздвинув заросли, на дорогу вышел *странный человек*. Нет, монстр. Его серая кожа, покрытая шипами, напоминала свободно свисающий с плеч плащ, лицо походило на неподвижную маску куклы, руки и ноги были вполне человеческими, но вот раздвоенный хвост с двумя острыми жалами на концах...

В голове сразу же возникла, взорвавшись барабанным грохотом, мысль:

— Это он, Франни, тот монстр, что погубил Вашу с братьями любовь, тот, из-за которого ты будешь всю жизнь бегать, пока не решишься покончить с обоими или подставишь свою голову под их меч. Он должен умереть!

Наверное, в тот момент я просто сошла с ума. Говорят, есть такие воины, бьющиеся с

врагами, не замечая боли, в бою ими владеет холодная ярость — об этом рассказывал отец. Сейчас я была *одной из них*, во всяком случае, чувствовала себя именно так.

Закричав изо всей силы, я отбросила Арчи на землю, потому что увидела, как один из хвостов летит в его сторону, и, выхватив кинжал, в прыжке отрубила ядовитое жало, уже смотревшее мне в лицо, сразу же пришили им к земле второе, зависшее над рыцарем. Это произошло так быстро, что и сама не поняла, как мне удалось справиться. Стояла, тяжело дыша, опустив руки и глядя на сгорающие в магическом пламени останки монстра. *Того самого...* Или просто на него похожего, это уже было неважно...

Ярость отпустила, и я повернулась к Арчи, смотревшему на свою «прекрасную даму», заляпанную чёрной кровью вперемешку с кишками невезучего монстра, не скрывая восхищения, устало выдохнув:

— Завтрак, кажется, окончен... Ну как, Фредди справился? Берёшь его себе в помощники, а, фокусник Арчибальд?

Сказав это, я заревела, и Арчи тут же меня обнял, дав как следует выплакаться на своём плече и что-то тихо нашёптывая на ухо. Но я всё равно ничего не расслышала, всхлипывая и размазывая кровь монстра по лицу. Немного успокоившись после страшного происшествия, закрутилась на месте в поисках Грома. Испуганный конь убежал, и, расстроенная, я совсем забыла, что верный спутник всегда возвращается сам.

Так и случилось через несколько минут: Гром потрусил назад к хозяйке, но близко не подошёл, фыркая и мотая головой.

— Арчи, что это с ним? — заволновалась «грозная убийца чудовищ».

— На тебе кровь монстра, он боится, — спокойно объяснил друг.

— Ой, точно... И костюм весь запачкала, что делать? У меня есть смена одежды, но надо и этот почистить...

— Правильно, — Арчи взял коня под уздцы, — иди-ка снова в траву и переоденься, приедем к реке — постираешь, я тебя научу, *Фредди...*

Кивнув, покорно пошла переодеваться, на ходу сдирая с себя испорченные вещи. Рыцарь молча свернул грязный костюм в узел и спрятал в своей торбе, аккуратно оттерев платком мои испачканные лицо и руки. Было немного неловко, но он, улыбаясь, подбадривал и, вообще, обращался с «прекрасной дамой» как с маленьким ребёнком.

— А с другой стороны, — морщила лоб в размышлениях «воительница», — я же ему жизнь спасла, почему бы Фокуснику не поухаживать за девушкой. Тьфу, всё время забываю, что теперь Франни — деревенский мальчишка. Надо будет голос потренировать...

Наконец, мы продолжили путь, и, слава богам, что сегодня не было дождя. Когда с неба льёт — меня всегда клонит в сон, а если учесть, что накануне не удалось даже прикорнуть, я бы уже давно свалилась с коня. Зевая, приходилось заставлять себя таращиться на однообразные поля и пытаться чем-нибудь занять голову, лишь бы не впасть в дремоту.

Сама не знаю почему, на ум вдруг пришёл небольшой акцент Арчи, и я начала вспоминать, где уже слышала подобное. Ну, конечно... Тео говорил точно так же. Он вырос в стране «пожирателей Чёрной Луны». Что это было за место, и почему оно так странно называлось — вопрос, долго меня мучивший. Но Тео, смущаясь, не хотел об этом говорить, и отец, отругав, попросил больше к нему не приставать. Я обиделась на обоих, впрочем, успокоившись, вскоре забыла об этой истории.

Став постарше, попросила Тео научить *любопытную Франни* разговаривать на его родном языке, и, к моему удивлению, он не отказался. Даже пожаловался, что ни Дон, ни,

тем более, Марк не хотят изучать язык предков. Мысль об оставленных возлюбленных вновь меня расстроила, и, почесав жёсткий парик, стягивавший голову словно обруч, я снова переключилась на воспоминания о наших с Тео занятиях.

Учёба вообще давалась мне легко, вызывая зависть братьев, не отличавшихся в детстве особой усидчивостью. Я довольно быстро освоила разговорную речь и частенько практиковалась в этом с Тео, радуя его. Не знаю, почему мне пришло в голову спросить Арчи на этом языке:

— Как здоровье Вашей коровы?

На самом деле, вопрос должен был относиться к «жене», но это слово как назло вылетело из головы, а вот «корова» влезла сама. Получилось очень глупо.

Но Арчи, не оборачиваясь, ответил:

— Такое дело, Фредди — у меня нет коровы, — и он звонко засмеялся. Значит, понял. Я присоединилась к нему и, отсмеявшись, спросила:

— Откуда мой рыцарь знает язык жителей этой страны?

Он вздохнул, словно нехотя:

— Твой рыцарь там родился.

Этого мне показалось мало, и я начала канючить, упрашивая Арчи рассказать о себе, шуточно угрожая, что иначе — свалюсь на землю и тут же усну.

— Ладно, ладно. Только не падай, любопытный Фредди... Пожалуй, это будет справедливо, ведь ты поделилась своей тайной, а обо мне ничего не знаешь.

— Точно, точно, не тяни, рассказывай! — обрадовалась я, но история Арчи разочаровала — она была предельно короткой, и сразу чувствовалось, что он просто хочет побыстрее отвязаться от *приставалы*.

— Кажется, я там родился, точнее сказать не могу. Дело в том, что со мной, похоже, произошёл несчастный случай, после которого всё раннее детство стёрлось из памяти. Вот только язык помню, да и то без тренировки уже начал забывать. Очнулся в горах, в хижине какого-то пастуха, мне тогда было лет семь отроду. Он нашёл брошенного ребёнка на дороге и, скорее всего, прошёл бы мимо, ведь у самого было восемь детей, а лишний рот в семье — ни к чему, такое дело. Но его добросердечная жена заставила взять меня с собой.

Арчи замолчал, отводя глаза, словно воспоминания причиняли ему боль, и я пожалела, что затеяла этот разговор.

— Я прожил у него недолго, надеясь остаться. Помогал, как мог, но старик оказался жадным малым и продал меня заезжим циркачам. Не могу сказать, что с приёмным ребёнком в труппе обращались хорошо — частенько поколачивали, пока я не стал учеником старого фокусника. Хороший он был человек, добрая душа, но, к несчастью, горький пьяница. Прозвав своего нового помощника Коротышкой, старик научил мальчика всему, что знал сам, а через пару лет умер от горячки. Правда из труппы меня не выкинули, им был нужен новый фокусник, тем более, такой урод, как я. Так Арчи стал циркачом. Вот и вся история, Фредди...

Я возмутилась, крепко его обняв:

— Никогда не говори о себе *так*, ты — замечательный человек, а не урод. И, к тому же — *мой рыцарь*, не забывай об этом...

Арчи грустно засмеялся:

— Как скажет прекрасная дама. Кстати, мы скоро подъедем к реке. Искупаться вряд ли получится, холодно, хотя... Но постирать костюм можно и нужно, заодно поспишь немного, я тебя покараулю. Если повезет, к вечеру будем в городе, такое дело.

Известие о реке меня взбодрило, и я стала выглядывать из-за спины Арчи, отметив, что плечи у него широкие, талия — тонкая, как у Дона, а ещё — такие сильные руки... На душе опять стало тоскливо, стоило лишь вспомнить обращённый ко мне полный ненависти взгляд любимого человека.

— Интересно, чем *мои друзья* сейчас занимаются? Хотя, догадываюсь: сделав вид, что очень *взволнованы*, бросились на поиски. Ага, чтобы найти и прикончить...

Арчи остановил коня, и я, наконец, смогла спрыгнуть на землю. Всё тело затекло, хотелось не только «размяться», но и просто походить по травке. Очень кстати рядом оказались густые кустики, что не могло не радовать. Стоило из них вернуться, как Арчи закатал мне рукава и повёл к реке. Там под его руководством я прошла краткий курс стирки и с грустью поняла, что теперь придется заниматься *этим* самой. И очень часто...

Зато потом смогла вполне заслуженно прилечь на заботливо постеленное моим

рыцарем одеяло и, наконец-то, подремать.

— А что ты будешь делать, Арчи? — пробормотала я, засыпая.

— Растяну парик и постираю свои вещи; спи пока, скоро снова в путь...

Казалось, я только-только закрыла глаза, как налитые свинцом веки снова открылись. Не знаю, сколько прошло времени, Арчи почему-то не будил меня, и я испугалась — не случилось ли с ним чего-нибудь плохого. Повернулась на другой бок и замерла: он стоял по пояс в реке, осторожно раздвигая воду руками, а потом вдруг нырнул, даже не подняв брызг.

Это было удивительно: Арчи плавал в холодной осенней воде, и, по-моему, ему это нравилось.

— Неужели он не чувствует, как ледяной озноб пробирает до костей, боже, даже подумать об этом страшно! — какая-то сила не давала мне оторвать зачарованных глаз от стройного обнажённого тела. Как же в эти минуты он был красив, и я совсем забыла о его слишком коротких ногах...

Как только Арчи, отфыркиваясь, повернул к берегу, бесстыдница-Франни быстро развернулась лицом к кустам, боясь, что он заметит мои проделки. Сердце испуганно трепыхалось в груди, а щёки пылали: было стыдно за то, что я подсматривала за парнем, и за свои слишком *горячие мысли*. А вдруг он догадался, что «притворщица» не спала, как тогда выкручиваться?

— Проснулась, моя прекрасная дама? — за спиной раздался его весёлый голос, — подожди минутку, не поворачивайся, я тут решил немного поплавать. Так хорошо, но холодновато, такое дело! Срочно разводим костёр, мне надо согреться — а тебе поесть.

Я не спешила отвечать, потому что лицо горело огнём, и не только оно одно...

— Давай, Фредди, вставай и помоги зажечь костёр магией. У тебя это здорово получается, а, главное — быстро, а то глупый рыцарь может простудиться, — он преувеличенно громко чихнул и закашлял.

Нехотя повернулась и, не поднимая на него глаз, подошла к никак не хотевшему разгораться костру. Заклинание заставило его вспыхнуть выше деревьев, почти мгновенно спалив весь хворост. Такой промашки со мной раньше не случалось. Я смущённо извинилась и начала лихорадочно собирать ветки для нового костра, с недоумением прислушиваясь к бешеному перестуку сошедшего с ума сердца. Арчи остановил эту суету, усадив «неумеху» на одеяло, и от прикосновения его рук меня почему-то ещё больше затрясло:

— Не волнуйся, Фредди. Такое у всех случается, ты просто мало отдохнула. Как только приедем в город, снимем в гостинице номер, обещаю — выспишься на славу. Смотри, твой рыцарь уже приготовил новый хворост...

Я быстро зажгла огонь и, взяв одеяло, неловко улыбаясь, накрыла им Арчи:

— Не хочу, чтобы ты заболел, и, хотя не умею готовить, воду нагреть вполне способна: смотри, сейчас повешу котелок, и все дела...

Арчи помог мне сделать всё правильно, и, случайно притронувшись к его ладони, я почувствовала, что она *дрожит*. И совсем не от холода... Мы сидели около потрескивающих в огне веток, пили обжигающе горячий напиток с целебными ягодами и молчали. Впервые между нами появилась необъяснимая неловкость, и, не поднимая глаз, смущённая беглянка считала минуты, чтобы скорее отправиться в дорогу.

Фокусник оказался мастером на все руки: он прекрасно растянул парик, и теперь я почти его не чувствовала. В свою очередь, с помощью магии «охотница за монстрами» быстро высушила его мокрую одежду, даже не подпалив её. И всё это происходило в

странной напряжённой тишине, угнетавшей нас обоих. Мне было не по себе, ужасно не хватало его звонкого смеха и ироничных замечаний. И только взобравшись на Грома, мы вздохнули с облегчением и продолжили путь.

По дороге я больше не прижималась к его спине, осторожно держась за потёртую куртку, серьёзно думая о том, что же произошло между нами там, на берегу этой никому не известной речки. В общем-то, ничего особенного не случилось — почему же тогда меня не отпускало чувство, что это важно для обоих...

Ещё не начало темнеть, когда вдали показались очертания городской стены.

Я как маленькая вытянула руку вперёд, указывая на приближающуюся цель нашего пути:

— Смотри, Арчи, там город!

Он засмеялся, и звук его голоса разбил надоевшую тишину:

— О да, Фредди, этот небольшой городишко, в котором мы неоднократно выступали, хорошо мне знаком. Надеюсь только, что трупы там сейчас нет. Кажется, такое дело, они собирались в другую сторону.

— Вот как... А что, если они там? — не унималась болтушка.

Арчи обернулся, на губах его играла насмешливая улыбка, но слова прозвучали настолько жёстко, что я сразу им поверила:

— Тем хуже для них. Прольётся много крови...

Мне сразу расхотелось продолжать этот разговор, но Арчи, придержав коня, спешил и подошёл ко мне:

— Надеюсь, я тебя не сильно напугал, Фредди? Вынужден просить прощения за свою несдержанность, и ещё — одолжи своему рыцарю немного денег, надо оплатить пошлину и гостиницу. Все мои сбережения остались в повозке, и цирковые уже наверняка поделили их между собой. Клянусь сразу вернуть долг, как только заработаю немного, показывая фокусы, такое дело.

Он был расстроен и, видно, чувствовал себя неловко. Я тут же полезла в кошель, спрятанный за пазухой, и, разделив деньги пополам, отдала ему серебро. Арчи смутился ещё больше, бормоча, что это слишком много. Сделав беззаботное лицо — мол, меня совершенно не волнуют подобные мелочи — весело заявила:

— Предпочитаю, чтобы платил мужчина. Тогда все увидят, что я не одна, и не будут приставать к одинокой девушке, — мой спутник закашлялся, и пришлось тут же поправиться, — то есть, мальчику.

Рыцарь покачал головой и низко поклонился, прижав руку к сердцу, как полагалась дворянину — я чуть склонила голову в ответ, и мы оба расхохотались над этими манерными выкрутасами. Знал бы Арчи, как в тот момент я любовалась его кудрявыми локонами, белозубой улыбкой и нежным румянцем щёк, подумал бы:

— Вот ведь легкомысленная дурочка! — и был прав, такое дело... Ох, кажется, я начала во всём подражать новому другу, к чему бы это?

Мы без проблем миновали городские ворота — на нас посматривали с интересом, но не более. Надвинув поглубже капюшон плаща, я с вызовом поглядывала по сторонам, щёлкая подсунутые Арчи орехи. Судя по его смеющимся глазам, роль мальчишки мне удалась на славу.

По городу бывшая Франни шла вразвалочку, копируя походку и ужимки пробежавших мимо мальчишек, и поскольку была занята этим важным делом, совершенно не смотрела по

сторонам. Потому, наверное, так и не увидела ни самого города, ни его узких грязных улочек. Невелика потеря, там, наверняка, и смотреть-то было не на что. Задумавшись, нечаянно уткнулась носом в спину Арчи:

— Что, неужели пришли? А то уже ноги подкашиваются... — заныла я, жалуясь своему рыцарю.

Он обнял меня за плечи, шепнув на ухо:

— Мы у гостиницы, сейчас хорошенько тебя накормлю и сниму для нас комнату, просто иди следом.

Я так и сделала, сев за стол и не обращая внимания на шум, стоявший в прокуренном и дымном помещении. Арчи пристроился рядом, и толстая, но удивительно шустрая разносчица вскоре принесла нам огромную порцию мясного рагу. Никогда я ещё так жадно и много не ела, запивая всю эту «роскошь» кислым вином из кувшина, после чего ноги подозрительно потяжелели, впрочем, как и желудок. Арчи буквально за руку пришлось вытаскивать обжору из-за стола, ведя по лестнице на второй этаж. В номере он сразу подтолкнул меня к наполненной ванне, буркнув:

— Раздевайся и мойся, я покараулю за дверью, смотри только не усни.

И я, забыв про стыд, быстро начала расстёгивать костюм, восхищённо спрашивая:

— Откуда в этом захолустье настоящая ванна?

Арчи ответил уже от двери:

— Чтобы порадовать прекрасную даму, пришлось взять самый дорогой номер в этом клоповнике.

Дверь захлопнулась, а я нырнула в горячую воду и, разомлев от блаженства, повторяла:

— Только не спать, не спать, не...

Арчи тряс меня за плечо, прикрываясь большой простынёй.

— Что случилось? — бормотала я спросонья.

— Ничего страшного, просто ты уснула. Вылезай, Фредди, не бойся — не смотрю, и марш в кровать.

Кое-как покорно замоталась в простыню, но ноги почему-то не слушались, и пришлось рыцарю нести меня в постель. Странно, он даже не запыхался, а только посмеивался:

— Фредди, не стоило, так много пить вина, с непривычки потом может быть *нехорошо*.

— Тю! Разве это было вино? Вода какая-то, ик, — на меня напало желание противоречить, но как только голова коснулась подушки оно растаяло. Я уснула, и продолжалось это блаженство долго...

Яркий луч солнца пробежался по глазам, заставив с трудом разлепить непослушные веки. Во рту было сухо и горько, голова болела:

— Прав был Арчи: вино — дрянь, зря напилась. А кстати, куда подевался мой рыцарь? Хочу завтрак в постель, интересно, а где он спал?

Ответ нашёлся сам собой — соседняя подушка пахла *им*, и сначала это меня страшно разозлило, но постепенно смирилась — кровать большая, даже огромная, а он, судя по всему, прикорнул с самого края... Кто я такая, чтобы требовать от него спать, как собаке, на коврик у кровати? Да тут и коврика — то не было...

Быстро умылась, надела парик и, полюбовавшись на себя в большое зеркало, завязала тесёмки плаща. Выйдя из номера, нос к носу столкнулась с молодой горничной — вид у неё был очень недовольный. Задрал нос и подбоченясь, я рявкнула:

— Чё не так, корова?

Она взбесилась, облив меня словесной грязью, из всего обилия которой удалось разобрать лишь — «деревенская шваль, единственный номер для господ, и пожелания нам с уродом-господином катиться к какой-то матери»...

Нахально расхохотавшись ей в лицо, демонстративно сплюнула на пол:

— Уплачено! — быстро прошмыгнув вниз, но в общем зале Арчи не оказалось. Не задерживаясь там, ведь есть в похмельном состоянии всё равно не было сил, быстро забрала из конюшни Грома и выскочила на улицу. Светило солнышко, и, оглядываясь по сторонам, я пыталась сообразить, куда же пошёл мой друг. Остановив прохожего мальчишку, спросила у него, где тут дают представления. Тот окинул меня презрительным взглядом, демонстрируя своё неприязненное отношение к «деревенщине», но направление показал.

Не поблагодарив грубого дурачка, я пошла, судя по всему, к рыночной площади, невольно усмехаясь и вспоминая, как, используя иллюзию огня, «подожгла» подол платья вредной горничной. Её вопли порадовали *Фредди* от души, хотя в желудке от этого легче не стало.

По окружившей меня толчее, выкрикам зазывал и общему гомону поняла, что уже на месте. Арчи нашёлся не сразу — пришлось хорошенько поработать локтями, услышав о себе много нового. Я всё схватывала на лету и потому легко отбивалась теми же словами. Счастье, что мой рыцарь, а, особенно, папочка не слышали, как ловко маленькая аристократка научилась ругаться.

И тут увидела *его*: расстроенное сердце наполнилось тоской и смущением. Арчи, одетый, как и положено балаганному фокуснику, в яркий блестящий плащ и ужасную парчовую шляпу, украшенную большим пером неизвестной птицы, приветливо улыбался толпе и, ловко жонглируя картами, показывал свои замечательные фокусы, не обращая внимания на грубые смешки и издёвки публики.

Он делал вид, что ничего особенного не происходит — может, просто привык к подобному обращению. Но я взбесилась и, недолго думая, пошла прямо к нему...

Ведя в поводу коня и отталкивая с дороги мешавших мне людей, смело приблизилась к Арчи и, увидев его испуганное лицо, подмигнула. Поклонившись публике, громко, чтобы все слышали, высокопарно произнесла:

— Простите, что задержался, *учитель*. Позвольте и мне продемонстрировать свои скромные умения.

В глазах рыцаря появилась тревога, хотя губы продолжали улыбаться:

— Что ж, *Фредди*! Порадуй меня и почтенную публику своим мастерством.

И «ученик» взялся за дело: огненные лепестки закружились над головой, складываясь в удивительные фигуры зверей. Потом вспыхнул фонтан из переливающихся цветов, они летели вверх, превращаясь в облака, и растворялись в небе. Народ сначала замер, а потом взорвался ликующими криками, от которых Гром шарахнулся в сторону.

Я низко поклонилась и, придвинувшись к Арчи, прошептала:

— Быстро дай шляпу!

Не подавая вида, что удивлён такими «фокусами», он элегантно протянул этот ужасный предмет, и, приняв его, я с поклонами пошла по кругу, чувствуя, как тяжелеет моя ноша. Мелкие монеты сыпались настоящим дождём. С гордостью подала шляпу «учителю», напоследок вытащив из неё кролика, как обычно это делал Арчи в нашем замке, но тут же, снова засунув ушастика назад, заменила его пушистой лисой. Публика ревела от восторга...

А вот «учитель» почему-то не очень обрадовался этому успеху, быстренько утащив меня

в подворотню. Я не сопротивлялась, не понимая подобной спешки:

— Что случилось-то, Арчи? Мы же неплохо заработали...

— Считаешь? — голос друга впервые за время нашего знакомства звучал сердито, — ты хоть понимаешь, что натворила?

Я упрямо насупилась, закусив губу. Арчи расстроено ударил себя по лбу:

— Ты привлекла к нам слишком много внимания, теперь все, кому не лень, начнут болтать об удивительном мальчишке. *Твои друзья* сразу догадаются, что это был *маг*: простому фокуснику ни за что не провернуть такие трюки. И всё, ты попалась, такое дело...

Я взволнованно закрутилась на месте:

— Может, ты и прав, Арчи — слегка перестаралась, но не думаю, что Дон и Марк так быстро нас выследят, а другим до меня и дела нет. Подумаешь, какой-то деревенский мальчишка!

— Неужели? — Он взял самоуверенную дурочку за плечи, развернув в сторону площади, с которой мы только что ушли, — а кто тогда, по-твоему, эти прекрасные молодые люди верхом на чистокровных жеребцах? Насколько помню, их звали очень похоже...

Я схватилась за бешено бьющееся сердце и посмотрела вперёд — Дон и Марк, расталкивая конями прохожих, озирались по сторонам. Мгновение полюбовалась их красотой и осанкой, и, вздрогнув, процедила:

— Вот невезение... И как только они догадались, что мы здесь?

Голос Арчи был холоден и печален одновременно:

— Может, потому, что они *маги* и не на словах знают о заклинании поиска?

Мои несчастные глаза заставили его смягчиться:

— Надо было нам обоим раньше об этом догадаться. В замке наверняка осталось много принадлежавших тебе вещей, верно же? Этого достаточно, чтобы найти человека...

Я схватила его за руки, жалобно заглядывая в прекрасные и добрые глаза:

— Что же теперь делать, Арчи?

Он вздохнул, едва коснувшись губами кончиков моих пальцев:

— Бежать, конечно, если ты не позволишь мне самому *принять к ним меры*...

От ужаса глаза полезли на лоб: сразу вспомнилось, как легко *мой новый друг* разделался с грабителями в лесу:

— Что ты, Арчи, я покинула замок не только из-за страха за свою жизнь, а чтобы и они остались целы. Никогда больше не говори так, ты делаешь мне больно. Бежать — так бежать, раз нет другого выхода...

Поклонившись, он отвернулся, наверное, чтобы скрыть недовольное выражение красивого лица. Думаю, мой ответ его не порадовал:

— Твоё слово — закон, прекрасная дама, но сейчас меня беспокоит кое-что другое. Обрати внимание на их глаза — они поменяли цвет. Если я правильно помню, ребята были зеленоглазыми, как их отец, а теперь в них бушует тьма. Мерзкое заклинание подчинило мальчишек себе и чем дальше, тем его влияние будет становиться всё сильнее.

Я ахнула, закрывая ладонями рот, Арчи же нахмурился, неожиданно сказав:

— Хорошо, что ты взяла мешок с собой, возвращаться в гостиницу нам нельзя. Вот что, быстренько проверь его содержимое — нет ли там «лишней» вещи.

Не понимая, что он имел в виду, подчинилась, обыскав мешок, и, к своему удивлению, вытащила *ту самую тетрадь*.

— Арчи, что это такое? Я точно не брала её с собой...

— Это понятно. Скорее убирай ведьмину книгу назад, смотри, как твои *друзья* оживились и крутят головами. Значит, не магия поиска, а книга ведёт их по следу. Это плохо, очень плохо для нас, такое дело...

Я была готова разрыдаться:

— Давай быстренько сожгу её в магическом пламени, и тогда нас никто не найдёт, — с

надеждой предложила очевидное решение, но по печальному взгляду Арчи поняла, что всё не так просто.

— Это не поможет, Франни, — я вздрогнула от звука своего имени, ведь начала привыкать к мальчишескому «Фредди», — ты применила заклинание и связала себя с книгой собственной кровью. Теперь она *твоя*, и избавиться от неё — невозможно, так что лучше спрячь тетрадь поглубже. Сейчас нам важно найти того человека, о котором я говорил. Только он может подсказать выход из этой ситуации...

Я засуетилась, сглатывая не удержавшиеся в глазах слёзы:

— Что же ты медлишь, Арчи? Пошли к нему скорее...

Он снова вздохнул и, взяв меня за руку, потащил по кривым и узким улочкам городка. Я вела за собой Грома, и на душе было муторно. Неприятно бурчал голодный живот, голова по-прежнему раскалывалась от боли, очень хотелось попросить Арчи остановиться у какого-нибудь трактира и поесть, но страх гнал беглянку вперёд.

Мы вынырнули из переулка, замерев перед ярко окрашенной дверью. Друг попросил подождать снаружи, а сам проскользнул внутрь. Только тут по ароматным запахам я сообразила, что стою перед лавкой, торгующей выпечкой. Арчи быстро накупил съестного, и мы продолжили путь, на ходу дую на пальцы и пожирая ещё не успевшие остыть горячие пирожки.

Увлечённая едой, не сразу заметила, как вышли к ведущим из города воротам, без проблем покинув это невезучее место. Я чуть не подавилась, раскашлявшись, пытаюсь спросить друга о загадочном человеке, на которого теперь возлагала последнюю надежду.

Он заботливо похлопал меня по спине, ответив на так и невысказанный вопрос:

— Учёный, к которому я тебя веду, устроил себе жилище за чертой города. Да-да, люди живут везде, прекрасная Франни. Только прошу, когда мы придём, помалкивай — этот человек по прозвищу Крот, очень подозрителен: никому не доверяет, считая, что все плетут против него заговор.

— Он что, сумасшедший? А это не опасно? — заволновалась я.

Мой спутник улыбнулся:

— Разве что для него самого. Он был известным учёным, но на свою беду увлёкся астрологией, гаданием и предсказанием будущего. Всякой мистической чепухой, такое дело. Это не пошло ему на пользу, а тут ещё жена и ребёнок погибли от лихорадки, которую он, кстати, сам же и предсказал. У хорошего человека совсем поехала крыша, жаль его. Запомни, говорить могу только я, а ты побудешь *немой*. В прямом смысле, такое дело.

Пришлось кивнуть:

— Как скажешь, Арчи. А почему его зовут — Крот? Он живёт под землёй, угадала?

Мой друг невесело усмехнулся:

— Можно и так сказать. Сворачивай в рощу, видишь нагромождение камней? Это и есть его дом.

Я недоверчиво посмотрела на Арчи, упрямо ведущего меня к невысокому холму из камней. Мы обошли его кругом и с обратной стороны увидели дверь, обитую металлическими полосами. Любопытство пересилило осторожность:

— Это что, каменный погреб?

Помрачневший Фокусник прижал палец к губам, присел на корточки и, взяв из кучи небольшой камушек, постучал им в дверь условным знаком. Ответом стала тишина. Я было снова открыла рот, но друг строго нахмурил брови — невольно пришлось сдержаться и

промолчать. Так он стучался пять раз. На шестой — дверь открылась, из тьмы высунулась лысая, в коричневых пятнах голова старика на тощей морщинистой шее. Несколько мгновений его прищуренные глаза смотрели на нас подозрением, после чего худая, как палка, рука протянула Арчи зажжённый фонарь, и голова исчезла в темноте провала.

Рыцарь быстро привязал коня у дерева и, сжав мою руку, шепнул на ухо:

— Не бойся, там крепкая лестница, я посвечу фонарём, и вот что — не вздумай применять магию — Крот на дух этого не переносит. Сразу выгонит вон.

Спускаться было очень страшно, но я не подавала виду. Двигаясь по узкому земляному коридору, почти в полной тьме при свете коптящего фонаря, мы кое-как добрались до новой двери. За ней оказалась просторная комната, освещённая парой свечей. Судя по всему, хозяину этой норы она заменяла спальню, гостиную и кухню.

В центре располагался большой стол, вокруг него стояли несколько самодельных табуретов. К стене прижался кособокий, набитый книгами шкаф, рядом с ним — маленькая печь с терявшейся в потолке трубой и лавка, судя по набросанным на ней одеялам, видимо, служившая Кроту кроватью. Сам он, худой и бледный, в подозрительно пахнущих лохмотьях, сидел в кресле у печки и насторожённо смотрел на нас:

— Зачем пришли? Я не ждал тебя, Коротышка.

— Прости, Крот, что пожаловал без приглашения. Смотрю, ты ещё жив, старый бродяга. Это уже хорошо.

Дальше произошло удивительное: старик встал из скрипучего кресла и обнял Арчи, а тот в ответ крепко прижал к себе бывшего учёного. После чего Крот, смахнув слезу, кивнул на табуреты, предоставив нам самим кое-как на них устраиваться. Это было непросто, ведь все ножки странной мебели оказались разного размера. Приходилось сидеть, стараясь удержать хрупкое равновесие, и я напряглась, с испугом посматривая на довольно ухмылявшегося Арчи.

Старик снова устроился в кресле, проворчав:

— Угощать мне вас нечем, уж извините.

Мой рыцарь выложил на стол уцелевшие пирожки:

— Мы пришли не с пустыми руками, а с подарком. Налетай, а то, смотрю, у тебя скоро живот к спине прилипнет.

И вновь заскрипело кресло: Крот очень ловко сгрёб «подарок», не оставив нам ни крошки. Пришлось ждать, пока он наестся. Правда, произошло это довольно быстро, и мне стало жаль бедного одинокого старика.

— Ну ладно, Коротышка, выкладывай, что там случилось у тебя и этой... хм... девицы.

Я покраснела, не ожидая, что он так быстро распознает во мне девушку. Арчи кивнул, рассказав про книгу, проклятое заклинание из злополучной тетради и ищущих беглянку ребят... Это вообще-то был мой секрет, и я не разрешала Фокуснику его никому раскрывать, но пока возмущаться не стала, в полутьме каморки гневно сверкая глазами на «предателя».

Старик неожиданно хрипло засмеялся, обнаружив почти полное отсутствие зубов:

— А девчонка-то хороша, ой как хороша... И чего это они в тебе находят, не понимаю, каждый раз с новой приходишь. Неужели ты и впрямь такой потрясающий любовник, как говорят? Ну да ладно, я тебя понял, Коротышка, слушай внимательно. Ситуация у вас и в самом деле сложная, избавиться от книги можно, хоть и непросто. Только так, уничтожив её, сможете вернуть всё назад: мальчишки станут собой, забыв о ненависти, а твоя подружка вернётся домой.

Он помолчал, задумавшись, а я замерла от этих слов — значит, не всё потеряно, надо только избавиться от страшной тетради... И тут старик продолжил:

— Остальное расскажу только тебе, проводи девочку наверх и возвращайся, пока опять не заболела голова.

Арчи быстро схватил меня за руку и, подсвечивая фонарём, буквально вытолкнул в рощу:

— Жди здесь и никуда не уходи. Надо спешить, нам повезло, что у Крота период «просветления», ему нельзя противоречить, такое дело. Так что оставь свои вопросы на потом.

И, бросив меня рядом с Громом, вернулся в подвал. Я кусала губы, нарезая круги вокруг коня и понимая, что сейчас от слов полоумного старика зависела моя судьба — бегать ли всю жизнь от становящихся с каждым днём сильнее братьев или без страха вернуться в дом отца.

— Папочка, Тео, как вы там? С ума, наверное, сходите. Господи, что я за человек такой, только о себе и думаю. Вдруг вам стало плохо, а глупая Франни здесь, далеко, и помочь ничем не может?

В этот момент такой знакомый и любимый голос словно полоснул мечом по сердцу:

— Смотри-ка, Марк, вот и наша беглянка нашлась. Привет, Франни! Не пора ли малышке вернуться домой? А мы проводим и, если нечаянно утонешь в болоте или сгоришь в каком-нибудь сарае, обещаю — *горько оплачем* твою несчастную судьбу и утешим родителей, — ядовитая интонация словно выворачивала внутренности, но я так растерялась, что в тот момент не нашла достойного ответа.

Марк и Дон смотрели на меня с высоты своих коней, в их глазах и в самом деле полыхало чёрное пламя ярости. Вдруг Марк холодно произнёс:

— Убить ведьму легко, но сначала она должна стать моей. Я хочу её и не буду сдерживаться.

От этих страшных слов внутри родился крик, но я задушила его, понимая, что если Арчи сейчас прибежит сюда, то так и не узнает от Крота, как спасти всех нас. Поэтому, несмотря ни на что — держалась, думая только о том, что надо увести ребят как можно дальше.

Дон неприятно засмеялся, спрыгнув с коня. Я попятилась, но уткнулась спиной в Марка. Он обнял меня за талию, крепко прижав к себе и жадно кусая в шею. В отчаянии попыталась оттолкнуть его руки, но они так впились в тело, что показалось, будто это не нежные пальцы любимого человека, а железные крючья вцепились в рёбра, пытаюсь их сломать.

Дон стоял передо мной, склонив белокурую голову набок и нехорошо ухмыляясь:

— Думала, дурочка, что сможешь нас провести? Нарядилась деревенщиной, что недостойно дочери мага, — он вlepил мне пощёчину, срывая парик, и тут же, подкинув его в воздух, сжёг заклинанием.

Растрёпанная рыжая коса упала на голые плечи, потому что Марк уже развязал тесёмки плаща и, расстегнув курточку, сдвинул её вниз. Дон, не переставая смеяться, начал жадно целовать мои шею и грудь, бесцеремонно расстёгивая брюки.

— Нет, — прошептала я ему в лицо, — он поднял голову, не веря, что у жертвы хватило храбрости противостоять насилию, — никто не коснётся меня, пока я сама не позволю, — и зло плюнула прямо в эти почерневшие глаза. Заклинание сорвалось с губ, разбрасывая братьев в стороны. Удар был настолько сильным, что у Марка при падении хрустнула кость,

и он заорал:

— Убей её, Донни, прикончи ведьму! Она сломала мне руку...

Но Дон промолчал — он лежал у дерева, сильно ударившись о него при падении и потеряв сознание. Лишь на минуту во мне шевельнулась жалость, но не к этому насильнику, а тому мальчишке, что ещё совсем недавно занимал все мысли и чувства наивной Франни. Медленно отвела от него взгляд и на негнущихся ногах подошла к баюкающему руку Марку. Вынув отцовский кинжал, приставила лезвие к его дёргающемуся кадыку:

— Запомни этот момент, дрянь, я могу убить тебя прямо сейчас, потому что ты *не мой Марк*, а лишь его жалкая тень. Попробуешь преследовать — второго шанса не дам...

В этот момент сзади раздались быстрые шаги Арчи. Я вовремя оглянулась, заметив в его ладони небольшие метательные ножи, и подняла руки вверх:

— Нет, Арчи, не надо. Бежим отсюда, веди коня...

Лицо моего рыцаря было бледным, но решительным:

— Они посмели прикоснуться к тебе, не прощу...

Я добавила в голос льда:

— Марк и Дон уже получили по заслугам, и причинять им *большой вред* я не буду; не забывай, именно по моей вине они стали *такими*...

Рыцарь сразу же спрятал ножи, но выражение его лица говорило, что я *ещё глупенькая девочка и просто ничего не понимаю в жизни*. Это меня взбесило: сколько раз слышала подобные слова от отца, хватит, пора самой со всем разбираться...

Арчи, мрачнее тучи, отводя взгляд от обнажённой, покрытой синяками груди, поправил курточку и, подняв с земли сброшенный плащ, снова надел его на меня. Если бы он знал, чего мне стоило выдержать очередное унижение, и, стораю от стыда, сохранять «спокойное» выражение лица.

— А где парик? — голос друга звучал глухо и обиженно.

Я вскочила на Грома, протянув ему руку:

— Залезай... Нет больше парика, и Фредди нам тоже не нужен, раз они меня раскрыли. Куда поедем?

Он забрался на коня и развернул его в другую сторону, зло оглянувшись на братьев:

— Дело в том, Франни, что я не очень хорошо здесь ориентируюсь. Знаю, конечно, где находится большой тракт, но надо постараться опередить этих двоих. Они же маги и быстро придут в себя. Давай попробуем срезать через лесок, хоть, честно говоря, здесь слишком много мха. Пока он ярко зелёный или даже тёмный — не страшно, но если увидишь светлые участки — это может быть болото, однако делать нечего, придётся рискнуть, такое дело.

Мы не спеша двинулись вперёд, ведь приходилось пробираться между деревьев, полагаясь лишь на инстинкт Арчи. Я держалась за его куртку, и вместо того, чтобы наблюдать за совсем неинтересным мхом, как просил опытный друг, глубоко задумалась — в голове крутились далеко нерадостные мысли:

— Каково это, когда люди, которых безмерно любишь и даже рискуешь ради них своей жизнью, вдруг *так* обращаются с тобой, забывая, пусть и не по своей воле, то, что раньше нас связывало?

Это страшно, и сегодня я всё прочувствовала на собственной шкуре. Мне вспомнился укоризненный взгляд Арчи, когда, выгораживая возлюбленных, я во всём обвиняла только себя. Вот, мол, были такие *золотые мальчики*, просто ангелочки, а заклинание их *испортило*. А так ли это? Наберись мужества и посмотри правде в глаза, глупая Франни...

Сколько раз ты слышала жалобы девчонок из прислуги на приставания ненасытных братьев и, видя безутешные слёзы горничных, верила, что с тобой-то *такого* никогда не случится:

— Ты же дочь мага, к тому же — аристократка, никто не посмеет плохо обращаться с прекрасной Франческой. Дура, какая же дура...

Я глотала слёзы. Нани, любимая няня, столько раз повторяла, что без причины и прыш не вскочит: если есть у человека в душе гнильца, рано или поздно это проявится. И ещё она всегда просила меня даже рядом с близкими друзьями не забывать, что я — девушка и должна быть очень осторожна. Как же ты была права, моя старушка...

С такими невесёлыми мыслями мне было не до глазения по сторонам. И напрасно — стоило прислушаться к словам Арчи и быть внимательней, тогда бы мы не влипли по моей вине...

Сначала всё шло неплохо, я даже собиралась спросить у Арчи, что же ему поведал Крот. Но именно в этот момент конь остутился, припав на одну ногу, а рыцарь кубарем скатился в большую тёмную, едва доходившую ему до колена лужу с застывшими на её поверхности желтеющими листьями. Вокруг было полно кочек, покрытых светло-зелёным мхом — мы забрели в болото...

От страха я вскрикнула, но увидев, как он поднимается, обрадовалась и, спешившись, попыталась к нему приблизиться. Отчаянный крик Арчи меня остановил:

— Назад, бери коня и беги, Франни! Это болото, я чувствую, как увязли в трясине ноги, уходи, прошу тебя, или погибнем оба, — его глаза прощались со мной, в них были отчаяние и... любовь.

Я осмотрелась по сторонам в поисках выхода: вокруг светлели мшистые кочки, покрытые невысокой травой. На одной из них росло крепкое на вид дерево. Нет, я не собиралась наклонять его ветви, магам это ни к чему. Слова текли плавной рекой, превращаясь в призрачные руки. Они обхватили Арчи за пояс и, осторожно вынув из чёрной воды, в которую он уже успел погрузиться по грудь, перенесли на островок с деревом. Перемещать его к себе я не рискнула — как оказалось, мы с Громом стояли на совсем крошечном клочке суши.

И только тогда выдохнула:

— Не волнуйся, Арчи, мы выберемся отсюда, всё будет хорошо. Наклони большую ветку и сломай её, надо прощупать дно, — сама удивлялась, откуда в моём голосе взялось столько уверенности и показного спокойствия. Что при этом вытворяло сердце — лучше не говорить...

Арчи быстро пришёл в себя: отломив толстую ветвь и проверяя ею дно, постепенно по кочкам добрался ко мне.

— Я твой вечный должник, моя прекрасная Франни. Конечно, стоило бы умыться и привести себя в божеский вид, но принимать ещё одну ванну *здесь* — *как-то не хочется*, — несмотря на бледность, он даже попытался улыбнуться.

Неожиданно его глаза закрылись, Фокусник со стоном опустился у моих ног и положил руку на грудь, массируя её. Перепугавшись, села рядом с ним:

— Арчи, миленький, что с тобой? Что мне сделать, скажи? — шептала, глядя его густые, намокшие от напряжения волосы, а он всё не отвечал — видно, на разговоры не осталось сил. Очевидное решение было у меня под носом, но из-за переживаний понадобилось некоторое время, пока я догадалась применить заклинание исцеления, со вздохом облегчения радуясь приходящему в себя другу.

Всё ещё бледный рыцарь смотрел на меня с подозрительно счастливой улыбкой, а я не понимала, что происходит. Оказывается, пока его голова почему-то лежала на моих коленях, прищуренные глаза с любопытством рассматривали слишком глубокий вырез сорочки из-под под расстегнувшейся курточки, а перепуганная идиотка продолжала гладить довольного парня по волосам, что, судя по всему, ему очень нравилось...

Вспыхнув, быстро сбросила голову Фокусника с колен:

— Хватит притворяться, вставай, бесстыдник. Говори скорее, как уничтожить книгу?

Он слишком громко охнул, разочарованно спросив:

— Спасительница, а я думал, тебе интересно — куда мы пойдём дальше.

Отвернувшись, застегнула куртку и, пытаясь скрыть смущение, быстро вскочила на коня:

— И куда же?

— Через болото в одно интересное место, а дальше на мою Родину. Нам придётся разыскать Верховную жрицу храма Чёрной Луны, чтобы это не значило. Думаю, будет непросто, но, если верить Кроту, *она всё знает*.

— Ну, так прямо и всё! — я продолжала злиться.

— Что касается твоей тетради — всё, ведь именно её предшественница написала этот кошмар, — глаза Арчи стали серьёзными, и у меня по спине пробежал холодок.

Я не сразу нашлась, что ответить, и потому какое-то время нервно кусала губы, поглаживая гриву коня:

— Пожалуй, ты прав, сначала надо выбраться отсюда. Помнишь дорогу назад?

Арчи достал из торбы маленькую дудочку и покрутил её в руках:

— Придётся открыть одну тайну: твой Фокусник — вдобавок немного волшебник. Моя магия отличается от привычной, думаю, это наследственное. А поскольку я совсем не помню своих корней, то и ответить на твои вопросы не смогу. Просто смотри и слушай. Я не сразу открыл в себе эти странные способности, но порой они меня выручают. Обещай только ничему не удивляться или хотя бы вести себя тихо.

Согласно кивнула, и он, вскочив на коня, заиграл на маленькой свирели. Тучи внезапно закрыли солнце. Испугавшись, я крепко вцепилась в друга, выглядывая из-за его плеча. Неизвестно откуда налетевший рой мотыльков с удивительными светящимися крыльями завис над ближайшей кочкой, и Арчи сразу же направил на неё коня.

Сверкающие проводники показывали нам путь и, хотя порой кочка проседала под весом Грома так, что я невольно вскрикивала от страха, глядя, как чёрная вода поднимается всё выше и выше, мы, благополучно миновав болото, вышли к «нормальному» лесу. Арчи перестал играть свою заунывную мелодию, мотыльки исчезли, а солнце снова появилось среди облаков, но уже совсем низко над горизонтом. Словно мы были полдня в пути, хотя показалось — минуло не больше получаса.

Фокусник спешил, сняв меня с коня:

— Бедный Гром, ему пришлось непросто, пусть отдохнёт. Давай пройдем пешком, до дороги совсем близко. Кстати, у меня в котомке остался пирожок — съешь, подкрепишься, такое дело.

Я не стала отказываться, потому что только теперь почувствовала, насколько же проголодалась. Для привала остановились на небольшой поляне: Гром, фыркая, щипал траву, мы и сами немного отдохнули, хотя приближающийся заход солнца меня пугал.

— Арчи, может, нам лучше поскорее выйти на дорогу? Страшно оставаться в этом лесу на ночь.

— Не бойся, сейчас пойдём, пусть Гром немного поест. Обещаю, до темноты будем у придорожного трактира. То ещё поганое местечко, конечно, да и публика там не очень приятная, но всё же это лучше, чем заночевать здесь.

Мы продолжили наш путь и быстро, как и обещал Арчи, вышли на пустынную дорогу. Темнота уже хватала за пятки, и пришлось поторопить коня, пустив его в галоп. Скоро в окружившем нас мраке замелькали огоньки небольшого хутора, и я выдохнула с облегчением, а вот мой рыцарь заметно напрягся.

— Что не так, Арчи? Кто бы там не был, я же маг и обязательно справлюсь. Да и ты — отличный боец.

— Справедливо, прекрасная дама, но будь ты в парике — я бы так не волновался: хорошенькая девушка всегда привлекает внимание. Накинь капюшон плаща на голову, может, нам повезёт, и тебя не заметят.

Понятно, что слова друга не улучшили настроения, но я так устала, что понадеялась на везение. Мне просто хотелось лечь и уснуть хоть на лавке, хоть под ней — лишь бы никто не трогал и не мешал. И Арчи это понимал, когда, подойдя к едва державшейся на петлях двери, строго произнёс:

— Ни во что не вмешивайся и не подавай голоса, глядишь, сойдёшь за мальчика.

Я покорно кивнула, и Фокусник открыл скрипучую дверь, чуть не столкнувшись лбом с пьяным мужиком, чьи ноги заплетались в диковинном танце, а смрадное дыхание могло отравить стаю птиц в полёте. К несчастью, вместо того, чтобы свалиться под ближайшим кустом, это несносное создание решило порезвиться на свежем воздухе. Он только поднял на Арчи кулаки, скривив страшную рожу, как, не удержав равновесие, полетел с крыльца, приземлившись в грязной луже, где и уснул.

Мы прошли внутрь трактира, и я сразу же зажала нос рукой: тут перемешались ароматы кислой капусты, дрянного пива и потных человеческих тел. Арчи быстро убрал мою руку от лица, потащив к барной стойке. Он недолго пошептался с неприятным рябым человеком, бросавшим на меня подозрительные взгляды, и, сторговавшись, положил монеты на стойку. Покорно поплелась следом за ним наверх по лестнице.

И тут нам не повезло — я оступилась, чуть не упав, Арчи едва успел удержать. Но самое плохое, что капюшон свалился с головы, и рыжая коса предательски ударила свою хозяйку по спине. До этого мгновения никто не обращал на нас внимания, а тут как по команде вся пьющая братия посмотрела наверх и, судя по всему, я им приглянулась.

Одобрительные хлопки и окрики привели меня в ужас, заставив рвануться вслед за Арчи по узкому коридору с рядами одинаковых дверей, стгорая от стыда и плохих предчувствий.

Друг втолкнул меня в каморку, где от духоты нечем было дышать, и разлило запахом табака, видимо, оставшимся от предыдущего постояльца. Зато там были две лежанки. Застонав от усталости, я попыталась броситься на одну из них, но была остановлена Арчи:

— Не спеши, Франни, а то клопы очень тебе обрадуются, такое дело. Может, есть заклинание, чтобы очистить воздух и уничтожить насекомых?

Немного поразмыслила и через пару минут уже спокойно лежала на лавке с подозрительным матрасом — даже раздеваться не было сил. Мой верный рыцарь устроился у двери. На вопросительный взгляд он только усмехнулся:

— Подремли, а я покараулю. Не нравится мне, как они на тебя смотрели, такое дело.

Хмыкнула в ответ:

— Разбуди, если что, и их отсюда вынесет сильным ветром, это я умею.

Не знаю, что ответил друг, потому что сразу после этих слов умудрилась уснуть. Но отдохнуть мне так и не удалось: привиделся такой кошмар, что через несколько минут я подскочила, тяжело дыша. И застала начало «боевых действий»: Арчи придвинул тяжёлую лавку к двери, подперев её, но, несмотря на все усилия, та прогибалась под натиском ломившихся к нам «гостей».

Растревоженная сном, плохо соображая, крикнула другу:

— Отойди в сторону, я с ними разберусь!

И как только он отбежал к окну, применила заклинание. Да только слегка перепутала — вместо сильного ветра, который должен был разбросать пьянчужек в стороны, почему-то появился огонь, начавший быстро распространяться не только наружу, но и в нашу каморку.

Сквозь визги и стоны, раздававшиеся из-за пылающей двери, я не сразу разобрала слова перепуганного Арчи:

— Ты с ума сошла? Решила покончить с жизнью и заодно прихватить всех с собой?

Я бросилась к окну, распахнув его, и языки пламени сразу же метнулись в нашу сторону.

— Дай руку, Арчи, и не бойся: сейчас мы прыгнем вниз, но не разобьёмся, поверь...

Он молча сжал мою ладонь и, кое как протиснувшись через маленькое окошко, сначала я, а следом и перепуганный рыцарь, полетели навстречу земле. Магия нежно подхватила обоих, аккуратно поставив на траву.

И тут только до меня дошло, что я натворила: сожгла дом и, вероятно, *людей*. От ужаса ноги подкосились, но Арчи вовремя схватил и отнёс меня подальше от разгорающегося пожара, оставив за каким-то кустом.

— Сиди здесь, я — за Громом! — крикнул он и исчез.

Голова шла кругом, всё смешалось перед глазами и поплыло куда-то в сторону: внезапно посветлевшее от зарева небо, полыхающий, словно костёр, трактир, крики пострадавших и собственный шёпот:

— Это моя вина, *это* я натворила...

Ржание Грома привело меня в чувство. Рядом стоял запыхавшийся, взмокший от бега Арчи и держал коня под уздцы.

— Повезло, — еле выдохнул он, — кто-то догадался открыть хлев и конюшню, и люди несильно пострадали: слава богам, погибших нет. Благодарите за это небеса, Франни! А теперь быстро забирайтесь на коня, и бежим отсюда к чёртовой матери, пока они не сообразили, *кто виноват в пожаре*.

Мы мчались вперёд, и никто нас не преследовал, не до того, видимо, было. Но через некоторое время Арчи велел мне спешиться и, несмотря на глубокую ночь, уйти с дороги в лес.

Я попыталась его остановить:

— Что ты, там так темно и страшно. Костёр, как понимаю, разводить нельзя, а без него мы станем лёгкой добычей зверей, которых тут, наверняка, полным-полно.

— Не спорь и иди, Франни. Поверь, *они* снарядят погоню. Сможешь сделать так, чтобы следы Грома не обрывались на этом месте, а продолжались ещё далеко впереди? Хорошо, нам надо запутать преследователей. И не только обозлённого трактирщика, — он посмотрел на меня, многозначительно приподняв брови.

У меня сердце упало в пятки, стоило лишь представить на дороге Дона и Марка — взбешённых неудачей, пожираемых изнутри проклятым ведьминым заклинанием.

И всё же брести среди ночи в лес, пусть и не углубляясь в него — то ещё удовольствие. Даже если слегка подсвечиваешь дорогу магическими огоньками. Тут только я заметила, что мы не просто идём наобум — нас ведёт тропинка. Внезапно в носу странно защекотало, и очень захотелось чихнуть. Но это была не внезапная простуда — что-то другое. Магия? Скорее уж, волшебство Арчи. Интересно, что ещё скрывал мой необычный друг?

Он как будто почувствовал, что я думаю о нём, поспешив оправдаться:

— Франни, говорил же тебе — у меня есть *кое-какие способности*.

— Дудочка, например?

Арчи поморщился:

— Это была *особая свирель*. Ну что сказать, во-первых, я чувствую, что мы не заблудимся. Во-вторых, следом за нами идёт очень необычное *лесное существо*. Оно поможет, если ты, конечно, не спугнёшь его своим криком.

Я похолодела, вцепившись в рукав загадочного друга:

— Не говори так, а то, когда я *не в себе*, могу натворить страшных дел. Забыл уже, что случилось в трактире?

— Успокойся, прекрасная дама, просто прими, что мир вокруг нас полон не только твоей магией, но и чудесами. И ещё — никогда не суди о людях и *нелюдях* по внешности.

Я ужасно смутилась, покраснев до корней волос, хорошо, что в полутьме этого не было заметно. Почему-то показалось, что друг сейчас говорил *о себе*. Что же он имел ввиду — какие ещё *нелюди*? Неужели Арчи...

Но окончить мысль я не успела, потому что прямо передо мной появилась... *ветка на ножках*, да ещё и с ручками. И то, и другое было корявое и кривое. Больше того, *она* заговорило довольно высоким голосом, который шёл непонятно откуда, ведь, как ни старалась, рассмотреть её голову мне так и не удалось. А вот свой рот я открыла, но не для того, чтобы дико заверещать, а от удивления.

— Добро пожаловать в наш лес, Фокусник! Давненько не заглядывал, — пропищала «ветка» и с хрустом согнулась в поклоне.

Ещё подумала:

— Сломается же... — но нет, она спокойно разогнулась, и Арчи вполне серьёзно отвесил ей поклон.

— Интересно, может, я уснула по дороге или успела надышаться едким дымом? — подумала, почувствовав, как рыцарь насильно наклоняет и мою голову.

— Прости, лесной дух, Франни никогда раньше не видела подобных тебе, *правда?* — и он легонечко толкнул меня локтем в бок.

Я закашлялась, прохрипев:

— Приятно познакомиться. Вы — настоящее чудо...

И корявая ветка на кривых ножках радостно засмеялась, захлопав перекрученными руками-палочками...

Я не могла отвести глаз от удивительного создания. Мне совсем не было страшно, скорее, весело, как в детстве, когда малышка Франни ещё верила в нянины сказки. Но, вот дела — я выросла и своими глазами увидела то, чего просто не могло быть...

— Вы — настоящая? — сама, не зная почему, спросила у чудо-ветки.

— Конечно, — засмеялась она в ответ, — такая же, как и ты...

— Потрясающе!

— Думаешь? У меня и зубы есть, — при этом она вдруг покрылась большими острыми шипами, которые росли с такой скоростью, что я испуганно спряталась за спину Арчи.

Он примирительно поднял руки:

— Ну, довольно твоих шуток, Келли, напугала девочку. А ты, Франни, не бойся лесного духа. Она не причинит нам зла, по их меркам, конечно, Келли — тоже совсем девчонка, не сердись на неё.

Я вылезла из-за спины Фокусника и, собрав в кулак всё мужество, произнесла дрожащим голосом:

— Вот ещё, с чего это мне бояться! — стараясь как можно выше задрать нос.

Ветка закрутилась вокруг себя и снова захлопала в корявые ладошки.

— А ты мне нравишься, Франни-маг, хотя человеческую магию я не люблю — с ней связано слишком много зла. Когда вырастешь, сама поймёшь, — уже серьёзно сказала девочка-лесной дух, — ладно, что попусту болтать, идите за мной в пещеру, там спокойно передохнёте и попробуете наших даров. А потом расскажете, что такого страшного с вами приключилось, раз ты, Фокусник, забыл о вечном изгнании, наложенном на тебя Хозяином леса.

Ох, как мне не понравились её слова...Что за дела у странного рыцаря с местной «шишкой»? «Вечное изгнание» звучало как-то нерадостно — мало нам неприятностей с людьми, так ещё и духи туда же... Я смотрела на лицо Арчи, но он был подозрительно спокоен, подталкивая меня вперёд по тропинке за смешно подскакивающим на кривых ножках лесным духом.

Мы остановились перед высоким деревом, и Келли в прыжке прочертила острым, как кинжал, пальцем на коре борозду до самой земли, после чего та с треском отъехала в сторону, открыв нашим глазам светящийся, уходящий глубоко вниз коридор. Я замерла, не желая двигаться, испуганно поглядывая на лесного духа, уже стоявшего внутри дерева и приветливо помахивавшего нам ручкой.

— Оставь меня, Арчи, не хочу туда идти. А вдруг это ловушка? — пыталась я отбрыкаться, но друг просто схватил меня в охапку и перенёс внутрь. Скрип за спиной однозначно намекнул, что обратной дороги нет. Не пытаясь больше сопротивляться, молча поплелась за «веткой», шёпотом повторяя про себя молитву, которой меня научила няня.

Даже не представляла, что внутри дерева может быть столько извилистых поворотов, уходящих куда-то глубоко под землю. И когда мы, наконец, остановились, с облегчением выдохнула и осмотрелась. Вот это чудеса — я оказалась в своей комнате в замке отца...

— Что это, Келли? Ты привела меня домой? — радость узнавания быстро сменилась ужасом, — зачем ты это сделала? Я столько сил потратила, чтобы сбежать...

Лесная шутница упала на пол, с хохотом задрывав ножками:

— Поверила, поверила! Говорила же тебе, Фокусник, что вся ваша человеческая магия — ничто по сравнению с нашим волшебством. Не волнуйся, Франни, я просто читала твои мысли: ты очень громко думала о том, как хорошо было бы оказаться дома в своей комнате. Разве не так? Вот и получай то, что хотела. Это — подарок, хоть ты и считаешь меня *противной*...

Последние слова Келли произнесла так грустно, что стало не по себе, а когда она села на пол, и со всех сторон комнаты на меня обрушились звуки рыданий, я не выдержала и, подбежав к ней, примостилась рядом на корточках.

— Прости, лесной дух! Я не со зла, просто столько всего приключилось, к тому же, так устала, — и слёзы против воли брызнули из глаз.

Келли тут же вскочила на ноги.

— Уже простила. Чувствую, ты расскажешь мне интересную историю, в которой наверняка будут симпатичные ребята, а? — и, видимо, посмотрев невидимыми глазами на моё пунцовое лицо, запрыгала на месте, как маленький ребёнок:

— Угадала, угадала!

Она хлопнула в ладоши, и на небольшом столе появились миски, полные ягод, жареных грибов, какая-то каша в горшочке, банки с вареньем, лепёшки и кувшины, из которых умопомрачительно вкусно пахло. Невольно сглотнула, и не только я одна.

— Ну что стоите, налетайте! — весело прощепетал странный дух.

Нас с Арчи не пришлось уговаривать, и, надо сказать, что после такой вкусной и сытной трапезы у меня не было сил встать, а застёжки на костюме подозрительно натянулись, врезавшись в живот. Мой рыцарь чуть не уснул за столом, а это означало, что здесь он чувствовал себя в безопасности. Келли заботливо потянула его за рукав и отвела к кровати няни, на которую Арчи сразу же упал, заснув как младенец.

— Отлично, Фокусник спит, и теперь нам с тобой никто не мешает поболтать о «девичьем», я обожаю такие истории. Но, к сожалению, здесь почти не бывает гостей, — грустно вздохнула Келли, заскакывая на «мою» кровать, жестом приглашая присоединиться

к ней.

Я еле встала из-за стола и кое-как дошла, упав в мягкие объятия перины. Глаза слипались, но уснуть мне не дали:

— Не спи, Франни, потом выспишься, обещаю.

Еле пошевелив губами, я подумала, как бы сдержаться и не уснуть раньше времени:

— И что ты хочешь услышать, Келли?

— Всё, конечно! Про замок, и почему сбежала. И не забудь про тех красивых ребят, которые постоянно мелькают в твоей голове.

Обречённо вздохнув, потому что это были не самые приятные воспоминания, я поведала свою печальную историю. И, надо отдать должное Келли, она оказалась благодарной и сочувствующей слушательницей, правда, постоянно прерывая меня восклицаниями:

— Ух ты, какой он красавчик, опиши подробнее. О, упасть не встать... А второй? Боже, как я тебе завидую! А как они целуются? Правда? И ты устояла, ну, ты — кремень, я бы не удержалась. И что ты смеёшься, глупая девчонка? Думаешь, Келли — дура безголовая и не умеет чувствовать? Хм, ну, может, и безголовая, но не всегда же была такой. Когда-то я тоже была девушкой и такой же красивой, как ты. Пока не умерла и не превратилась в этот кошмар...

После этих слов мы одновременно замолчали, но продлилось это недолго. Келли снова засмеялась, правда, смех у неё был какой-то грустный:

— Ну, а дальше?

А вот дальше началось самое неприятное в моей истории, и, слушая, маленький дух леса напрягся и молчал. Лишь когда рассказала, как братья накинудились на меня, а я, применив магию, отбросила их, еле сдержав Арчи от расправы, она не выдержала и начала так лихо ругать моих бывших возлюбленных, что оставалось только диву даваться. Этого ей показалось мало, и, спрыгнув с кровати, Келли забегала по комнате.

Вот тогда-то, во время этого мельтешения, перед глазами вдруг и появилась не смешная веточка на тоненьких ножках, а невысокая светловолосая девчонка с косами почти до пят, милым личиком в виде сердечка и красивой фигурой. На ней было порванное на груди клетчатое платье всё в потёках крови, маленькие босые ножки покрывали подозрительные красные пятна...

Она заметила мой остановившийся, полный ужаса взгляд и подошла. Её голос больше не звенел подобно птичьей трели, он был бархатным и томным, как и огромные васильковые глаза:

— Франни, сестричка, ты видишь меня *прежнюю*?

Я плакала, кивая:

— Что с тобой приключилось, Келли?

Она села на пол, опустив взгляд на босые ноги, и поджала их под себя, словно стыдясь наготы.

— Спрашиваешь, что случилось? Да ничего особенного. Я была дочерью рыбака, и меня «полюбил» сын местного барона. Только он не церемонился, а у меня, в отличие от тебя, не было магии, чтобы защититься. Но я так этого не оставила и принесла его отцу в корзине голову мерзавца-сыночка. Кажется, меня сбросили со скалы, этого я не помню. Но боги не захотели пустить Келли в райские кущи, для искупления греха убийства превратив в это маленькое чудовище...

Я не думала, что творила в ту минуту, так мне было её жаль; обняв девушку, прижала к

себе, повторяя:

— Сестрёнка, сестрёнка моя, почему жизнь была к тебе так несправедлива?

Острые колючки Келли потихоньку росли, несмотря на все её попытки сдержать их, впиваясь в моё тело и заливая его тоненькими ручейками крови.

Арчи во сне почувствовал неладное и, вскочив с кровати, схватился за голову:

— Франни, оставь Келли, отпусти её немедленно, она же проткнёт твоё сердце!

И он бросился к нам, но опоздал. Келли сама справилась, шипы исчезли. Она взяла мои кровоточащие руки и поцеловала их: раны мгновенно затянулись, кожа снова была чиста, только на костюме оставались багровые следы.

— Спасибо, сестрёнка! Теперь мне не нужно всё время выглядеть корявой веткой. Благодаря тебе я могу принимать любой облик, даже свой собственный, — тихо говорила она, пытаясь соединить края разорванного на груди платья.

Я применила магию, починив и очистив её одежду, а ещё на ножках наречённой сестры теперь красовались чудесные туфельки. Арчи в шоке не спускал глаз с прекрасного лесного духа, видимо, впервые увидев её *такой*.

— Что вы тут творите, девчонки? — это всё, что он смог произнести.

Келли тихонько шепнула:

— Ложись спать, Фокусник, и ничему не удивляйся.

Арчи покорно вернулся в постель и сразу же заснул, а мы с Келли, ухмыльнувшись, усадились за стол, пили вкусное вино, поднимая воображаемые бокалы «за нас», а потом, обнявшись, вместе уснули на кровати.

Не знаю, сколько продлился мой сон, но он был прекрасен. Мы с Келли, красивые и нарядно одетые, вместе гуляли по нашему саду около замка, посмеиваясь над Доном и Марком, смущённо следовавшими за нами по пятам. Ребята выглядели счастливыми и влюблёнными, то и дело говорили нам глупые комплименты и рассказывали смешные истории. Светило яркое солнце, пели птицы, но где-то глубоко в сердце я чувствовала, что этой картине чего-то не хватало. Или кого-то — там не было Арчи...

Проснувшись я на охапке соломы, укрытая походным одеялом друга. Арчи и Келли в человеческом облике сидели за столом и что-то тихонько обсуждали. Теперь эта небольшая нора, куда нас занесло, мало походила на мою комнату в замке: земляные пол и стены, ни одного окошка, маленькие светлячки под потолком, дававшие необыкновенный мягкий свет.

— Эй, ребята, я проснулась и снова хочу есть. Если обстановка комнаты вчера была лишь иллюзией, неужели и еда — тоже? — обратила я на себя внимание.

Они повернулись ко мне, и на душе вдруг стало радостно и светло, потому что у Франни появился ещё один друг, вернее — подруга, а, значит, в жизни всё не так уж и плохо.

— Сестричка встала! — Келли бросилась меня обнимать, и я смеялась, удивляясь, почему лесной дух так похож на обыкновенного человека: с горячей, бархатной на ощупь кожей лица и рук, с такими добрыми, нежными глазами...

— Хватит обниматься, идите есть. Посмотри, Франни, что твоя новая подруга наготовила нам с утра. И, кстати, еда вчера была самая настоящая, просто *кое-кто* очень проголодался, такое дело.

Мы сели за стол, и завтрак оказался ничуть не хуже ужина — я после него еле встала, жалуясь, что снова объелась. Мы немного посмеялись, а потом Келли повела нас по знакомым уже тоннелям. Только тут я вспомнила про Грома:

— Боже, какая же дурёха — совсем забыла про коня! Келли, где он?

Она улыбнулась:

— С ним всё в порядке: он отдохнул, его накормили и искупали, даже гриву расчесали.

— Да ты что? — изумилась я, — а кто это сделал?

— Мои помощники, сестрёнка, но лучше тебе с ними не знакомиться: выглядят они *непривычно* — пострашнее ветки, поверь...

Тут только я осознала, что всё ещё нахожусь в лесу, где, как оказалось, всем заправляют духи, но всё равно продолжила спрашивать:

— А куда мы сейчас идём, к дороге?

Келли покачала головой:

— Нет, сначала вам обоим надо хорошенько вымыться, только не забывай, что находишься в лесу — роскошной ванны тут нет.

Неожиданно тоннель закончился, и в глаза ударил дневной свет, приглушённый густыми лапами огромных деревьев. Мы выбрались наверх из обычной неглубокой ямы, ступая на землю, наполовину покрытую желтеющей травой и осыпавшейся старой хвоей. Было совсем не жарко, осень как-никак. Из-под корней одного из деревьев бил ручей, здесь же была устроена небольшая запруда, и, что самое удивительное, над прозрачной водой шёл пар.

— Вот и пришли, — я никак не могла привыкнуть к новому голосу Келли, — Фокусник, иди за те кусты и жди, пока Франни искупается. И не думай подглядывать — превращу в лягушку.

— Очень надо, — уходя, обиделся Арчи.

Я в нерешительности стояла у воды, жалобно глядя на подругу.

Она недолго сверлила меня взглядом:

— Не тяни, Франни! Воду я тебе нагрела, но она быстро остывает. Раздевайся и мойся. Вот тебе большой кусок мха, вытирайся им, он впитает воду лучше полотенца. А я пока пойду к Фокуснику, нам надо обговорить, что делать дальше.

Она ушла, и, не тратя времени, я разделась и прыгнула в воду. Это было настоящее блаженство, жаль, что не дали как следует понежиться: Келли криками выгнала меня из воды. Потом наступила очередь Арчи, и пока он плескался, мы сидели с лесным духом, так удивительно похожим на человека, на поваленном бревне и грустили.

— Келли, ты проводишь нас до Королевства пожирателей Чёрной Луны?

Она засмеялась:

— Нет, Франни-сестричка, это не в моих силах — не могу покинуть лес. Таковы правила. Но дорогу покажу — я всё рассказала Фокуснику, он отведёт тебя на место. Дорога не из лёгких, будь готова к неприятным сюрпризам. Но я в тебя верю — моя подружка со всем справится, тем более, охотница на нечисть. А мне придётся остаться здесь и ужасно скучать.

От этих слов я расстроилась ещё больше — совсем не хотелось её терять, и Арчи, вернувшемуся после купания с довольной ухмылкой, пришлось на нас прикрикнуть:

— Ну что с вами делать, опять глаза на мокром месте. Не навек же прощаетесь. Опыт подсказывает — ещё встретитесь. Веди нас, Келли, сначала к коню и нашим припасам, что приготовила в дорогу, а потом и к выходу из леса. Пора уходить, пока ваш Хозяин не пронюхал, что я здесь объявился. И не забудь то, о чём попросил — для нас с Франни это очень важно.

Келли встала с поваленного дерева:

— Мог бы и не напоминать. Я своё слово всегда держу, — она многозначительно посмотрела на Арчи, — ты тоже не забудь, в чём мне поклялся. Если с Франни что-нибудь случится — из-под земли тебя достану...

Вот на такой невесёлой ноте мы отправились за Громом и, получив его назад в прекрасном состоянии, да ещё нагруженного мешком с припасами в дорогу, отправились к выходу из леса. Все грустили. А как же иначе? Особенно радоваться было нечему — впереди ждали только проблемы. Мы слишком быстро вышли на дорогу, а описывать наше скомканное прощание с Келли не имеет смысла: как-то неловко обнялись, поцеловались, и она шепнула мне на ухо:

— Береги Фокусника, он мне так нравится, просто беда! Если бы парень на тебя не запал — ни за что бы не отдала. Присмотрись к нему, Франни, он — *особенный*...

И она растворилась в лесу, даже не дав мне возможности спросить:

— И что всё это значит?

Сев верхом на Грома, мы поехали вперёд, но я не была бы собой, не полюбопытствовав:

— Арчи, о чём ты попросил Келли перед нашим отъездом?

— Принять твой облик и погонять братьев по лесу. Это их задержит на пару дней, а мы успеем продвинуться вперёд.

Я задумалась:

— А это не опасно?

— Разве только для «мальчиков», но я предупредил твою безбашенную лесную подругу, чтобы не отнимала у них жизнь. Потому что *ты так хочешь*, — в его словах звенела неприкрытая ревность. А я не знала, радоваться ли этому или готовиться к очередной проблеме. И без того, что ли, у меня их мало?

Выехали на дорогу, когда день был уже в разгаре: настоящий подарок ушедшего лета — тепло, солнечно, и на небе ни облачка. Разве только птиц не видно, грустно без их милого щебетания и порхания под облаками. Пока я предавалась воспоминаниям о лете, на плечо неожиданно села большая стрекоза. Её переливающиеся перламутром крылья замерли, и, неожиданно взметнувшись, исчезли в придорожной траве.

— Надо же, стрекоза... откуда она здесь, ведь сейчас не середина лета? И почему я удивляюсь, каждый день вокруг творятся такие чудеса, а меня заморозила обыкновенная летунья посреди осени...

Вот, спросите — зачем, заставив Арчи остановить коня, я спешила и полезла в траву? Захотелось ещё раз взглянуть на чудесное создание, дурёха бестолковая. Знала бы, во что нам выльется моё любопытство, гнала бы Грома во весь опор как можно дальше...

Пока Арчи с удивлением на меня смотрел, я, ничего не объясняя, разглядывала траву в надежде увидеть понравившуюся стрекозу. «Крылатая» исчезла, но упрямство заставило заглянуть за ближайший куст, и, о чудо — моя потеря нашлась... Она сидела, потирая передние лапки и подрагивая длинным брюшком, на тёмных волнистых волосах спящей девушки, бледной и прекрасной.

Стрекоза показалась мне волшебной драгоценностью, надетой принцессой из сказки, так хороша была «находка». Рука сама потянулась к «живой заколке», но та меня опередила, взлетев над головой и мгновенно упорхнув в лес.

— Подумаешь, не очень-то и хотелось, — проворчала, переключаясь на спящую «принцессу», одетую в роскошное платье и атласные туфельки.

Она спала как-то слишком спокойно, её грудь совсем не поднималась, и когда я

коснулась рукой прекрасных волос незнакомки, ладонь провалилась в большую дыру в её голове, а кровь с руки закапала на белоснежное лицо мертвеца. От ужаса я завизжала, как ненормальная, и через мгновение Арчи уже стоял рядом, придерживая меня и повторяя:

— Тихо, тихо, не кричи, привлечёшь к нам беду.

— Она, она... — только и смогла выдавить из себя.

— Да, её убили, скорее всего, ограбили — нет ни коня, ни драгоценностей. Очень жаль бедняжку, наверняка это дочь или жена какого-то богача, значит, её будут искать. Для неё мы уже ничего не можем сделать, а вот для себя — должны: быстро садимся на Грома и убираемся отсюда...

Он схватил меня за руку, потащив за собой, я же покорилась, почти вывернув шею, не в силах оторвать глаз от мёртвой девушки. На дороге нас уже ждали конь и дюжина вооружённых лучников в форме. Их стрелы, нацеленные на нашу парочку, заставили меня икать от страха.

Арчи в этой ситуации соображал гораздо быстрее — он поднял руки вверх, захватив заодно и мою, с которой продолжала капать кровь. Это не понравилось мордатову стражнику. Нахмутив брови, он велел своим солдатам немедленно нас связать.

— Быстро осмотрите здесь всё вокруг, думаю, эти двое и есть похитители дочери Бургомистра. Выглядят очень подозрительно: парень-коротышка и девчонка в мужской одежде с окровавленными руками, — раздавал он команды зычным голосом *настоящего командира*.

— Господин, скорее сюда, барышня Ирма — мертва. Они спрятали её под кустом, — прокричал звонкий голос, и я увидела, как Арчи закусил губу.

Командир ещё больше помрачнел, с размаха ударив моего рыцаря железной перчаткой в живот, отчего тот согнулся и упал в траву, где его тут же нашли подкованные сапоги особенно ретивых стражников. Это привело меня в чувство, и простым заклинанием я разбросала нападавших в стороны. Но тот, что оставался за кустом, крикнул:

— Сдавайся, ведьма! Моя стрела смотрит в сердце твоего подельника, считаю до трёх...

— Не трогайте его, я сдаюсь и клянусь не применять магию. Но вы все ошибаетесь на наш счёт. Мы мирные путники: я сошла с коня по нужде и пошла в лес, где, случайно наткнувшись на девушку, пыталась ей помочь...

Договорить я не успела. Мощная пощёчина озверевшего командира сбила меня с ног:

— Это ты будешь судье объяснять, но я тебе не завидую, ведьма, он у нас *таких* терпеть не может. А уж про господина Бургомистра и не говорю — с обеих шкуры сдерёт, когда узнает про гибель единственной наследницы.

Нас привязали за руки к одной из лошадей и повели за собой. Тело красавицы Ирмы завернули в плащ, и его повёз сам командир, за всю дорогу не проронивший больше ни звука. Стоило лишь одному из молодых стражников заикнуться, что надо бы нас обыскать, ведь драгоценности пропали, он тут же получил в зубы от сердитого начальника. И остальные два часа мы плелись в полной тишине, глотая пыль из-под лошадиных копыт.

Я так устала и была подавлена случившимся, что не сразу поняла, когда мы оказались на месте. Нас отвязали от коня, но рук не освободили, отведя в какой-то сарай, судя по запаху, ещё недавно бывший коровником. На полу лежала прелая солома, и я опустилась на неё без сил. Рядом почти упал Арчи. С трудом прочитала исцеляющее заклятье, и он сел, приоткрыв глаза.

— Как ты, Арчи? Тебе здорово досталось...

— Тут ты права, Франни, — друг посмотрел на меня тяжёлым взглядом исподлобья, как ни разу до этого. Я сразу испугалась, но мой рыцарь вдруг улыбнулся, — не пугайся, глупышка, злуюсь только на самого себя — не уберёт тебя от неприятностей, а ведь были предчувствия, такое дело...

— Какие предчувствия? — жалобно проныла я.

Арчи вздохнул:

— Неважные, прекрасная дама.

Я спрятала лицо в ладони, чтобы он не видел, как мне стыдно из-за того, что натворила, и спросила богов:

— Что же теперь с нами будет?

Но вместо них ответил Арчи:

— Думаю, раз нас застукали на месте преступления, суд будет коротким и несправедливым. Может, немного попытают, чтобы узнать, куда мы спрятали драгоценности погибшей девочки. Но это вряд ли. Видела реакцию начальника стражи, когда мальчишка попытался спросить его о пропаже? Скорее всего, старый болван замешан и в похищении, и в ограблении, поэтому постарается всё свалить на нас. Меня, как простолюдина, вздёрнут, а тебя, как ведьму, или передадут церкви для допроса, но это, не дай бог — пытаться они умеют, или, что предпочтительнее, сразу сожгут. В этих краях любят жечь ведьм, хлебом не корми — позволь только народу погреться у костра, такое дело...

Я вскочила и с размаха дала рыцарю подзатыльник, хоть связанными руками делать это было не очень удобно:

— Да вы только посмотрите — он ещё шутить пытается! Ты как хочешь, а я без боя не сдамся. Тоже мне придумали, *ведьма*... Я — дочь аристократа и мага, они не посмеют тронуть...

Арчи насмешливо скривил губы:

— Сама-то веришь в то, что наговорила? Может, у тебя и бумаги, подтверждающие личность, есть? Ты так лихо раскидала местную стражу, что сделать подобное, по их мнению, могла бы только ведьма.

— Я же тебя спасала, Арчи, — жалобно всплакнула «дочь аристократа».

— Спасибо большое, но нужно было думать о последствиях своего поступка. Ну, побили бы меня немного, подумаешь, не первый раз. Заживёт. А ты им в руки такой козырь дала — здешний судья, как я слышал, ненавидит магию в любом её проявлении — у него вся семья сгорела в доме, подожжённом сумасшедшим магом. Думаешь, он тебя пощадит? И не надейся....

Это прозвучало так жестоко, что я первый раз засомневалась в своём рыцаре:

— А так ли уж я ему дорога? Что мне вообще известно об этом человеке? Да почти ничего. Только в ушах почему-то продолжали звучать слова Келли: присмотришься к нему, он — *особенный*. Да что в нём особенного? Может, только уродливая внешность?

Подумала, и самой стало стыдно за такие мысли. Осторожно взглянула в сторону Фокусника и увидела багровые пятна на его побледневших щеках. Неужели я произнесла эти ужасные слова вслух, или просто он способен, подобно Келли, читать мысли? Боже, какой кошмар...

Мне хотелось немедленно извиниться за свою грубость, но дверь сарая распахнулась, и двое стражников бесцеремонно вытолкнули нас наружу, заставив сесть в повозку с решётчатыми окошками. Я почувствовала на себе обездвиживающее заклинание и после недолгого головокружения потеряла сознание. Рядом упало тело Арчи, его тоже усыпили.

В себя пришла оттого, что повозку неимоверно трясло и подбрасывало на ухабах. Через маленькие окошки на дощатый пол ложились пятна дневного света. Сковывающее заклинание уже отпустило, но первая же попытка встать оказалась неудачной: колесо снова налетело на ухаб, «уронив» меня на пол. Падение смягчило тело Арчи, на которое мне повезло благополучно приземлиться.

Застонав, он открыл глаза, а я быстро попыталась встать и на карачках отползти подальше, но повозка резко повернула в сторону, вновь отбросив в его объятия. Арчи прижал меня к себе, и на мгновение я потерялась в удивительных карих глазах.

— Прости, — тихо прошептала прямо возле его губ, невольно любуясь чёткостью их линий.

— За что ты просишь у меня прощения, прекрасная Франни?

— За то, что втянула нас обоих в большую беду, из которой, кажется, нет выхода. За мысли о тебе, злые и недостойные. Прости, но, скажи честно, зачем ты рылся в моей голове?

Его губы приблизились к моим почти вплотную, голос звучал хрипло и жарко:

— Нет, прекраснейшая из девушек, у меня много секретов, но это не один из них — такой способностью я, увы, не владею.

Я не заметила, как наклонилась к нему настолько, что коса упала на бледное лицо Фокусника, и пришлось убирать её, невольно касаясь его мгновенно вспотевшего лба. Он тихо застонал, а я не понимала, что в тот момент с ним происходило. Жадные руки парня стиснули талию, не давая вздохнуть, а нежнейшие из касавшихся меня губ прижались к моим...

Это был самый лёгкий и удивительный поцелуй, он словно спрашивал:

— Можно?

Ни один из братьев не дарил неопытной Франни такого блаженства и ощущения счастья. Девичье сердечко так и норовило выскочить из грудной клетки, а вздымавшаяся грудь — из ставшей вдруг ужасно тесной курточки... Захотелось тут же ответить ему так страстно, как того требовала нетерпеливая душа. И я ответила:

— Да как ты только посмел? А ещё другом назывался... Запомни раз и навсегда — никто не коснётся меня без разрешения, а его не будет, и не мечтай. Скорее, сама умру или убью того, кто отважится на подобный риск.

Наверное, при этих жестоких словах искры в его глаза должны были потухнуть, или в них могла бы появиться боль, даже злость, наконец. Но не тут-то было. Пока я, фыркая, отползла от предавшего моё доверие друга, умудрившись всё-таки сесть на вздрагивающие доски, глаза этого хитреца улыбались, словно говоря:

— Ну-ну, Франни, рассказывай сказки...

Он сел и, посмотрев на свои связанные руки, пробормотал:

— Может, освободишь нас от пут? И, пожалуйста, прости за нечаянный поцелуй — это всё дорога виновата, повозку трянуло...

Но его глаза бессовестно смеялись. Мудро решив, что сейчас не время выяснять отношения, я сожгла верёвки на руках, и тут Арчи сразу преобразился. Сев на колени, он, удивив недюжинной силой, стал выламывать срединные доски из днища, так что вскоре в нём образовалась приличная дыра, в которой мелькали песок и пожухшая трава.

— Ни за что на свете туда не прыгну, — испуганно пропищала я.

— И не надо — сам всё сделаю, просто жди, пока повозка остановится, — ответил Арчи, тут же исчезнув в проломе. Я только испуганно охнула:

— Надо же, а он не только Фокусник, но ещё и акробат, чтоб... — сама не поняла, как в запале произнесла вслух пару фраз, совершенно недостойных благородной аристократки. Но, к счастью, этого никто не услышал...

Прошло несколько минут мучительного ожидания, и повозка встала. Полог откинулся и в нём появилась довольное лицо Арчи. Он протянул мне руки, помогая спрыгнуть на

заросшую травой старую колею.

— Зачем нас сюда везли, Арчи? Ты же говорил про суд? — мне было не по себе.

Он недобро усмехнулся:

— Просто нас похитили, тем самым облегчив побег.

Я только открыла рот, чтобы спросить:

— Кому это мы вдруг понадобились? — но промолчала, сообразив, что ответит рыцарь. А он уже вёл меня за руку к большому хвойному дереву, под которым лежали умело связанные Дон и Марк. У каждого во рту был кляп и по большому фингалу под глазом. Было видно, что ребята в бешенстве.

— Прекрасная дама не разрешила их убивать, но и поучить уму разуму не запрещала, — в его голосе звучало превосходство, а красивый рот дрогнул в знакомой усмешке.

Не представляя, как на это реагировать, я прикусила губу и отошла от братьев подальше, потому что длинноногий Дон попытался меня лягнуть, несмотря на стягивающие его верёвки. Арчи тем временем уже распрягал коней, но вдруг остановился, напряжённо прислушиваясь.

— Ты не слышишь? Топот копыт... — его лицо выглядело очень сосредоточенно.

— Неужели погоня? — ахнула и начала суетливо ему помогать.

— Нет, это один конь, и я догадываюсь, чей, — Фокусник насмешливо посмотрел на меня.

Из-за поворота выскочил Гром и, довольно заржав, стал по привычке тыкаться мордой в ладони в поисках яблока. Но у меня с собой ничего не было. Арчи протянул хрустящую морковку, и, посмотрев на него с благодарностью, я скормила её фыркающему любимцу. Задавать вопросы, откуда у друга такие запасы — не стала. На то он и Фокусник...

Через пару минут, бросив повозку, мы верхом направились не по едва заметной колее, а высокой траве в сторону светлой рощи. Арчи вёл Грома в поводу, сказав, что тот заметно устал и нуждается в отдыхе. Конечно, мне тут же понадобилось узнать, куда мы едем, если не представляем, где находимся. Сама удивилась, что при этом даже не поинтересовалась дальнейшей судьбой связанных братьев. Не то чтобы мне было *всё равно*, но их сумасшедшие взгляды пугали до дрожи. Арчи ответил:

— Ты за своих дружков не переживай, не болваны — догадаются выплюнуть кляпы, а с магией не пропадут. И ты не права, если думаешь, что я поведу тебя наобум. Нет, примерно представляю, где мы. К городам и посёлкам приближаться не будем, поедем краем леса. Поверь, от зверей неприятностей меньше, чем от представителей людского племени.

Последние слова меня задели: он говорил так, словно сам не принадлежал к людям, невольно напомнив загадочную фразу Келли об «особенности» Арчи.

Стоило нам немного отъехать, как рыцарь достал из-за пазухи дудочку и заиграл на ней. Уже знакомые мотыльки указывали дорогу, а я даже этому не удивлялась. Правда, было немного страшновато, потому что тропинка, по которой нас вели разноцветные летуны, уходила глубоко в лес. О чём говорили всё чаще встречавшиеся на пути буреломы и закрывавшие своими густыми ветвями солнце высоченные хвойные деревья.

Лишь на мгновение мелькнула мысль: если свирель Арчи управляла летними мотыльками, не она ли призвала ко мне красавицу стрекозу? Но зачем это Фокуснику? Чтобы подвергнуть нас опасности? Бред. Или чтобы крепче привязать меня к себе? Ещё большая глупость... Но, с другой стороны, он каким-то образом связан с духами леса и постоянно «темнит».

Тут только заметила на плече Арчи два лука, раньше принадлежавших Дону и Марку, их мечи были так же привязаны к его седлу.

— Арчи, так нельзя, ты оставил ребят без оружия. На них же могут напасть дикие звери, — возмутилась я.

— У них остались кинжалы и магия, они не просто детки, а охотники на нечисть — сама же рассказывала. Не пропадут, — жёстко ответил он, — или тебе так хочется получить от них стрелу в спину?

Возразить было нечего, но я всё равно расстроилась. Заметив это, Арчи произнёс более мягко:

— Не переживай за них, прекрасная Франни. В этой части леса не водятся *обычные хищники*.

Этих слов мне показалось мало:

— Почему?

Он странно засмеялся:

— Потому что их отсюда прогнали твари, наподобие той, что сейчас стоит у нас на пути, — и стрелы одна за другой полетели в сторону коряги, которая, неожиданно взревев, встала на ноги, внезапно сравнявшись с большим деревом, хотя роль привычных ветвей на нём исполняли достигшие цели стрелы.

— Для него это — как комариный укус, — прошептала «Грозная воительница Франни», сжигая ревушего монстра в магическом пламени.

— Отличная работа, напарница. Но давай не будем здесь задерживаться — эти монстры никогда не ходят в одиночку. А ну, гони коня за мной, — и Арчи припустил своих рысаков в сторону тоннеля, словно специально сплетённого из ветвей густого кустарника. Разноцветные мотыльки уже исчезали в его мраке.

Я хотела крикнуть, что это похоже на ловушку, но он обернулся и приложил палец к губам, так хищно улыбнувшись, словно сам был *одним из них*. Моё сердце сжалось от ужаса, едва услышав его смеющийся голос:

— Ничего не бойся, Франни, и беги за мной. Я же не трушу, ведь рядом находится настоящая охотница на монстров...

Мне вдруг показалось, будто в надвигающейся тьме тоннеля в его сверкающей улыбке белоснежных зубов гораздо больше, чем нужно *обычному человеку*.

Как же хотелось крикнуть самой себе:

— Что ж ты творишь, Франни, разворачивайся и беги как можно дальше, разве не видишь, что он *опасен*...

Но вместо этого я промолчала и, пришпорив коня, словно околдованная, помчалась вслед за ним, ощущая, как тяжёлая коса, словно плеть, бьёт по спине...

К счастью, тоннель оказался недлинным, и, промчавшись по нему, раздираемая сомнениями, я вылетела во всё ту же светлую рощу. Мотыльки-проводники указывали направление движения, и, не останавливаясь, Арчи повёл меня вперёд. Кони с бега перешли на спокойный шаг, впереди маячила широкая спина фокусника, но он ещё долго не оборачивался.

И, честно говоря, меня это вполне устраивало: как же страшно было бы снова увидеть его совсем «нечеловеческую» улыбку... До сих пор сердце не могло успокоиться, а в голове только и крутилось:

— А что если и единственный на данный момент друг окажется монстром? Интересно,

в жизни бывают «добрые» чудовища или только в няниных сказках? Вот Келли, например, стала мне подругой, но это совсем не означает, что она и с другими людьми такая же милая. Вот ведь ты попала, Франни...

Голос Арчи вывел меня из задумчивости:

— Осторожней, прекрасная дама. Ты так замечталась, что намного отклонилась в сторону. Или сбежать решила? — и он снова совершенно «нормально» улыбнулся, — давай сделаем маленький привал, потом до самой ночи придётся гнать коней: места здесь опасные, и я хочу побыстрее их покинуть.

Он спешился и помог мне слезть с коня, хотя я в этом совершенно не нуждалась, но промолчала. Арчи быстро развёл костёр и заварил напиток из сушёных ягод, подаренных Келли. К ним славно подошли лепёшки с необычным травяным вкусом. Мой подозрительный рыцарь пытался шутить, но сегодня Франни не была расположена к светской беседе — и, вяло жуя подарки подруги, я замкнулась в себе.

Глядя на моё печальное лицо, Арчи вздохнул:

— Ну не молчи, пожалуйста, моя госпожа. Если я чем-то тебя напугал или невольно обидел, скажи...

Подняв на него глаза, несмело произнесла:

— Там, в тоннеле из кустарника, у тебя было такое... странное лицо. Я испугалась...

Показалось, он облегчённо выдохнул:

— Вот оно что... Надо было сразу предупредить — лес не простой, здесь обитает множество необычных существ и духов. Не все они зловредные, большинство — просто старается отпугнуть забредающих сюда людей. Например, принимает вид страшных монстров или наводит морок — это то, что ты видела. Я мог показаться тебе диким зверем или чудовищем. Когда оглянулся в туннеле, увидел на коне не тебя, а лису, поэтому засмеялся. Уже привык к подобным штучкам...

— Серьёзно? — мне всё ещё не верилось в такое простое объяснение, — выходит, ты тут *частый* гость и так много знаешь обо всём...

Арчи грустно улыбнулся, и в его голосе послышалась боль:

— Не доверяешь другу, Франни? Понимаю, но я с тобой честен и не буду скрывать, ты мне *очень дорога*. Не подумай плохого, милая и славная, оказавшаяся в беде девочка. Я тоже был ребёнком, познавшим горе, поэтому и стараюсь тебе помочь. К тому же не строю никаких иллюзий, хоть ты мне действительно нравишься, — при этих словах он опустил голову, делая вид, что помешивает угли в костре, — кому нужен цирковой урод. И, пожалуйста — не жалея меня, не переносу этого. А что касается леса и его обитателей — в юности моему рыцарю приходилось много с ними общаться. Когда будет настроение, может быть, поделюсь с тобой воспоминаниями...

Было ужасно стыдно и неловко перед ним. И да, очень его жалко, но раз Арчи не хотел этого — так тому и быть. Смущённо пробормотала:

— Прости, что сомневалась... Ты мой рыцарь, у каждого из нас есть свои тайны, это нормально.

В ответ он только кивнул. Я пристально посмотрела на него:

— А сколько тебе лет, Арчи, если это, конечно, не секрет?

Он ухмыльнулся:

— А на сколько выгляжу?

Я заёрзала:

— Не больше двадцати пяти... примерно.

Его это почему-то развеселило:

— Отлично, пусть будет двадцать пять! Да не смотри на меня так, я же не помню своего дня рождения... Что ж, раз мы выяснили этот вопрос, поедем дальше. К вечеру, бог даст, доберёмся до охотничьей заимки, однажды пришлось провести там в одиночестве три долгих месяца. Чуть с ума не сошёл, но это было в лютую зиму и очень давно, такое дело.

Мы снова двинулись в путь, на душе было совсем нерадостно. Я не думала о духах и чудовищах, возможно, прячущихся за ближайшим деревом. Мысли занимал одинокий и никому не нужный мальчик в маленькой избушке глубоко в лесу. О чём он думал, сколько слёз пролил, как смог выжить в суровый мороз? Наверное, ему поневоле пришлось стать

отличным охотником и познакомиться со странными обитателями леса. Вот так история, услышать бы её всю...

Но до вечера у нас не было времени на разговоры. Как и сказал Арчи, мы долго петляли по лесу, то останавливаясь, к чему-то прислушиваясь, то быстро укрываясь вместе с лошадьми в глубоком овраге. Я закрывала глаза или пряталась на груди друга, когда совсем рядом раздавались тяжелые шаги и непонятные вздохи, а то и похожий на медвежий рёв. Было очень страшно, а иногда, наоборот, вдруг наступала такая ненормальная тишина, что замирало сердце, и было боязно даже громко дышать...

Наступление сумерек и вид небольшого, кое-где заросшего мхом домика, затерявшегося среди деревьев, немного успокоили взвинченные нервы. Пока Арчи разжигал огонь в печи и ходил за водой, мне пришлось осваивать метёлку — по словам рыцаря, надо было немного *подмести*. Я примерно представляла, как *это делается*, но в итоге подняла такую пыль, что сама расчихалась, до слёз насмешив друга. Он великодушно разрешил «неумехе» посидеть на лавке и посмотреть, как сам со всем управится.

Было немного стыдно, но, честно говоря, я так устала, что даже не дождалась ужина и, уткнувшись носом в толстые шкуры на далеко не королевской кровати, быстро заснула. А когда открыла глаза, чуть не завопила от ужаса: в избушке было жарко и очень темно. Чуть поблескивали красные уголья в печи. Где-то совсем рядом гроыхали раскаты грома, по крыше барабанил сильный ливень, вспышки молний освещали метание подозрительных теней за маленьким окошком.

С головой накрывшись шкурой, тихо позвала:

— Арчи, ты спишь?

Никто не ответил, и, мелко задрожав, я повторила свой вопрос, но уже громче. И снова меня окутала тишина. Не знаю, почему иногда поступаю вопреки собственному страху, вот и на этот раз вместо того, чтобы ещё глубже зарыться в шкуры, спустила ноги с лавки и, сотворив немного света в ладони, пошла искать пропавшего друга.

Он обнаружился на соседней лавке крепко спящим под мехом неизвестного зверя. Видно, так намаялся за день, что даже гроза не смогла его разбудить. Сон Арчи был беспокойным: он тяжело вздыхал, и глубокая морщинка на переносице, след пережитых страданий, стала ещё заметнее. Я безо всякого стыда рассматривала его красивое лицо. Как же жизнь несправедливо с ним обошлась, дав божественные черты и «неправильное» тело. К тому же, заставив страдать с самого детства...

Вскрикнув во сне, Арчи заметался как в бреду, и я испугалась — таким непривычным, почти детским казался его голос. Он быстро говорил на незнакомом языке, словно просил кого-то о помощи. Слёзы навернулись на глаза, и, сама не знаю почему, взяла его горячую руку, тихо приговаривая:

— Не бойся, я с тобой. Всё будет хорошо...

Он сразу успокоился, перестав метаться. В это время меня оглушил сильнейший грохот, и от неожиданности я вскрикнула. Фокусник сразу открыл глаза и, сжав мою ладонь до посинения, прошептал:

— Что тебя так напугало?

Сморщившись от боли, с трудом выдернула пострадавшую руку из его «стального» захвата:

— Там за окном *кто-то ходит*, я видела огромную тень с рогами. Это духи, да? Или монстры пытаются к нам пробраться? Только не ври. Ты хорошо закрыл дверь?

Арчи взял мою больную руку и стал её целовать, как обычно делал папа, когда я плакала после падения с коня или качелей.

— Глупышка, это ветер раскачивает ветви деревьев, нет там никаких чудовищ. Опасная часть леса позади, завтра спокойно выберемся к дороге. Мы сегодня славно потрудились, срезали очень много, так что скоро увидим мою Родину.

Арчи говорил простые слова, а я, заворожённая его голосом, не могла пошевелиться. Мне хотелось, чтобы он не останавливался, продолжая целовать, поднимаясь губами по дрожащей от волнения коже всё выше и выше к плечам и шее, и, достигнув губ... От этой мысли вдруг стало невыносимо жарко, и сладко заныло внизу живота. Это была минута безумия, когда хотелось, чтобы горячие руки, прижав к себе, ласкали, не отпуская до утра, чтобы тело, отбросив стыд, ответило на его страстный зов. Счастье, что Арчи не мог прочитать мои непристойные фантазии...

Маленькими шажками отступила назад, пряча от него полные неуголённого желания глаза, и, пробормотав:

— Спокойной ночи! — закуталась в шкуру, отвернувшись к стене, на которой всполохи молний продолжали рисовать страшилищ, безуспешно царапавших когтями маленькое хрупкое окошко.

Я не думала о них. Только об Арчи и о себе, такой непостоянной и глупой, готовой променять двух красавцев братьев на объятая не совсем обычного Фокусника... да кого я обманываю, циркового карлика. Сумасшедшая Франни, что же ты творишь? Беги от него, беги — он погубит тебя гораздо быстрее заколдованных возлюбленных...

Сон сморил меня, избавив от тяжёлых мыслей, а утром, наспех позавтракав и деланно смеясь, я «радовалась» выглянувшему солнышку и поторапливала Арчи, удивлённого таким необычным поведением «прекрасной дамы». На самом же деле мне хотелось поскорее покинуть место, где вчера влюблённая девчонка чуть не совершила огромную глупость. Но рассказывать ему об этом, разумеется, не собиралась...

— Пойду в сарай, выведу коней, — крикнула я другу, подходя к двери.

Неожиданно он меня остановил:

— погоди, проверь лучше седельные сумки и запасы воды. Я сам приведу коней, сначала, конечно, накормлю их как следует.

Что-то мне не понравилось в его голосе, и, оттолкнув преграждающую дверь руку, я помчалась в сарай, не слушая отчаянного крика Арчи:

— Остановись же, дурочка! Это зрелище не для тебя...

— Что он там бормочет, думает, с лошадьми не справлюсь? Да я с пяти лет за ними ухаживала, — недовольно ворчала, но сердце, предупреждая о беде, больно колело и дёргало в груди.

Вынув засов, распахнула двери небольшой пристройки, в которой мы вчера заперли коней, чуть не угодив под копыта стремительно выбежавшего наружу перепуганного Грома. С ржанием он бросился в лес, а я, шагнув внутрь, тут же согнулась от бьющего в нос отвратительного запаха крови. Меня рвало, когда Арчи вытащил вздрагивающее тело оттуда, усадив под дерево:

— Вот ведь упрямица, не слушаешь старших...

Я вытерлась рукой и, пошатываясь, снова пошла к сараю, оттолкнув пытающегося удержать меня друга. Весь пол и стены были залиты кровью и остатками лошадиных внутренностей. Развернувшись, зло прокричала Фокуснику в лицо:

— Что это такое? Дверь была закрыта снаружи, и звери бы не смогли сломать засов. Кто это сделал? Немедленно отвечай, что ты скрываешь?

Какое-то время он молчал, опустив глаза, и вдруг заговорил со мной строго, словно учитель с недалёкой ученицей:

— Не кричи, Франни, я не твой холоп и не виноват в случившемся. У меня есть кое-какие соображения, но пока не успокойся, не буду с тобой разговаривать. Позови лучше Грома, он напуган, надо его вернуть, теперь у нас снова один конь на двоих.

Этот спокойный, холодный тон меня взбесил, но, развернувшись, побежала вперёд, подзывая Грома. Он пришёл, хотя и не сразу, испуганно кося глазом на сарай. Пришлось отвести бедное животное подальше от ужасного места, привязав к дереву, а Арчи насыпал ему в торбу овса.

Я упрямо продолжала молчать, рыцарь сам спросил:

— Почему из трёх коней только он остался цел? Твоя работа?

Ответила, даже не посмотрев в его сторону:

— Моя, оставляя Грома в незнакомом месте, всегда накладываю на него защитное заклинание. Вчера сделала это машинально, даже не подумав о двух других, слишком устала...

Внезапно вспомнились ночные страхи и тени, мелькавшие у окна. Быстро вернувшись к дому, я осмотрела землю рядом с ним. Дождь смыл следы, если они там были, но вот огромные, зазубренные царапины, оставленные, видимо, острыми когтями тварей на брёвнах избушки — никуда не делись. Особенно много их было около окошка. Значит, приходившие монстры мне не почудились — до нас они не добрались, а вот бедным лошадам не повезло...

Я подошла к Арчи:

— Как видишь, мне уже лучше. Извини, что накричала, — голос был так же холоден, как и его совсем недавно. Думаю, он без труда понял, что я хотела сказать на самом деле:

— Ненавижу тебя, мерзкий лжец.

— Франни, это место, где правят духи, не раз уже говорил тебе об этом. Мы нарушили их границу, просто так, не откупившись, уйти было невозможно. К несчастью, мне знакомы их правила, и поделаться с этим я ничего не мог. Из двух зол пришлось выбирать наименьшее. Это правда, и можешь злиться, сколько хочешь, но твой рыцарь только что спас жизнь нам обоим.

В ответ немного помолчала, размышляя:

— Выходит, не поставь я на Грома защиту, и его бы сейчас не было?

— Не обязательно. Плата — жизнь за жизнь, его могли просто не тронуть, или любого другого коня. Да, это жестоко. Мне запрещено входить в этот лес, я и сам бы не пошёл в лапы к Хозяину, но твои «мальчики» похитили и доставили нас сюда. Думаю, это не было случайностью, они всё точно рассчитали...

Меня качало, и немного кружилась голова, но, стиснув зубы, я вежливо попросила Арчи как можно скорее выбраться из *этого леса*. Он нагрузил сумки на Грома, вскочил в седло и помог мне забраться. Мы двинулись по одному ему известному пути и меньше чем через час выбрались на дорогу.

Между нами словно выросла стена, обоим было не до разговоров, но тут я не сдержалась:

— Если мы были настолько близко от дороги, почему ещё вчера не покинули лес?

— Поверь мне, Франни, духи не выпустили бы нас живыми, любыми способами задержав до ночи, а потом нас ждала участь погибших коней.

В моём голосе обида смешалась с иронией:

— Говоришь, я *должна тебе верить*? Ладно, верю. У меня же нет выбора, не так ли?

На самом деле, это были не те слова, что мне хотелось ему сказать, просто я была слишком расстроена. Но Арчи промолчал, принимая их без возражений. Сердцем чувствовала, как он напряжён, и не знала, как прекратить эту непредвиденную ссору. Ведь мой рыцарь и в самом деле спас наши жизни, заплатив за это большую цену. И снова судьба, на этот раз в моём лице, обошлась с ним несправедливо.

Прекрасно понимала — он молчал, чтобы не пугать меня, и без его помощи Франни уже давно не было бы в живых. Как просто, казалось, было всё уладить — всего лишь сказать, что понимаю причину его поступка, а не изображать оскорблённую принцессу. Но добрые слова не хотели вылетать из упрямого рта, и тогда я поступила по-другому: просто обняла его за талию, прижавшись щекой к сторбившейся от отчаяния, напряжённой как камень спине. Он расслабился, засмеявшись, словно счастливый ребёнок, и погнал коня вперёд по дороге, как можно дальше от этого страшного леса.

Время летело незаметно, казалось, даже Гром спешил покинуть эти неприветливые края, что уж говорить обо мне. Обняв Арчи, я старалась не смотреть по сторонам. Доверившись другу, под ритмичный стук копыт пыталась думать о чём угодно, только не вспоминать прошлую ночь. А ещё меня мучило чувство вины, и не только перед несчастными животными, но и братьями. Как им удалось выбраться из этого леса? Какую жертву с них потребовал неизвестный Хозяин?

Это беспокоило меня всё сильнее и сильнее. Поэтому на привале, устроенном Арчи прямо у дороги, я не выдержала, спросив его о своих страшных подозрениях. Хотя и понимала, что вопросы о Доне и Марке не понравятся ревнующему рыцарю.

Он нахмурился:

— Не беспокойся о них, Франни, думаю, «мальчики», — и его губы презрительно дрогнули, — обо всём договорились с лесным Хозяином. Не спрашивай, как, но, чувствую, что он даже подсказал им, где нас искать. Почему, по-твоему, я так гоню коня? Мы проехали мимо нескольких деревень и вполне могли бы пообедать в какой-нибудь корчме, миновали даже приличный городишко. Интуиция подсказывает, что наши враги идут по следу и, к сожалению, догоняют. Кто знает, что они придумают в следующий раз?

Его резкие слова меня смутили:

— Не называй их, пожалуйста, *врагами*. Они ведь сейчас «не в себе».

Он недовольно повёл плечами:

— Как прикажет прекрасная дама, но, поверь, когда один из них попытается проткнуть тебя мечом, ты будешь думать иначе...

Больше я этой теме не касалась, постаравшись увести разговор в сторону:

— Арчи, как скоро мы подъедем к границе твоей страны, долго ещё?

— До Страшных пустошей примерно сутки пути. Если сумеем пройти через них, то до Королевства пожирателей Чёрной Луны, как дразнят его в народе, рукой подать. Хотя сам я там не был, во всяком случае — ничего об этом не помню. Хватит ночевать в лесу, ближе к вечеру будем у большого посёлка. Попробуем снять комнату на ночь, в крайнем случае, сарай. Обычно старушки на окраине пускают путников, им всегда нужны деньги. Так что, потерпи немного...

Но я уже не слушала его казавшуюся беззаботной болтовню. В голове прочно застряла фраза — *Страшные пустоши*, те самые, из которых в наши леса совершали набеги разнообразные чудовища. Из-за них пропала мама, да что скрывать, я давно уже выросла и не надеялась на её возвращение. Именно из-за этих безжалостных тварей Франни начала усиленно изучать магию и получила не только место в маленьком семейном боевом отряде, но и прозвище «Грозная воительница». И теперь мне предстояло совершить безумный рейд к ним в пасть...

— Стоп, Арчи. Ты не говорил, что страна граничит с пустошами. Лезть туда в одиночку... — виновато посмотрела на него, — ну, пусть, даже вдвоём — безнадежное дело. Наверняка есть более безопасный способ вернуть тебя домой. Я права?

Арчи отвёл глаза, полные тоски и обречённости:

— Раз ты так считаешь, прекрасная дама, наверное, есть. Вот только мне такой обходной путь неизвестен, как и то, почему Королевство связано с Чёрной Луной. Видишь ли, Франни, моя Родина — это, в основном, неприступные горы, но ей удалось столько лет сохранять независимость не только поэтому. Страшная пустошь кольцом охватывает страну со всех сторон, создавая естественный барьер. Лишь хорошо вооружённые караваны торговцев пару раз в год решаются преодолеть эти гиблые места.

Я слушала, разинув рот от удивления:

— И они возвращаются из такого опасного похода?

Арчи опустил глаза:

— Насколько знаю, это так, но без потерь пока ни разу не обходилось. Я спешу ещё и потому, что скоро должен отправиться один из таких караванов. Если нам повезёт, сможем к нему присоединиться. Ты — маг и борец с нечистью, а я вполне сойду за слугу, думаю, хозяева каравана не откажутся от помощи. Но тебе придётся серьёзно сражаться, это опасно, Франни. Если не готова, давай лучше продолжим бегать от твоих «друзей» *здесь*. Городов тут немного, зато леса большие, есть, *где развернуться*.

Он говорил с иронией, но прозвучало это настолько серьёзно, что я сразу поняла — выхода, кроме как отправиться в Страшные пустоши, у нас нет. Никто не заставил бы меня ещё раз вернуться в *те леса*.

Я молчала, и Арчи, поедая лепёшку, не торопился с ответом.

— А почему караван собирается в дорогу осенью? — спросила, делая вид, что пью обжигающе горячий напиток.

— Летом слишком жарко, двигаться можно только по ночам, а это удлиняет и без того опасный путь. Зимой — холодно, бушуют метели. Только осенью можно довольно быстро пройти. Ведь сама пустошь небольшая, если бы не монстры — преодолели бы её за три дня. А так, в лучшем случае, месяц-полтора в один конец, и ещё надо успеть вернуться до наступления настоящих холодов.

— Не могу поверить — вместо трёх дней месяц пути? Что же там происходит: они воюют за каждый шаг, что ли?

Арчи перестал есть, убрав лепёшку в мешок. Похоже, я окончательно испортила ему настроение:

— Я сам не ходил с караваном, но во время своих путешествий с цирковой труппой часто слышал рассказы о пустошах. Бывало по-разному — как-то, уже почти дойдя до предгорий, один караван так и остался там. Твари окружили их и не выпускали до тех пор, пока люди не умерли от голода и холода... Их останки нашли только на следующий год. Я тебя не запугиваю, но подумай хорошенько, прежде чем пускаться в эту авантюру. В любой ситуации ты можешь рассчитывать на меня, хоть это и немного...

Мне стало по-настоящему страшно:

— Арчи, раз путешествие в Королевство связано с такими трудностями, почему же

купцы каждый год идут на подобный риск?

Фокусник засмеялся, и это был непривычный, злобный смех:

— Во всём виновата обыкновенная человеческая жадность, желание побыстрее разбогатеть. Ходят упорные слухи, что горы усыпаны драгоценными камнями. Вроде их можно собирать прямо в корзинки, как грибы. И, надо сказать, те, кому повезло выбраться живыми, возвращались и быстро богатели. Но я ни разу не слышал, чтобы это принесло им счастье: все они через год-два умирали от неизвестной болезни и выглядели при этом неважно — теряли волосы и зубы, их кости становились тонкими и хрупкими, а тело покрывалось язвами. Ужасная смерть. И, думаешь, это останавливало других тщеславных дураков, считавших, что их эта болезнь, а кое-кто называл её — проклятьем Чёрной Луны, обойдёт стороной? Нет, караваны по-прежнему отправляются за своей смертью...

Я подскочила как ужаленная:

— Хочешь сказать, что и нас ждёт та же участь?

— Конечно, нет, Франни... Мы же не за драгоценностями едем, а за спасением от последствий твоего *добротогo поступка*. Хотя, честно говоря, как найти нужную нам ведьму и чем может закончиться беседа с ней — плохо себе представляю. Довольно разговоров, надо двигаться вперёд: оставаться ночью на дороге опасно, так что поспешим к поселению с таким привлекательным названием «Последний приют Герцога», — и, усмехаясь, он посадил меня на мирно щипавшего траву Грома.

Прижимаясь к его спине, я думала:

— Неужели ты, Франни, настолько ненормальная, раз добровольно согласилась на весь этот ужас? Может, Арчи просто решил припугнуть, чтобы слушалась его в дороге? Ведь глупое название посёлка явно придумано им, чтобы посмеяться надо мной...

Остаток дня мы провели, практически не общаясь. Солнце отправилось за горизонт, когда впереди замаячили небольшие домики, спрятанные, как ни странно, за очень высокими заборами. Мы спешили, и тут я, не веря своим глазам, прочитала надпись на криво приколоченной к столбу дощечке:

— Последний приют Герцога.

Арчи посмотрел на меня, и его глаза озорно блеснули: мол, говорил же тебе. Я приуныла:

— И куда пойдём, опять в трактир, биться с нетрезвыми селянами?

Он негромко засмеялся:

— Светиться нам нельзя, давай немного пробежимся вокруг посёлка — на той стороне, рядом с кладбищем нас вряд ли будут искать. Тем более, оно здесь знаменитое: тут похоронены останки известного в этих краях сумасшедшего Герцога. Слышала о нём, нет? Что ты, тот ещё был чудак... Помешался на вампирах и вурдалаках, все деньги спустил на их изучение. Потом вдруг решил, что и он *такой*, опыты разные проводил, так его жена за эти шутки из собственного замка выгнала. Герцог с горя спился и как простой селянин был похоронен на здешнем кладбище.

— А почему весь посёлок теперь называется его именем? — удивилась я.

— Думаю, местный Управитель решил прославить это никчёмное место, — продолжил ухмыляться Арчи, — иди за мной, не отставай, тут близко. Вон бедные домишки на окраине, там и попытаем счастья.

Мы обошли почти все дома, но никто почему-то не хотел нас пускать на постой, более того — многие косились с подозрением. Только один старичок послал нас к бабке, что жила

в почти развалившейся землянке, сказав:

— Она слепая, может, и пустит к себе *цирковых*.

При этих словах Арчи нахмурился, но я дёрнула его за рукав, и он покорно кивнул.

Старенькая бабушка приняла нас приветливо, а когда мы предложили ей маленькую плошку с лесным вареньем, тут же разрешила переночевать под крышей своего дома. Мы со вздохом облегчения поблагодарили её за доброту. Я не удержалась от вопроса:

— Бабушка, Вы же не видите, кто мы, а пускаете на порог. Не страшно?

Она тихонечко засмеялась:

— Эх, милая девочка! Да я по голосу слышу, что люди вы молодые и, похоже, влюблённые. Бежите, небось, от родителей. Думаешь, сама такой не была и не понимаю? А что касается *другого*, то посмотрите, как я живу: красть здесь нечего, крыша протекает, не знаю, переживу ли зиму... Да хватит уже пустых разговоров, у меня осталось немного каши, покормлю вас и спать уложу на своей постели. А сама на лавке прилягу...

От угощения мы отказались — не могли отнимать последнее у доброй души, и кое-как вдвоём разместились на лавке. Мне даже стыдно не было, потому и не заворчала, когда Арчи легонько обнял за плечи, уткнувшись лицом в мои волосы — так сильно хотелось спать.

— Не волнуйся, Франни, и постарайся немного отдохнуть, я покараулю. Сегодня полнолуние, на кладбище будет беспокойно, мало ли что. Вдруг сумасшедший Герцог решит прогуляться и к нам заглянет? — смеялся Фокусник, за что получил от меня по руке, притворно охая:

— Сильная, да? Откормил на свою голову...

Мы тихо перешучивались, пока сон, наконец, меня не одолел. Но долго расслабиться этой ночью нам не пришлось, и мёртвый полоумный Герцог тут был ни при чём. Вернее... Впрочем, об этом чуть позже.

Мне снилась полноводная река — я плыла по ней на спине, раскинув руки и ноги в стороны, отдавшись течению, и смотрела на прекрасные далёкие звёзды. Мысли текли неспешно, еле ворочаясь в уставшей голове:

— Какая же вокруг красота — река, небо, ночь. Какая ещё река, я же плавать не умею, мамочка, спаси меня! — ледяной водоворот затягивал тело под воду, но кто-то сильной рукой подхватил и вытащил его на воздух, при этом второй рукой зачем-то прикрывал мне рот, шепча на ухо:

— Тише, Франни, тише. Слушай, о чём они шепчутся.

Я испуганно открыла глаза, не до конца проснувшись в этой темноте, и зачем-то укусила ладонь, не дававшую мне нормально дышать. Арчи, а это, конечно, был он, подавив стон, тихо произнёс какое-то слово на непонятном языке. Прозвучало выразительно, и мои щёки залила краска стыда. Но тут совсем рядом раздались тихие голоса, и я невольно прислушалась к ним.

К удивлению, первый голос узнала сразу — это была «добрая» бабушка, пустившая нас переночевать. Да и второй показался знакомым — старик, направивший нас к ней в дом. От услышанного меня прошиб холодный пот — вот к чему, оказывается, снилась река...

— А ты уверена, старая, что это *те самые, кого ищут*?

— Не сомневайся, я же ведьма, как-никак. Точно они, и пахнут страхом. Можешь бежать к молодым исчажьям ада, приходившим сегодня утром, и передать, пусть забирают свою добычу. Хоть мне и не удалось накормить *детюшек* сонным зельем, но они и так крепко спят. Да не забудь, что половина денег — моя по праву, а то прокляну.

— Тыфу на тебя, старая! Когда это я с тобой не делился? Уж поди лет сорок все дела вместе проворачиваем, а ты так мне и не веришь. Обидно.

— Иди, иди, дуралей, а то и другие сообразят, какие барыши уплывают у них из-под носа.

Негромко хлопнула входная дверь, и старуха ловко громыгнула засовом. Её тяжёлые шаркающие шаги приблизились к нам, и я вцепилась ногтями в и без того пострадавшую от меня ладонь Арчи. Он даже не пикнул.

Совсем рядом послышался вредный смех предательницы:

— Спите, детки, скоро за вашими душами придут посланники самого дьявола. Уж и не знаю, что вы им сделали, но такой лютой ненависти я давно не чувствовала. Она пахнет так сладко — как ночной воздух после грозы, смешанный с кровью девственницы и мстью отвергнутых...

Это было уже слишком... Не выдержав, я оттолкнула руку Арчи, и, сев, прочитала заклинание, отбросившее старуху в противоположный угол. Она охнула:

— Ещё одна ведьма — видно, старею, раз не заметила... — и притихла. Осветив избушку магическими огнями, убедилась, что негодница лежит кучей грязного тряпья у противоположной стены.

Арчи встал, вытащив наши вещи из-под лавки, и посмотрел на меня восхищённым взглядом:

— Ты её прикончила?

Я смутилась:

— Да что ты, просто усыпила, чтобы не мешала. Надо бежать, да? Эти двое говорили о братьях?

— Верно, — рыцарь потащил меня за руку вон из избы, ускоряя свои небольшие шаги так, что я еле за ним успевала.

— Куда мы, Арчи, конь же остался в сарае...

Но Арчи спешил, его дыхание становилось всё чаще и тяжелее:

— Потом за ним вернёмся. Сейчас пойдём на кладбище, там есть несколько довольно приличных семейных склепов, укроемся в одном из них. Если в твоих «мальчишках» и в самом деле горит *дьявольский огонь*, на освящённой земле они нас не найдут. К счастью, луна сегодня такая огромная, всё хорошо видно. Да беги же быстрее, Франни!

И я помчалась со всех ног туда, куда в другое время и маленькими шагами шла бы с неохотой, стараясь делать вид, что не замечаю, как мимо мелькают покосившиеся надгробия и совсем свежие холмики чёрной земли. Арчи остановился перед старым склепом с замершим у входа, почерневшим от грязи и времени мраморным ангелом, почему-то державшим палец возле губ.

— Наверное, напоминает, что покойным нужна тишина, — *глубокомысленно* подумала я, морща лоб и пытаясь выровнять дыхание.

— Что ж, это убежище нам подойдёт — старое, заброшенное, видно, его давно никто не навещал, значит, сюрпризов не будет, — Арчи взялся за ручку двери, на которой не было замка, и потянул на себя. Но она не подалась. Он нахмурился, повторив попытку ещё раз — результат был тот же.

— Отойди, — сурово сдув мокрые пряди чёлки с глаз, произнесла «Грозная воительница», направив магию на непокорную дверь.

Та немедленно, правда, с ужасным скрипом, отворилась, и не просто, а с «довеском».

Странного вида человек в лохмотьях, с длинной, наполовину седой бородой и включенными волосами держался за открытую дверь так, словно это была опора всей его жизни. Безумные, вытаращенные глаза с осуждением смотрели на нас:

— Занято! Неужели с первого раза непонятно, я первым нашёл это место, значит, оно моё, — прокаркало, несколько раз чихнув, странное создание.

— Извините, мы не знали, — растерявшись, пробормотала я, и, попятившись назад, уткнулась спиной в Арчи. Оглянулась на него и ахнула: он хитро улыбался:

— Здравствуйте, Герцог! Давно не виделись, тут такая история приключилась — за нами гонятся два очень противных *вампира*. Позвольте отсидеться в Ваших апартаментах, в долгу не останусь.

«Герцог» хмыкнул:

— Арчи! Принесла нелёгкая... А что у тебя есть?

Мой рыцарь тут же достал из мешка бутылку с ароматной настойкой Келли. Бородач из склепа радостно потёр руки, пробормотав:

— Годится, ладно уж, проходите. Но только чтобы при мне про клыкастых — ни слова, знаю ведь тебя, Фокусник, не можешь жить без насмешек, — и он махнул нам рукой, приглашая в своё жилище.

Я всё ещё не могла прийти в себя, но Арчи, опять схватив за руку, словно малое дитя, потащил меня за собой.

— Осторожно, тут ступеньки, — проворчал «Герцог».

Осветив небольшое помещение, не спеша спустилась вниз. Кроме лавки и стола с парой табуретов там ничего не было, даже примитивной печки. Мне стало жаль бездомного бродягу, и я сочувственно поинтересовалась:

— Уважаемый «Герцог», тут же холодно, как Вы будете жить в склепе зимой?

Он посмотрел искоса, указав на табурет:

— Присаживайтесь, благородная госпожа. Отвечаю на Ваш вопрос — я же не дурак, чтобы здесь мёрзнуть. У меня есть и другое, тёплое убежище. Скоро переберусь в него, а то вот уже третий день чихаю, — и он ещё раз чихнул, не забыв вежливо извиниться.

Что-то уже тогда зашевелилось в душе, а тут ещё Арчи, почти силой усадив меня на ледяной табурет, плюхнулся на соседний, поставив бутылку на стол:

— Твоя светлость, тащи свои знаменитые серебряные кубки, будем дегустировать вино. Это от Келли, помнишь её? Славная девушка...

Бродяга после этих слов покраснел, как-то засуетился и начал рыться в сундуке, который я вначале и не заметила, вынув из него три настоящих сверкающих кубка, украшенных драгоценными камнями. Он осторожно поставил их на стол и, сев на лавку с множеством набросанных лоскутных одеял, смотрел на своё сокровище с какой-то светлой печалью в глазах.

— Вот, милая барышня, полюбуйте, это всё, что осталось от прежней жизни, — грустно сказал он, тут же убрав кубки в сундук и заменив их глиняными чашами, — наливай вино, Фокусник, выпьем за встречу и за твою красавицу-подружку. Ну и за Келли, разумеется...

Арчи засмеялся:

— Годы идут, а твоя светлость не меняется, всё такой же. Прости, Франни, что не представил тебе нашего гостеприимного хозяина. Это мой друг, Герцог, имя у него длинное, никак не могу запомнить, но он хороший человек. Не пугайся, моя прекрасная дама. Это он,

живой и невредимый, тот самый Герцог, в честь которого и названо это захудалое местечко.

При этих словах длиннобородый встал, отвесив церемонный поклон, а я чуть не свалилась с табурета. Хорошо ещё, что смеющийся негодник Арчи, поддержав за талию, не позволил мне упасть...

Ну и глупый, наверное, у меня был вид... Встретить «живого» мертвеца — кому понравится подобный сюрприз? Ах, бесстыжий Арчи... Разыграл комедию, хотя всё прекрасно знал, чёртов Фокусник. погоди, я отомщу, узнаешь, как надо мной смеяться!

Такие мысли, очевидно легко читавшиеся на покрасневшем, взволнованном лице, развеселили шутника ещё больше. Ужасно хотелось, подобно горничной или кухарке, оттащить его за волосы или от души поколотить скалкой. Но поскольку Франни была хорошо воспитанной девушкой, и, как назло, ничего тяжёлого под рукой не оказалось, ограничилась многозначительным взглядом, надеясь, что по нему он *всё поймёт*. Однако, вместо ожидаемого раскаяния пришлось любоваться его глупой счастливой улыбкой. Ну, не дурак ли он после этого?

Я вежливо поклонилась Герцогу, как того требовал этикет:

— Очень рада нашему знакомству, — и, не подумав, ляпнула, — как поживаете?

Наш гостеприимный хозяин слегка растерялся и, пожав плечами, грустно улыбнулся:

— Да как видите, милая Франни, но и так неплохо после всего, что пришлось вытерпеть в этой жизни. Чего только обо мне не насочиняли, так что пусть лучше считают мёртвым...

Это было сказано так искренне, что, забыв о приличиях, со словами:

— Наливай! — толкнула Арчи локтем в бок и сочувствующе обратилась к Герцогу:

— Я бы с радостью послушала Вашу историю...

Его глаза загорелись то ли от того, что он давно никому не жаловался на жизнь, то ли от вида бордового напитка, который Арчи с явным удовольствием разлил по чашам. А, может, от того и другого сразу... Его рассказ был недолгим и очень меня тронул.

Как оказалось, Герцог на самом деле даже не был дворянином, просто владел большим поместьем. Он был богат, и друзья шутили, что для полного счастья ему не хватает только красивой жены и титула герцога. Так в шутку и прозвали — Герцог. С юности он был очень любознателен, много читал и постоянно учился. К несчастью, серьёзно увлёкся астрологией и мистикой, совсем забросив друзей, а тут заботливые родители сосватали ему невесту, в которую неопытный паренёк без памяти влюбился и сразу женился не раздумывая.

Жена его страсти к науке не разделяла, больше того, сделала всё, чтобы прибрать к рукам богатство: объявила мужа сумасшедшим, распустив о нём нелепые слухи. Но Герцог всё терпел ради их маленького сына. Однако пришёл момент, когда он сорвался и сбежал, с помощью старых друзей подстроив собственную «смерть». Вот так и жил до сих пор, бедняга.

Я даже всплакнула, так его стало жалко, а может, вкусное вино подействовало... Главное — за этими разговорами совсем забыла, что где-то рядом меня ищут те, кому я теперь встала поперёк горла. Между тем, вино оказалось крепкое, и сама не заметила, как уснула, положив голову на плечо Арчи.

Сквозь сон пыталась прислушаться к тому, о чём эти двое тихо шептались: что-то о ведьме, об украденном мальчике, а потом... всё исчезло. Арчи осторожно прикоснулся к моей щеке, нежно погладив:

— Просыпайся, Франни, уже почти утро. Пора ехать дальше.

Я нехотя открыла глаза и еле встала — так затекла спина. Бедный рыцарь, он просидел всю ночь, поддерживая меня, чтобы «прекрасная дама» ненароком не свалилась на пол.

Желудок скрутило, и слегка подташнивало, ведь привычкой пить крепкие напитки я пока не успела обзавестись. Но голова работала...

— Арчи, надо вернуться в дом старухи за Громом.

В ответ он согласно кивнул. Герцог вышел нас проводить, благо, время ещё было раннее, и наткнуться на селян мы не могли. Сырой туман пробирался даже под плащ, и меня начало трясти, но жаловаться я не стала — пусть мужчины не думают, что Франни — неженка. У самой ограды кладбища мы остановились, чтобы попрощаться с добрым Герцогом. Он пожелал нам обоим удачи, обратившись к Арчи:

— Не забудь о том, что я тебе рассказал, Фокусник. Это может стать не только надеждой для девочки, но и для тебя самого.

Тут же наострила уши, но полюбопытствовать не успела, потому что натолкнулась взглядом на трупы двух людей — старухи и её подельника. Они лежали, жестоко зарубленные мечами прямо за оградой этого скорбного места. Конечно, это были не первые виденные мною покойники, но почему-то именно сейчас стало так плохо, что пришлось отбежать в сторону, избавляясь от остатков ужина и вина.

Друг подошёл ко мне и обнял:

— Кто так жестоко с ними поступил, Арчи? Они, конечно, были плохими людьми, но, всё-таки, старики...

— А сама-то как думаешь? Их убили те, кого они обманули. Твои «мальчики» становятся всё более жёсткими, а то, что они не смогли переступить границу освящённой земли, к несчастью, говорит — их душами постепенно овладевает зло. Плохую *новую жизнь* ты им подарила, Франни...

Услышав это, я заплакала, вырвавшись из его рук. Неожиданно за меня вступился Герцог:

— Не говори так о малышке, Арчи. Это не её вина, видно, в ребятах уже изначально было заложено недоброе. Насколько я знаю об этом колдовстве, оно не меняет людей, а только усиливает их порочные черты. Франни совсем ещё ребёнок, ей простительно заблуждаться, но ты уже взрослый и не должен бросаться такими словами.

Арчи смутился и попросил прощения, но вместо ответа я подбежала к Герцогу и, обняв его, пожелала, чтобы когда-нибудь судьба сжалилась над ним, вернув и дом, и семью. Он печально усмехнулся:

— Это вряд ли, дорогая. Моя недобрая жена уже умерла, а сын теперь владеет поместьем. Я слышал о нём только хорошее. Возвращаться не буду — кто такой этот пьянчуга «Герцог», чтобы ломать мальчику жизнь, но всё равно спасибо за доброту. У тебя всё получится, главное — верь в себя.

Он помахал нам на прощание рукой, скрывшись в тумане, а мы с Арчи почти побежали к посёлку, где с краю поднимался чёрный столб дыма. Братьям показалось мало убить стариков, они и дом подожгли. Мой бедный Гром...

Из тумана послышалось беспокойное ржание, и вороной конь снова ткнулся мордой в мои ладони. Я радостно похлопала его по спине, и через минуту мы с Арчи уже сидели верхом. Седла, к несчастью, не было, оно осталось в сарае, но «хозяйственный» рыцарь уладил этот вопрос, ненадолго исчезнув в посёлке, а потом вернувшись с полным снаряжением для Грома. Я только усмехнулась:

— Ну что тут скажешь? Настоящий... Фокусник.

Объехав посёлок стороной, снова вернулись на дорогу. Радостное ощущение, что нам

удалось счастливо избежать столкновения с преследователями, быстро сменилось отчаянием. Да, на этот раз повезло: подслушали разговор стариков, успели спрятаться у друга Арчи, и вообще, если бы не смекалка рыцаря, меня давно уже не было в живых. Или пришлось бы убить тех, кому я подарила свою первую любовь.

В пути было достаточно времени, чтобы хорошенько обдумать прежнюю жизнь, и теперь она не казалась такой уж прекрасной. Я больше не идеализировала Дона и Марка, они перестали быть «особенными» в моих глазах, да и чувства к ним как-то сами собой остыли.

Ну что бы ждало Франни в замке, останься я там? Наверняка, поддавшись страсти, совершила очередную глупость, и родителям поневоле срочно пришлось бы устраивать свадьбу. А потом даже страшно подумать, во что могла превратиться жизнь с высокомерным, не терпящим возражений Доном или грубоватым, скорым на расправу Марком. Теперь я прекрасно понимала, что долго бы их влюблённость не продержалась, и, наскучив мужу, в лучшем случае, Франни осталась в одиночестве. Нет, с моим непокорным характером я бы не выдержала и сбежала. Выходит, в жизни пока всё не так уж и плохо, во всяком случае, скучать не приходится...

Вот так и тряслась верхом на коне, вцепившись в куртку Арчи, ухмыляясь собственным мыслям:

— Кажется, ты взрослеешь, Франни, это неплохо. Поздравляю, давно пора расстаться со своей наивностью. Вот только что ждёт впереди, и какие новые испытания подстерегают за ближайшим поворотом дороги? Если бы знать...

А за поворотом Арчи неожиданно развернул коня в сторону рощицы, и мне это не понравилось:

— Эй, куда это ты собрался? Не хочу снова в лес, обещал же...

— Не волнуйся, тут совсем рядом большой ручей и заброшенная мельница. Там давно никто не живёт, но дом цел. Натопим печку и устроим банный день, очень хочется вымыться. Только по-быстрому, задерживаться нельзя.

Я согласилась: прошли те времена, когда по первому требованию к моим услугам была готова роскошная ванна с горячей водой и белой душистой пеной.

— Баня — это хорошо, — глубокомысленно произнесла, и надулась, не понимая, почему Арчи снова надо мной смеётся.

На всякий случай немного побарабанила его кулачками, и он радостно простонал:

— Ещё, давай ещё, злая Франни! А то спина так затекла, сил нет...

Развлекаясь таким образом, мы подъехали к шумному ручью, крутившему огромное водяное колесо. Места тут были мрачные и сразу меня насторожили: дом покосился, но и вправду выглядел вполне целым. В пристройке находилась баня, и Арчи сразу же начал собирать дрова для печи. Привязав коня, я бестолково ходила за другом след в след, на душе было тревожно, но не хотелось признаваться, что мне попросту страшно оставаться одной.

Догадавшись об этом, Арчи продолжил веселье, рассказав жуткую историю про утопившуюся в реке дочь мельника. Она была единственной радостью отца, и с горя тот повесился прямо в этом доме. Теперь мельницу считают проклятой, и никто не хочет здесь жить.

— Такое добро пропадает, — весело щебетал, хитро посматривая, вредный рыцарь.

Я помрачнела ещё сильнее:

— Хочешь, чтобы кое-кто тоже прямо сейчас прыгнул в эту реку?

— Что ты, Франни, холодно, потерпи совсем немного, скоро я натоплю и нагрею много воды...

— Я не себя имела ввиду, а одного глупого Фокусника, пугающего бедную девушку! Ты готов нырнуть?

— Не готов — уже молчу, — Арчи сделал вид, что сильно испугался угрозы и начал усиленно кланяться, сложив руки в умоляющем жесте.

Да он просто издевался надо мной! Я как раз стояла на небольшом бревенчатом мостике над ручьём и раздосадовано топнула. Кто же знал, что брёвна моста давно сгнили... Внизу что-то хрустнуло, и, ойкнув, недальновидная «злюка» свалилась в ручей. Он оказался достаточно глубоким, вода сразу дошла до груди, намокшая одежда потянула вниз.

Схватившись за опору моста, я прижалась к нему, опасаясь, что меня унесёт быстрым течением. Но вот беда, под пусть и небольшим весом «ныряльщицы» деревянный столб зашатался, грозя рухнуть в любую минуту. А Арчи почему-то метался по берегу, видимо, не зная, что предпринять в этой ситуации, больше того, внезапно с испуганным видом замер на месте. Это было так непохоже на шустрого рыцаря, что я, периодически глотая ледяную воду, решила его поторопить.

Но раздумала, поскольку совсем рядом из воды выглядывала синюшного цвета симпатичная девочка. В прозрачных глазах было столько любопытства, что я, временно забыв об Арчи, невольно переключилась на неё, закричав:

— А ты-то что пялишься? Смотри, аж посинела вся. Быстро вылезай, а то простудишься... И куда только родители смотрят?

Нахальная девчонка за словом в карман не лезла:

— И чего разоралась? Сама гребки к берегу, ещё синее скоро станешь.

— Поговори у меня! Ну-ка, быстро плыви отсюда, маленькая болтунья.

— А сама чего не плывёшь? — не отставала девчонка, а Арчи, открыв рот, по-прежнему стоял на берегу, не двигаясь и не спуская с нас глаз.

— Я плавать не умею, а мой так называемый друг, похоже, об этом *забыл*, — ответила, чувствуя, что зуб на зуб не попадает.

— Не, это он меня испугался — думает, на дно тебя утащу. Давай руку, не бойся, быстро к берегу доставлю. Я не злая, просто скучно тут одной, — скривилась малышка, и до меня наконец дошло, *с кем* веду разговор.

Арчи «прорвало», раньше при мне он так не вопил:

— Не слушай русалку, Франни — она утянет тебя на дно... Я сейчас выломаю орясину и отгоню её подальше, потерпи минуту, — и, схватив топор, быстро начал рубить небольшое дерево.

Девочка пожала голубыми плечами:

— Псих, но за тебя волнуется. Говорю же — не такая я... Давай руку, Франни, не хочу, чтобы и ты тут утонула, как я когда-то, а то будешь вон с теми рыбами всю жизнь вместе плавать...

— Какие ещё рыбы? — перепугалась я, протянув ей руку. Схватив за уже посиневшие пальцы, девочка быстро «довезла» меня до берега и даже подсадила своими на удивление крепкими руками, крикнув Арчи:

— Эй ты, болван, веди девушку в баню: ей надо пропариться, заболит же! — и, видя, как рыцарь кутает меня в свой плащ и уносит на руках, добавила, — потом приходи сюда, Франни, поболтаем, а то так скучно одной...

Всё, что я могла в тот момент — дрожа, еле кивнуть и попытаться махнуть рукой. Она нырнула в глубину, плеснув перламутровым рыбьим хвостом и подняв напоследок небольшую волну. Русалка исчезла, оставив расходящиеся круги на тёмной, осенней воде...

Не помню, что было дальше. Кажется, Арчи отнёс меня в баню: там уже было жарко, и он плеснул на камни воды. Всё вокруг затянуло белым паром. В этом молочном тумане я почувствовала, как его руки расстёгивают мою куртку, и, собрав остатки силы, рявкнула, а, может, и прошептала:

— Вон! Я всё сделаю сама... — и только услышав стук закрываемой двери, начала раздеваться непослушными, скрюченными от холода пальцами.

Это было трудно, хорошо, что вспомнила о магии, и заклинание здоровья привело меня в чувство. После этого дело пошло веселее — появились, пусть и временные, силы, чтобы вымыться. На лавке нашла платье, видно, раньше принадлежавшее кому-то из здешних обитателей, и кое-как натянула его на себя, мысленно поблагодарив за это предусмотрительного Арчи.

Он ждал за дверью и отвёл в комнату, где уже было хорошо натоплено, или просто так показалось, потому что после дикого холода вдруг стало невыносимо жарко. Арчи напоил меня какой-то горькой настойкой, после чего «страдалица» уснула на лавке под грудой старых пыльных одеял.

Всю ночь во сне я от кого-то бегала, дралась, ругалась и вообще вела себя очень глупо, зато утром встала совершенно здоровой, первым делом поинтересовавшись у друга, под глазами которого синели следы бессонной ночи:

— Мой костюм высох?

Рыцарь удовлетворённо кивнул, положив его прямо на меня, а потом, свернувшись калачиком на этой же лавке, уснул. Переодевшись, накрыла Арчи одеялами, поставила заранее приготовленный им большой котелок с водой на огонь и начала впервые в жизни готовить завтрак. Получилось что-то среднее между кашей и похлёбкой, к тому же, без соли, которую я в мешке с продуктами просто не нашла.

Но проснувшийся друг, почуяв запах съестного, уплетал за обе щёки, нахваливая это малоаппетитное варево, заставляя меня краснеть от гордости. Правда, до тех пор, пока я сама *это* не попробовала и сморщила нос. Кашу досолили, добавили туда яблок из уже заросшего сада — получилось вкусно. Съели всё и даже ложки облизали.

Фокусник торопил с отъездом, я же, попросив пять минут, побежала к сломанному мостику. Как звали спасшую меня русалку — не знала и потому, волнуясь, прокричала у воды:

— Эй, спасительница, вылезай, а то скоро уезжаю.

Тёмная вода пошла кругами, и из неё появилась кудрявая белокурая головка девочки лет десяти. Вид у неё был заспанный, но, увидев меня, она широко улыбнулась и пробормотала, протирая глаза как самый обычный ребёнок:

— Привет, Франни, смотрю, ты здорова. Это хорошо, у тебя впереди длинный путь.

— И всё-то ты знаешь, — засмеялась я, — а хоть помнишь, как тебя зовут?

Она грустно покачала головой:

— Нет, вот всё остальное помню — и про маму с папой, как мы тут счастливо жили до пожара. Лучше бы забыла, это такая мука. Слушай, придумай мне имя, а?

Выпалила первое, что пришло в голову:

— Как тебе — Нелли? По-моему, звучит красиво.

Она закружилась в воде, хлопая в голубые ладошки, а у меня в горле встал ком — еле сдерживалась, чтобы не разреветься.

— Если не секрет, Нелли, что с тобой случилось? — сначала спросила, а потом, проклиная своё любопытство, подумала, что ей наверняка тяжело всё вспоминать. Но она ответила просто, словно уже давно свыклась с этой мыслью:

— Людям из поселения, для которых папа всегда молот зерно, показалось, что он слишком задирает цену, и они с ним поругались. Папа был сильный, выкинул всех из дома. А злодеи пришли ночью, подожгли мельницу и дверь подперли, чтобы никто не спасся. Но папа успел меня вытолкнуть из окошка, крикнув:

— Беги! — я и побежала. На этом мостике было темно и скользко, вот и упала в воду, а плавать так и не научилась... Да хватит о грустном, я тебя, Франни, хотела попросить об услуге, сделаешь?

Кивнула в ответ, улыбаясь сквозь непослушные слёзы.

— Скоро ты встретишься с могущественной ведьмой. Не удивляйся, что я об этом знаю — видела во сне, а они всегда сбываются. Попроси за меня: пусть перенесёт маленькую русалку в другое место, где много таких, как я, а то одной очень тоскливо. Спасибо, Франни, знаю, что попросишь; ты — хорошая, как старшая сестричка. Ну, всё, иди, тебе пора, пришло время до весны укладываться спать — под мостом есть норка, там Нелли будет уютно...

Она махнула на прощание рукой, зевнула, тряхнув мокрыми кудряшками, и скрылась в воде, оставив за собой не только россыпь ледяных брызг, но и глубокий след в моей душе.

— Дети не должны умирать... — это всё, о чём я могла тогда думать. Арчи меня окликнул — покорно подойдя к нему, забралась на коня и, прежде чем покинуть это место, оглянулась на приютившую нас мельницу. И чуть не упала, не хуже клеща вцепившись в куртку друга: вместо дома чернел обгорелый остов, баня была единственным уцелевшим помещением на пепелище. Как же так? Этой ночью я там спала, а утром сидела в несуществующей комнате за столом, готовила кашу, разговаривала с другом и шутила...

Сердце вздрогнуло, как будто в грудь нанесли сильный удар, и забилось быстрее крыльев летнего жука. Почувствовав, как внезапно напряглась спина Арчи, сама спрыгнула с коня и, обойдя его, взяла под уздцы. Я не отрывала испуганного взгляда от его печальных глаз, губы громко и требовательно, словно раздавая пощёчины, произнесли:

— Что всё это значит, Арчи? Твоя работа? Чувствовала же, что мой рыцарь совсем не прост... Кто ты на самом деле?

Он негромко ответил дрогнувшими в попытке улыбнуться губами:

— Я — Фокусник, просто очень хороший...

Мы пристально смотрели друг на друга и молчали. Оба понимали, что это не ответ, а замаскированная шуткой отговорка, и меня она не устраивала. Поэтому я высказалась первой:

— Не хочешь отвечать — что ж, твоё дело. Выходит, Франни опять доверилась непонятно кому, так, идиотке, и надо... Только больше не называйся моим другом...

Он вспыхнул:

— Помнится, ты сама говорила, что у каждого из нас могут быть *свои тайны*. Давай уважать их, сейчас не время обсуждать *это*, но, прошу, поверь — я всё тот же Арчи, твой друг и рыцарь, который не сделает ничего, что могло бы тебе навредить, такое дело...

Я отпустила коня и протянула Фокуснику руку, он обрадовано помог мне забраться верхом, но ни на привале, сделанном нами на обочине дороги, ни вечером, когда вошли в незнакомый город — не проронила ни звука. Арчи пытался заговорить, но, наткнувшись на глухую стену отчуждения, тоже замолчал.

Темнело слишком быстро, и мы едва успели проскочить внутрь до закрытия ворот. По тому, как легко Фокусник ориентировался в кривых и грязных лабиринтах улиц, стало понятно, что он уже не один раз здесь бывал. Переступив порог шумного и набитого толпой пьянчуг трактира, заняли место в самом неприметном углу, прямо под лестницей, ведущей на второй этаж.

Я устала и была расстроена нежеланием Арчи раскрывать свои тайны, поэтому не прислушивалась к его разговору с темноволосой, дородной служанкой, судя по всему, хорошей знакомой. Сначала они шутили, и Арчи поставил передо мной тарелку мясного рагу. Я жадно ела, желудок требовал еды, а она была совсем недурной.

Служанка даже засмеялась и, положив свою тяжёлую руку мне на плечо, неожиданно пробасила:

— Кушай, кушай, деточка! Совсем, наверное, загонял тебя *злой Арчи*. Хорошенько у него учись, он отличный Фокусник — когда «работает» в зале, народу всегда много. Мы с ним старые друзья, горбатились в одной труппе. Он тогда ещё был мальчишкой на подхвате. Поверишь, когда-то и я была отличной акробаткой, — и она захохотала, чуть не оглушив, уперев огромные руки в толстые бока.

Арчи почему-то покраснел, смущённо пробормотав:

— Ешь, Франни, набирайся сил, еда тут вполне приличная. Кстати, Дора, я мог бы выступить сегодня, если устроишь нам комнату на ночь.

Дора перестала смеяться, но её большой живот продолжал колыхаться сам по себе. Она погладила его, словно успокаивая:

— Ишь, расшалился, выходит, скоро срок рожать. Знаешь ведь, Арчи, как давно я хотела малыша...

— Рад за тебя, Дора, но как насчёт комнаты и выступления?

Она вздохнула:

— С этим — беда: в трактире всё занято. Завтра караван отходит в пустоши, к тому же, в городе большая осенняя ярмарка. Ну, допустим, пушу Вас по старой памяти в сарай, там есть кровать и полным-полно навалено разного барахла, но для ночёвки — сгодится. А вот с выступлением ничего не получится — твоя труппа, как назло, сегодня притащилась сюда.

Они распустили грязные сплетни о знаменитом Фокуснике, наверное, из-за *чьих-то* шалостей с женой директора. Ты всегда был дамским угодником, шалопай...

Она сделала вид, что протирает тряпкой наш стол, и тихонько прошептала:

— Так что доедайте рагу, а я постараюсь незаметно проводить вас в «ночлежку» на улице. Там у нас что-то вроде склада для старых вещей. Холодно зато без печки, но вы ребята молодые, вам наверняка в одной постели будет жарко, — она снова засмеялась и, вильнув огромной юбкой, поплыла к другому столу.

Сказать, что мне было приятно выслушивать такие новости об Арчи — значило бы солгать. Но я сделала равнодушное лицо, продолжая ковыряться в своей миске:

— Дамский угодник, значит, вот ты кто. То-то я постоянно замечала на себе горячие взгляды, от которых внутри всё пылало, и чувствовала себя под ними совершенно раздетой. Нет, Франни, никому нельзя доверять. И ему — тоже...

Арчи не знал, куда деть глаза, попытавшись оправдаться:

— Пожалуйста, не слушай Дору. Она хорошая, но толком ничего обо мне не знает...

— Не удивительно, ты же такой *скрытный* человек, — фыркнула, забыв, что решила с ним не разговаривать.

Не знаю, чем бы закончилась наша перепалка, но тут к столу подошли трое мужчин, от которых разлило вином и потом. Двое из них бесцеремонно плюхнулись на лавку рядом с Арчи, зажав его с обеих сторон, а третий пристроился рядом со мной, нахально стащив с головы капюшон и заглянув в лицо:

— Вот так кралю себе нашёл наш *неубиваемый Фокусник*! Хороша... Может, ради встречи поделишься с друзьями?

Его рябое лицо с бегаящими раскосыми глазами, щербатый, с гнилыми зубами рот и мокрые, словно из-под дождя, волосы, вызвали во мне отвращение... Я резко столкнула потную руку со своего плеча. Другие мужчины засмеялись:

— Да она строптивая! Обожаю таких, ну что, Арчи, разделим её на всех?

Странно, но мой рыцарь молчал, словно чего-то выжидая. Я присмотрелась и замерла от ужаса — с двух сторон в него упирались тёмные кинжалы. Колебаний не было: слова сами слетали с языка, но внезапно в голове раздался голос Арчи:

— Прекрати немедленно, Франни, каждое слово заклинания — это сигнал братьям, что ты здесь — сам с ними справлюсь.

Я замолчала, но сердце билось о грудную клетку, стремясь вырваться и броситься ему на помощь. Внезапно в зале потемнело, все свечи и фонари разом погасли и из середины нашего стола вырвались разноцветные искры. Они поднялись до самого потолка, превращаясь в удивительных, переливающихся радугой птиц, и разлетелись по залу, вызвав восхищённые крики публики.

Кто-то завопил:

— Давай ещё, Фокусник! — и в ответ на это по стенам трактира побежали белки и зайцы, на ходу превращаясь в лис и волков. Народ уже восторженно ревел, представление продолжалось. Я почувствовала горячую руку Арчи в своей ладони, снова услышав его шёпот в голове:

— Скорее, Дора ждёт нас у порога...

Для меня всё смешалось в разноцветную мелькающую картину, от которой кружилась голова. Ноги бежали за Арчи, постоянно на что-то натываясь, в ушах стоял шум и хлопки, словно взрывались всё новые и новые «шутихи», и когда, задыхаясь, прохрипела:

— Всё, больше не могу, — дверь, наконец, распахнулась, и мы оказались во дворе. Жадно глотала открытым ртом свежий ночной воздух, остудивший разгорячённые лёгкие, но свободнее дышать почему-то не стало.

— Что так долго, ребята? — недовольно проворчала Дора, — бегите за мной. Ох Фокусник, страшно подумать, что сейчас начнётся, когда вспыхнет свет, и все увидят три трупа за столом. Беда с тобой, Арчи... Скорее сюда, я открыла сарай, забирайтесь внутрь. Придётся запереть вас на замок, утром открою, — с этими словами она втолкнула нас в небольшое, тесное и очень пыльное помещение, где даже не было окон, и ушла, переваливаясь, как утка.

— Не вздумай применять магию, я уже чувствую, *они* близко, — срывающимся тихим голосом сказал Арчи, — сам обо всём позабочусь, такое дело.

Я даже не удивилась, когда под потолком закружили знакомые мотыльки, и волшебной свирели на этот раз не понадобилось. Света они давали мало, но его вполне хватило, чтобы рассмотреть старую кровать с накиданными на неё тюками и коробками. Арчи понял меня без слов, сбрасывая их на пол и помогая устроиться поудобнее. Перепуганная «прекрасная дама» свернулась калачиком и плакала, уткнувшись лицом в рукав костюма и чувствуя, как рыцарь закрывает меня множеством одеял и каких-то тряпок.

— Довольно, остановись — задохнусь же под ними, — я пыталась отбиваться, но Арчи с каким-то остервенением продолжал накидывать сверху вещи. В какой-то момент даже показалось, что он сошёл с ума, решив меня здесь похоронить.

Но Фокусник и сам пролез внутрь, забравшись с ногами на кровать, и поставил между нами стул, образовав что-то наподобие тряпичной пещеры.

— Во-первых, так будет теплее, попробуй уснуть, если сможешь. Во-вторых, в этом маленьком пространстве я постараюсь замаскировать нас своей... ну, назовём это «особенной магией». То, что те, *кто нас ищут*, придут сюда, сомнений нет, такое дело. Надеюсь, они нас не почувствуют, в любом случае, веди себя тихо.

Я перестала плакать, внимательно прислушиваясь к его словам.

— Магия? Эти твои *странные способности* — тоже магия? — шептала я.

— Если хочешь, можешь *это* так называть. Понимаешь, я не знаю заклинаний и никогда не учился ничему подобному. Однажды, ещё в детстве, был грех: украл у книжника рукопись, думал, сам смогу в ней разобраться. Но там были слова на непонятном языке, и в результате эта книга так и лежит бесполезным грузом в моём мешке.

— Но твои способности удивительно похожи на «природную» магию, мне о ней рассказывал учитель. Её практикуют где-то очень далеко, она — редкое, почти неизученное явление.

— Может, и так — к сожалению, спросить не у кого. Я уже говорил тебе, что, вероятнее всего, родом из Королевства пожирателей Чёрной Луны. Кто-то вывез меня оттуда через пустоши и бросил в горах, на дороге, в довольно безопасном месте у человеческого поселения. Значит, хотел, чтобы я выжил. Как знать, может, родители были природными магами и учили сына этой науке — ничего об этом не помню. Способности проявлялись с детства постепенно, и со временем, наверняка, я ещё многое смогу...

Вдруг он замолчал, и я замерла, почувствовав, что сейчас нам грозит опасность. Арчи шепнул:

— Сиди тихо, что бы ни происходило.

Раздался удар металла о металл, и дверь закричала. Даже под кучей одеял меня

коснулся поток холодного воздуха — кто-то сломал повешенный Дорой замок. Ледяной голос Дона спросил:

— Марк, ты их чувствуешь?

— Нет, Донни, но то, что сидит внутри, кричит:

— Франни близко!

— И что нам делать, брат, мой демон требует, чтобы я всё тут сжёг...

— Нет, Донни, надо сопротивляться, мы и так натворили дел: наши грехи растут, и я не знаю, как теперь их искупить.

Я слышала тяжёлое дыхание Дона и его стон:

— Ладно, попробуем ещё потянуть время, но с каждым днём я становлюсь слабее, а эта тварь внутри растёт. Она уже управляет моими словами и руками, мы обречены, Марк. Когда же Франни решится и прикончит нас обоих?

Они вышли наружу, хлопнув дверью, а я заплакала, закрыв рот руками. Арчи не утешал, видимо, не зная, что сказать. Его голос пришёл ко мне не сразу, словно издалека, и был полон раскаяния:

— Прости, Франни, кажется, я был не прав насчёт ребят. Они борются, как могут, но силы не равны. Обещаю, больше не скажу о них плохого слова. Чтобы ни происходило, это вина тех, кто управляет их разумом и телами. Мальчишки — такие же жертвы, как и мы с тобой.

Я кивала, продолжая беззвучно рыдать. Арчи вылез из «убежища» и прикрыл дверь, чтобы не было так холодно, ведь именно в эту ночь на землю пришли первые заморозки. Тело сотрясало то ли от холода, то ли слёз, но никто не обнял и не согрел меня. И вдруг мой рыцарь негромко запел. Его голос, красивый и нежный, переливался и звенел, и, даже не понимая слов, я догадалась, что так может звучать только колыбельная песня. Поток слёз постепенно прекратился, и, незаметно согревшись, бедная Франни уснула.

Не знаю, сколько длилось это забытьё, но как только глаза открылись, сердце снова наполнилось тревогой. Кое-как выбравшись из тряпичной кучи, увидела, что через щель в двери пробивается предрассветный сумрак. Арчи рядом не было, и потому я решила выбраться наружу.

Он сидел у распростёртого на земле тела Доры. Меч застрял в её большом чреве, пришив к земле, словно бабочку булавкой к листу бумаги. Глаза женщины были широко и удивлённо открыты, руками она держалась за меч, словно до самого конца пыталась вытолкнуть его из себя и спасти своё не рождённое дитя. Кровь на её ладонях, как и на приоткрытых губах уже запеклась и почернела.

Арчи стоял перед ней на коленях и, закрыв лицо руками, раскачивался из стороны в сторону. Услышав мои шаги, он быстро встал. Я никогда ещё не видела такого бледного и несчастного лица, его голос срывался:

— Быстро идём в конюшню за Громом, надо успеть на рыночную площадь до отхода каравана. Попробуем уговорить Хозяина взять нас с собой. Приготовь деньги и драгоценности. Давай же поторопимся, Франни, такое дело...

Я пыталась бормотать:

— Как же это могло случиться? — но рыцарь потащил меня за руку, пока я то и дело оглядывалась на мёртвую Дору. Скоро мы были в конюшне и через несколько минут уже двигались в нужном направлении. И хотя Арчи ни словом не обмолвился о смерти Доры, оба знали, *кто* в этом виноват. Очередная потеря человеческой жизни легла ещё одним

непосильным грузом на мою совесть, а ведь всё началось с благородного решения спасти тех, кого любила...

Фокусник быстро привёл нас к месту сбора каравана. Там уже никто не спал: люди суетливо бродили, поправляя сбрую осёдланных лошадей, проверяя запасы в дорогу и переругиваясь между собой. Я сразу вычислила Хозяина — темнобородый, разбойничьего вида ещё нестарый мужчина с кнутом в руке, молча, с мрачным видом ходил вдоль каравана и морщился, словно всё, что он видел, совершенно ему не нравилось.

Он подошёл к группе вооружённых людей и начал о чём-то с ними шептаться, указывая рукоятью плётки на собирающихся в дорогу путников. И мысль, что он замышляет с помощью охраны избавиться от «обузы», прочно застряла у меня в голове.

— Арчи, мне кажется, Хозяин каравана — обыкновенный бандит, не уверена, стоит ли нам с ним связываться... — но ответа не последовало, и, к своему ужасу, я увидела Фокусника, приближающегося к группе заговорщиков. Охранники тут же разошлись в стороны, а Караванщик с интересом посмотрел на моего рыцаря.

Они поприветствовали друг друга, и через некоторое время Арчи махнул рукой, чтобы я к ним приблизилась. Ноги словно обмотала тяжёлая цепь, так не хотелось идти, но делать было нечего, и пришлось встать рядом с другом. Цепкий взгляд Хозяина мгновенно оценил меня, и его недобрый грубый голос произнёс:

— Возьму обоих, но при условии, что отдашь девчонку. И не спорь, другого варианта у тебя нет, Фокусник. Тем более, слышал, вас обоих разыскивают. Соглашайся, любовницу ты себе найдёшь, а без каравана вам через пустоши не пройти. Я и так делаю тебе одолжение, — и он приподнял моё лицо своей плёткой.

Сердце ушло в пятки, а грудь сдавил тяжёлый камень, — так мне стало плохо, хотя для взбешённой магии ничего не стоило разметать на кусочки этого негодяя и его охрану. Сейчас важен был лишь ответ Арчи. Тот смерил Караванщика презрительным взглядом, процедив:

— Меня твоё предложение не устраивает. Мы уходим, но запомни — пусть и не сейчас, но ты ответишь за каждое своё мерзкое слово. Пойдём отсюда, малышка...

Я снова могла дышать, но это продлилось лишь мгновение. Караванщик зло засмеялся нам вслед:

— Смотри не просчитайся, жалкий урод! Я тебя не боюсь, сам скоро приползёшь ко мне просить о помощи...

Но не эти слова выбили воздух из лёгких: среди вроде бы мирно болтающей охраны я без труда узнала статные фигуры Дона и Марка. Старший из братьев лишь на мгновение повернулся в нашу сторону и подмигнул мне. Его глаза снова были полны дьявольского огня...

Арчи остановился в переулке, развернув меня к себе, и сказал так, будто ничего страшного не случилось:

— Итак, поход с караваном нам не светит, да, честно говоря, оно и к лучшему. Караванщик явно замышляет избавиться от своих попутчиков, и как можно скорее. Наверняка убьёт и обчистит до нитки. Какие будут предложения?

Я вздохнула:

— Всё равно не пошла бы с ними — Марк и Дон среди охранников...

Арчи нахмурился:

— Ты уверена? Примерно так я и думал, остаётся только одно...

— Что же нам делать? — мне стало стыдно за то, как безнадежно и отчаянно прозвучал этот вопрос.

— Такое дело, — усмехнулся рыцарь, — придётся или вернуться в лес, или совершить невозможное: пересечь пустошь вдвоём. Что выбирает прекрасная дама?

«Прекрасная дама» испуганно помолчала и, наконец, решилась сказать:

— Знаешь, раньше бы Франни предпочла отсидеться в подвале или лесу, но не теперь. Пойдём сами, я доверяю тебе, Арчи — дело, конечно, безнадежное, но давай рискнём или погибнем. Во всяком случае, буду сражаться до конца — не хочу вечно бегать от судьбы...

Арчи внезапно обнял меня, прижав к себе, но, опомнившись, быстро отпустил — вот как я его запугала:

— Хорошо, что думаем одинаково, ведь мы друзья, правда?

Я кивнула.

— Франни, предлагаю купить повозку и двух коней. Зная, как ты любишь Грома, давай оставим его у одной моей знакомой. Заплатим ей за постой и заберём на обратном пути. Согласна?

Я снова кивнула, обняв и погладив Грома на прощанье. Он словно почувствовал предстоящую разлуку и жалобно заржал.

— Вот и правильно, в дороге может случиться всякое. От меня не отходи, сейчас откроется рынок — запасёмся всем необходимым, в том числе оружием, лекарствами и сменной одеждой. Я знаю, где набрать воды в дорогу, а караван пусть себе идёт. Двинемся по его следам, он не удалится от нас больше, чем на полдня пути. Итак, вперёд?

— Вперёд, отважный рыцарь, твоя глупая «прекрасная дама» готова вступить в сражение хоть с самим дьяволом, так меня всё достало...

Первым делом оставили Грома в доме какой-то очень подозрительной бабули, вцепившейся в Арчи, словно они были старые знакомые, и не хотевшей нас отпускать, пока досыта не накормила. Еле ушли. Честно говоря, я была настолько взволнована предстоящим походом в неизвестность, что почти ничего не запомнила, всё плыло словно в тумане. Даже мелькнула мысль, что это загадочный друг снова применил «природную» магию, отвлекая меня от старушки. Впрочем, зачем бы ему это понадобилось?

В течение нескольких часов собрались в путь, в безумное путешествие вдвоём, на которое до нас никто ещё не решался. Сумасшедшая парочка самоубийц — так теперь мы себя называли, и, поверьте, в этом не было ничего смешного.

Сидя на облучке повозки рядом с Арчи, я последний раз оглянулась на город, и мы двинулись вперёд, навстречу своей судьбе.

Не скажу, что было страшно — скорее, напала апатия как у приговорённого к смертной казни. Арчи я, конечно, наговорила, что буду решительно биться до конца... Ну да. А теперь обречённо глотала пыль, не представляя, сколько часов, а, может, и минут осталось это делать, прежде чем какая-нибудь тварюга набросится и разорвёт меня в клочья.

У напарника был сосредоточенный вид, во всяком случае, жизнерадостным я бы его точно не назвала.

— Арчи, расскажи о пустоши и его обитателях, а то моя голова...

— Понял, Франни, надо отвлечься, но тема, что ты затронула, для этого не самая приятная. Может, лучше сказку?

Я выругалась так, что мой друг невольно засмеялся.

— За ребёнка меня считаешь? Может, Франни и наивная, но далеко не дурочка. Говори, что тебе известно. Надо хоть как-то подготовиться...

Арчи перестал смеяться и тихо произнёс:

— Прости, дело в том, что *подготовиться* к нападению практически невозможно. Свидетелей нет, а те, кто выжили, предпочитают помалкивать. Всё, что известно, основано на непроверенных слухах, а я им особенно не доверяю. Мы ведь уже с парочкой монстров сталкивались, и ты убедилась, что способна сжечь их магическим огнём. Это даёт нам надежду.

Я промолчала, тогда Фокусник достал два платка и, свернув их наискосок, протянул один мне:

— Завяжи рот и нос, а то скоро начнёшь задыхаться, это ещё хорошо, что ветра совсем нет, иначе пришлось бы совсем плохо — и дышать стало бы тяжелей, и видимость ухудшилась.

Осмотрелась вокруг: неприятное место, где среди множества камней, от маленьких до гигантов, застывших вдоль пустоши неровными столбами, сгорбились чахлые деревца. И убегающая вперёд дорога с пока ещё хорошо заметными следами от колёс повозок и копыт лошадей. Тоскливый пейзаж. Хотелось добавить — «страшный», но я решила не думать об этом.

— Арчи, в трактирах и на рынках, где вы выступали, ходили какие-то слухи. Что-то известно о монстрах, например, как они себя ведут?

Он вздохнул, повязывая косынку на лицо:

— В народе говорят всякую ерунду: что это не монстры, а люди, выжившие в этих местах, просто их так изменили пустоши. Есть тут и обыкновенные зверюшки — змеи и ящерицы больших размеров. Нападают на всё, что движется. Теперь ты знаешь столько же, сколько и я.

Невольно задумалась — неужели чудовища когда-то были людьми? Невозможно поверить, и, всё же, вдруг в них осталось что-то человеческое, и они — стражи этих неприступных земель? Жить здесь тяжело, вот им и приходится совершать набеги на леса.

— Послушай, рыцарь, как думаешь, у них есть семьи, дети?

Арчи посмотрел на меня так, словно я выпила кувшинчик вина, купленный им в дорогу.

— Ну и мечтательница ты, прекрасная дама... Фантазёрка, такое дело, какие ещё *дети*? Это чудовища, и они погубили множество людей. Ты же сама борешься с нечистью, или уже

забыла об этом?

Я не видела его губ под узорным платком, но понимала, что они усмеваются. Однако сердиться не стала: в этом путешествии нам нельзя было ссориться, хотя, несмотря ни на что, продолжала гнуть свою линию:

— Можешь издеваться, сколько хочешь, но в любых, даже глупых разговорах всегда есть доля истины. Мне кажется, это *особенные земли*. Что-то необычное присутствует и в здешнем воздухе, и почве. Да и в камнях, которыми усеяно всё вокруг. А что, если местные обитатели живут *под землёй*, и вот эти нагромождения булыжников означают, что рядом чей-то дом?

Арчи посмотрел на меня, и его глаза стали очень серьёзными:

— Тогда, Франни, я нам с тобой не завидую: только взгляни, сколько тут этого добра, и если под каждым в норе — по монстру... такое дело.

Честно говоря, и сама испугалась: а вдруг моя догадка окажется верной? Интересно, когда они выходят из своих убежищ — по ночам или...

— Арчи? Ночью мы тоже будем ехать или сделаем привал?

Фокусник хмыкнул:

— Если к тому времени останемся в живых, то, скорее всего, будем драться с превосходящими силами противника.

Мне не понравилась грустная ирония в его голосе, и, прочистив горло, с серьёзным видом сказала:

— Тогда почему мы болтаем, а не готовимся к сражению? Давай, я попробую вызвать огонь, — и быстро пробормотала привычное заклинание. Эффекта не было. Пришлось повторить его несколько раз, чтобы убедиться наверняка — заклинание *бесполезно*.

Арчи не скрывал ужаса, глядя на мои безуспешные попытки вызвать огонь, ветер, свет, даже передвинуть маленькое пёрышко на ладони. Складывалось впечатление, что все магические способности разом улетучились.

— Какой же я болван, и почему сразу об этом не подумал? Ты была тысячу раз права, Франни, говоря об *особенности* этой земли. Магия здесь не работает. Будь твой рыцарь немного наблюдательней, догадался бы об этом ещё на площади у каравана. Среди охраны *не было магов*, только стрелки и мечники. Твоих «ребят» я не считаю — они прибились к каравану не для того, чтобы защищать путников, а по другой причине... Караванщик наверняка знал о бесполезности магов, иначе нанял бы, прежде всего, их. Что же нам делать?

Я первый раз видела друга в таком отчаянии, но, даже смирившись со своей бесполезностью в маленьком отряде, продолжала его подбадривать:

— Раз у меня ничего не получается, то у природного мага наверняка всё будет иначе. Видно, в Королевстве живут и правят именно они, а иначе монстры давно бы захватили горы. Значит, твоё волшебство просто *обязано работать*. И нечего киснуть, попробуй для начала зажечь огонь прямо на дороге.

Арчи покорно кивнул, сосредоточился, и... у него ничего не получилось.

— Франни, я никогда не применял для этого магию и просто не знаю, что надо делать, — он был таким несчастным, что захотелось его обнять и утешить. Но делать этого не стала, а повела себя как настоящая учительница:

— Попробуй представить огонь и позови его на своём родном языке, можно мысленно. Ты это умеешь, я же знаю. В крайнем случае, используй свирель — главное, не теряй время,

а действуй.

От моих слов он почему-то покраснел и, придерживая коней, стал смотреть на дорогу. Я тоже уставилась на пыльный, усыпанный каменной крошкой тракт. Сначала ничего не получалось, потом мелькнул маленький огонёк, а за ним вдруг выросла высокая стена пламени, так что лошади заржали и встали на дыбы, чуть не сбросив нас на эту негостеприимную землю.

— Ого, вот это фокус, а притворялся, что не умеешь, — я смеялась, вцепившись в Арчи, чтобы не упасть, пока он успокаивал коней.

Может быть, это прозвучало слишком громко и ненатурально, но мой рыцарь даже не улыбнулся в ответ. Тяжело было смотреть на него *такого* — неуверенного в своих силах, но я не знала, как ещё помочь.

Стараясь не подавать вида, что схожу с ума от волнения, продолжила свой «урок»:

— А теперь попробуй создать вихрь, но будь осторожен, а то он подхватит повозку и разобьёт о камни, — после этих слов Арчи посмотрел на меня как-то странно.

Понимая, что на поддержку это походило мало, снова улыбнулась как дурочка:

— Да это шутка, рыцарь, всё у тебя получится...

Он снова сосредоточился и с восхищением, словно не веря себе, наблюдал, как закручивается маленький вихрь, разрастаясь всё больше и больше, а потом исчезает по его приказу, рассыпавшись вдоль дороги.

Я захлопала в ладоши, мечтательно пробормотав:

— Вот бы, как в сказке, перенестись к горам, раз — и готово...

Арчи погладил мои волосы:

— К сожалению, Франни, это мне не по зубам.

— Да уж, знай я такое заклинание, на одну проблему стало бы меньше. Допустим, мы преодолели эти пустоши со всеми их страшными жителями... А дальше? Маялись бы в горах... Там же наверняка полно ловушек?

— Не знаю, не помню... Ох, чёрт! Придержи коней, прекрасная дама. Видишь, там, у горизонта в небе кружат вороны. Им что пустоши, что другие земли, всё одно — была бы падаль, и я боюсь — это наш караванчик с охраной постарались.

У меня сразу похолодела спина. Арчи задумчиво грыз губу, и от этого по его гладкому подбородку уже текла тонкая струйка крови, от которой я почему-то не могла оторвать глаз. С некоторых пор вид этой красной жидкости уже не вызывал у меня привычных рвотных позывов, скорее, наоборот, привлекал внимание, и это было *непонятно*. Стоило бы поговорить о происходящем с другом, но всё время что-то отвлекало, находились более важные дела...

— Ладно, нечего стоять, давай убедимся в правдивости моего предположения. В повозке есть луки, выбери себе подходящий, вдруг придётся отгонять птиц. Кто знает, как они себя поведут.

Так я и сделала, нырнув внутрь, и почувствовала, что наша колымага задвигалась быстрее. Когда же вылезла наружу, мы настолько приблизились к месту убийства, что легко различали лежащие в разных позах трупы несчастных, а, вернее сказать, легковерных, жаждавших быстрой наживы людей. Чёрные птицы уже облепили их, занятые добычей, и только один, самый большой ворон повернул голову в нашу сторону, слегка наклонив её на бок и недобро провожая повозку взглядом.

Я вцепилась в руку Арчи, погонявшего коней:

— Неужели не остановимся и не проверим — вдруг среди *них* есть раненые?

Лицо друга скривилось, как от зубной боли:

— Мы с тобой не на поле битвы, а на месте *бойни*. Бандиты не оставляют живых. Я уже присмотрелся к ним — перерезанное горло или раны, нанесённые мечом в сердце. Профессионалы, вероятно, бывшие наёмники, а коней с поклажей взяли себе, не дураки...

Он немного помолчал, кивнув куда-то в сторону:

— Надо поторапливаться, смотри, какие большие то ли ящерицы, то ли, сам не знаю кто, ползут сюда. Таким наши кони — на один укус, отсюда видно, что зубы у них огромные, и мощные хвосты. Не хочу с ними встречаться, а ты?

Я испуганно помотала головой, с ужасом глядя на приближающихся к месту трагедии крупных серых животных с вытянутыми мордами и обманчиво медлительными короткими лапами. Их огромные спинные гребни воинственно топорщились. Завидев этих чудовищ, стая воронов с противным карканьем поднялась в воздух и полетела вперёд вдоль дороги, словно чувствуя, что скоро получит другую, не менее аппетитную поживу.

А наша повозка, колыхаясь и гроыхая колёсами, поднимая за собой тучу пыли, мчалась подальше от уже начавшейся битвы неизвестных животных за право обладания добычей, ещё совсем недавно бывшей людьми...

Увиденное потрясло меня до глубины души, только теперь я по-настоящему поняла, в каком страшном месте оказалась, и тихонько всхлипывала, размазывая слёзы. Арчи же, сосредоточенно всматриваясь вперёд, не нашёл даже слов утешения, и от этого становилось ещё тоскливее.

— Арчи, это ведь ужасно — люди погибли, и некому их даже похоронить.

— Не плачь, Франни, эти твари позаботятся о покойных...

Я надулась:

— Фу, как грубо.

Голос Фокусника звучал непривычно строго, и в то же время — насмешливо:

— Сейчас мы должны думать только о себе. Пусть с твоей точки зрения это и жестоко, но по-другому нам не выжить, — он задумался, — солнце движется к горизонту, а мы до сих пор почему-то не встретили ни одного монстра. Честно говоря, это настораживает. Здесь быстро темнеет, мы не сможем двигаться ночью: ты сейчас не способна освещать дорогу, а если я все силы брошу на «свет», к сражению уже не смогу и ветку поджечь.

— У нас в повозке много факелов, давай закрепим их здесь и попробуем двигаться дальше, — предложила я довольно сомнительное решение.

— Ты уверена, что тебе хватит сил вести коней в полной мгле без отдыха всю ночь? За факелами надо постоянно следить, иначе сами сгорим, к тому же придётся всё время смотреть по сторонам — на расстоянии двух шагов — мрак, и кто знает, с какой стороны выскочат враги? В данном случае, я имею ввиду не только монстров — твои «мальчики» могут быть где-то поблизости.

— Хорошо, ты меня убедил. А что сам предлагаешь — остаться на дороге? Я даже охранное заклинание поставить не могу, к нам в темноте может подкрасться любой бандит, уж не говорю о *здесьних обитателях*.

У Арчи заблестели глаза. Приблизив своё лицо почти вплотную к моему, он прошептал:

— Ты не забыла, кто я? Знаменитый Фокусник, и у меня лучше всего получаются иллюзии. Мы заберёмся в повозку, предварительно накрыв лошадей одеялами, и «исчезнем». Как? Это мой фокус и секрет, но обещаю, что ни чудища, ни твои молодые злые дружки не

почувствуют нас. Иллюзия продержится до утра и растает с первыми лучами солнца. Ну, согласна мне довериться?

Я сглотнула, отодвинувшись от слишком уж аппетитных губ Арчи, к тому же испачканных в его крови. Они так притягивали меня, что еле сдерживалась, и это несмотря на то, что за любым камнем нас мог подстергать неприятный сюрприз. Что со мной творилось?

— А разве есть выбор? — процедила в ответ.

И рыцарь, коснувшись пальцами моих губ, прошептал:

— Никакого.

Я легонько щёлкнула его по лбу, чтобы не забывался, и с нахальной улыбкой любовалась его растерянным лицом. Тоже мне, соблазнитель...

Посмеявшись над потиравшим лоб Фокусником, залезла в фургон и прилегла на одеяло. Пусть сам себе помогает, великий и несравненный. Расхвастался он, подумашь! В душе мне было стыдно, но я успокаивала себя, что накрыть коней одеялами — не такая уж трудная работа. Назвался рыцарем, пусть теперь отдувается...

Потом в голову полезли мысли: что это за фокусы такие, чтобы обмануть животное и человека иллюзией? Да любая белка почувствует чужака, не то, что монстр. И, разволновавшись, встала, чтобы выйти к Арчи и расспросить его поподробнее, но он сам зашёл в повозку, плотно закрыв полог и укрепив его, шепча непонятные слова.

— Ты уверен, что иллюзия сработает? — спросила друга, усаживающегося у противоположной стены.

При свете небольшой масляной лампы я, наконец, заметила, насколько он устал. Мне даже показалось, что морщинка между бровями стала глубже. Арчи пожал плечами и, закрыв глаза, прошептал так, словно на большее у него уже не было сил:

— Вот и посмотрим, что получится. Ты права, Франни, выбора-то у нас всё равно нет. Попробуй поспать, надо экономить силы, такое дело.

К слову, это было не лучшее утешение. Я прикрыла глаза и приготовилась к худшему: то есть, мысленно попрощалась с родными и ненавидящими меня братьями...

Это была одна из самых страшных ночей в моей жизни. Прошло всего несколько минут, как Арчи задремал, и я услышала рядом с повозкой тяжёлые шаги. Что-то или кто-то бродил совсем близко, издавая ворчащие звуки, а потом совсем по-человечески засвистел. Я сообразила, что *она* зовёт своих на помощь. И *они* пришли, судя по тому, насколько прибавилось топота, хрипов и повизгиваний.

Будить Арчи, отдавшего все силы для нашей защиты, чтобы доказывать ему свою правоту, я не стала: мне представлялось, что там, снаружи, бродит целое семейство. Папа — ворчит баском, мама — словно жалуется ему на неудачную охоту, а детишки жалобно ноют, требуя еды.

Конечно, это были только мои фантазии, и я постаралась как можно быстрее выбросить всё из головы, тем более, что едой, скорее всего, должны были стать мы с другом. Голоса, шуршание и топот продолжались ещё некоторое время, а потом стали удаляться.

— Ай да Арчи! Вот молодец — справился, — радовалась я, вытирая косынкой мокрое от пота лицо, но дальнейшие события показали, что не следовало торопиться с выводами. Пока наши незваные гости, шумно переговариваясь, удалялись от повозки, появился кое-кто другой. Об этом я догадалась по яростным вскрикам «папочки», горестным вздохам «мамаши» и перепуганному лепету «детешек».

Я вся обратилась в слух. Шипение, потрескивание и сухой шуршащий звук, словно что-то большое волокли по земле, сразу напомнили мне слова Арчи о водящихся здесь гигантских змеях. Буйное воображение тут же нарисовало огромную пасть, величиной с небольшой дом, ядовитыми клыками и чёрным раздвоенным языком.

Наверное, на самом деле всё выглядело иначе, но как именно — мне так и не суждено было узнать, что, конечно же, к лучшему. Бой был неравный и короткий. Судя по расстроенным всхлипываниям «мамаши» и поросячьему визгу детёнышей, семейство монстров в этот день лишилось одного из наследников.

Потому, как их ноги быстро затопали по щебню, я сообразила, что они предпочли ретироваться, пока гигантский змей заглатывал добычу, а потом медленно зашуршал прочь. Может, даже вдогонку за остальными, откуда мне знать. Стоило только представить, что это мы с другом стоим беззащитные и несчастные на дороге, а на нас надвигается клыкастая пасть, как нехитрый ужин тут же покинул желудок, переместившись в обнаруженный рядом горшок, видимо, заранее подготовленный предусмотрительным Арчи.

На этом ночные злключения не закончились: какое-то время я ловила в тишине малейший звук, казалось, от усердия даже уши вытянулись, но наступило «гнетущее безмолвие», как было написано в одном моём любимом романе. Но вот беда — жизнь оказалась далеко не так прекрасна, как я себе представляла, предаваясь мечтам в замке отца и бросая цветы бродящим под окнами влюблённым дурачкам — Дону и Марку...

А теперь, если бы только смогла, бросилась в них разве что камнем, выбрав побольше и потяжелее. Магию-то применять в пустошах мне было не дано, к счастью, и им тоже. Однако братья не расставались с мечами и луками, а я — с отцовским кинжалом. Купили мы с Арчи и нечто, что назвать *охотничьим луком* можно было с большой натяжкой: честно говоря, я вообще сомневалась, смогут ли эти развалюхи пустить стрелу в полёт.

Время тянулось медленно, нервы были на пределе, и, если бы внезапно раздался хоть малейший звук, наверное, даже Арчи подскочил от моего вопля. Но тишина никуда не делась, и я упала на постеленное старое одеяло, натянув сверху какое-то рваньё. При этом не переставала тихо уговаривать себя, что всё страшное уже позади, и ничего больше не случится. Так что самое лучшее — закрыть глаза, представив, что лежу в кровати в спальне замка, и постараться уснуть.

Глаза-то я закрыла, но тут что-то сначала несильно, а потом всё настойчивее забарабанило по дну повозки *с той стороны*. Кто-то выбирался из-под земли, и наша колымага явно мешала неведомому чудовищу сделать *это*. Когда трянуло в очередной раз, у меня прорезался голос, и весьма противный:

— Арчи! Просыпайся скорее, твоя замечательная иллюзия, кажется, *снизу не работает*, — и, видя, что моё жалобное блеяние не смогло разбудить Фокусника-обманщика, гаркнула ему над ухом, так что он не только открыл глаза, но и постарался спрятаться в противоположном углу, — проснись, зараза! Какая-то тварь лезет через пол, начихав на твою хваленую защиту...

Арчи вёл себя как-то странно — смотрел, широко раскрыв прекрасные глаза, и без конца что-то твердил на своём родном наречии. И хоть я неплохо разбиралась в простых разговорных фразах — *таких слов* не слышала никогда. По интонации догадалась, что он читает молитву. Вот те на! Ну уж если рыцарь испугался, то нам точно крышка...

Неожиданно он замолчал, удивлённо спросив:

— Это ты, что ли, Франни? Уф, сними с головы, что там себе накрутила, а то, такое дело, чуть со страха не умер!

Потрогав голову, я поняла, что рваньё, которым пыталась закрыться, почему-то запуталось у меня в волосах. Даже не представляю, как это выглядело со стороны при свете тусклой лампы, раз так напугало бесстрашного рыцаря. Но мои отчаянные попытки освободиться привели к обратному результату — всё ещё больше запуталось. А ненормальный Фокусник, схватившись за живот, расхохотался: нашёл время развлекаться, когда его прекрасной даме больно и стыдно одновременно...

— Прости, прости, детка... Это я спросонья не понял, что к чему, сейчас помогу тебе с волосами. И как ты умудрилась такое наворотить — решила запугать чудовищ, как меня?

Я раздосадовано ударила его по рукам, пытавшимся мне помочь, и надулась, но в этот момент повозку снова трянуло — снизу кто-то явно пытался протаранить днище. Смех

сразу прекратился, и Арчи удивлённо прошептал:

— Какого дьявола? Никто не знает секрет этой иллюзии, разве только... но это просто невозможно...

Он наклонился над полом, ударив в него, как мне показалось, условным стуком. Что ещё удивительнее, тряска сразу же прекратилась, и в днище робко постучали:

— Арчи-бездельник! Сними пару досок, мне надо выбраться из этой могилы. Тут снизу кто-то ползёт, и, боюсь, за мной. Да поторопись ты, Коротышка, это я, твой друг Фредди!

Эти слова подействовали на рыцаря словно магическое заклинание. Он быстро снял доски в центре и, крикнув:

— Посвети фонарём! — ругаясь, достал через них какого-то человека. Тот отряхнулся от налипшей земли и пыли, и, расчихавшись, как простуженные собаки, двое ненормальных бросились обниматься, словно не виделись тысячу лет.

Впрочем, продолжалось это недолго: я и не поняла, как в руках у Арчи появился один из его метательных ножей, прижавшись к горлу грязного, лохматого друга.

— Какая встреча, Фредди... Долго меня выслеживал, и кто на этот раз тебя нанял? Надс же, как ты любишь деньги, что даже не побоялся сунуться в пасть самому дьяволу...

— Вот ведь бешеный Коротышка, не даром тебя так прозвали. Сто лет не виделись, а ты сразу пытаешься прикончить. Убери нож и остынь, мне и так деваться некуда... Ой, а это кто? Доконать решил, с чудищем подружился? — и Фредди испуганно показал на меня пальцем.

Арчи убрал нож и ухмыльнулся:

— Думай, что говоришь, мелкий воришка. За то, что оскорбляешь мою прекрасную даму, не то что ножом, голыми руками придушу, — но, краснея от этих слов, я видела, что его глаза весело сияют, и быстро попыталась спрятаться под одеялом.

— Франни, тут в углу за кувшинами есть зеркало, оно поможет тебе поправить причёску, а мы пока поговорим со *старым другом*. Он какое-то время учился со мной у Фокусника, да я тебе про него рассказывал, — голос Арчи звучал успокаивающе.

Я уже и без его слов догадалась об этом. Так вот кого мне приходилось изображать, напялив на голову жёсткий, похожий на солому парик. Если подумать, то Арчи прекрасно тогда меня загримировал. Настоящий Фредди и вправду напоминал повзрослевшего конопатого мальчишку. Я нашла зеркало и, примостившись перед ним, стала осторожно распутывать «воронье гнездо» на голове, прислушиваясь к разговору двух цирковых друзей.

— Не тяни, Фредди, а то я, пожалуй, выкину вруна назад в яму, из которой ты так внезапно появился, — Арчи налил обоим вина из кувшина. Голос звучал шутливо, но лицо было очень серьёзным.

Фредди залпом выпил вино и вытер дрожащие губы ладонью:

— Не запугивай, Арчи, итак всё тебе расскажу, чес-слово. Что бы там на меня не наплели — ни разу тебя не предавал и сейчас не собираюсь. Ты же знаешь мою слабость — если за столом идёт игра, не встану, пока или не сорву банк, или не проиграюсь вчистую. Совсем недавно угораздило связаться с одним жуликом, а в результате — продул ему все деньги, что скопил.

Арчи неторопливо потягивал вино, недоверчиво покачивая головой:

— И кто же этот мерзавец, посмевавший обыграть *самого Шута*? — ехидный голос моего друга словно говорил:

— Ври, но знай меру.

Фредди шмыгнул носом и потупился:

— Мой бывший Хозяин, от которого я вовремя сбежал...

Арчи чуть не подавился от возмущения:

— Ты с ума сошёл, Шут? Сел играть в карты с самим Хозяином труппы? Не понимаю тебя, прекрасно же знаешь, кто он такой...

Между ними повисло неловкое молчание, а у меня даже замерла рука, распутывавшая нечёсанные космы, в которые превратились некогда прекрасные шелковистые волосы. Наконец, Арчи поторопил друга:

— И как ты выкрутился на этот раз?

— Как обычно — сбежал, прихватив кассу мелкого ростовщика. Правда, все деньги пришлось отдать Хозяину каравана, отправлявшемуся в пустоши, чтобы он взял меня с собой. Представляешь, в каком я был отчаянии, что решился на подобное, — и он подставил кружку за новой порцией вина.

Арчи тут же наполнил её, но я заметила, как нахмурились его брови, значит, что-то в рассказе Фредди было не так. Наконец, рыцарь вздохнул, напрямую спросив старого приятеля:

— Я столько лет слушал твои байки, друг. Что тебе на самом деле надо, Фредди, не забыл, что врать мне — бесполезная затея?

— Возьми меня с собой, Арчи, здесь я пропаду.

— Серьёзно? А может, снова как-нибудь выкрутишься? Ты же такой ловкий парень. Кстати, как тебе удалось избежать расправы Караванщика?

Фредди заёрзал:

— Я же хитрый — сразу всё понял, знаешь, какой из меня получился бы лазутчик? Увёл коня и сбежал, правда, вскоре эта проклятая животина споткнулась, сбросив меня на камни. Всё тело в синяках. Счастье, что прямо у дороги нашёл яму и сумел в ней спрятаться. Там было куча костей, хорошо хоть сухих и старых, в них и закопался. А что тут ночью творилось — жуть, я чуть не обделался, — он принюхался, — кажется, всё-таки...

Я не выдержала и засмеялась, Арчи тоже:

— Вот видишь, Франни, какой он *комик*, Шут гороховый, сочиняет прямо на ходу. А ведь мог бы стать отличным фокусником, если бы не сбежал от нашего Учителя. Но он предпочёл бездельничать и скалить зубы, развлекаая публику.

— Ты ко мне несправедлив, Арчи! Я и стал фокусником, *в своём роде*.

Рыцарь вдруг разозлился, сжав кулаки:

— Не заговаривай зубы, Шут... Возьму тебя с собой только при одном условии: если перестанешь привирать и расскажешь правду. И хоть ты по-прежнему мой друг, то есть, я хотел сказать — *пока ещё друг* — долго терпеть выкрутасы не стану. Выкладывай всё начистоту, иначе Шута Фредди ждёт малоприятная встреча со здешними обитателями, такое дело...

Фредди недолго колебался, и его улыбающаяся физиономия, словно созданная, чтобы веселить всех, стала совсем другой — серьёзной и сосредоточенной:

— Ты как всегда не ошибся, мой друг. Не всё, что я рассказал, правда, но и лжи тут почти не было. Дело в том, что твой отец, Франни, послал меня разыскать и вернуть домой единственную дочь. Он боялся, что два небезызвестных *молодых человека* причинят тебе вред.

Я была готова услышать что угодно, но только *не это*, и потому растерялась:

— Отец... откуда ты его знаешь?

— Давно, милая Франни, — голос Шута звучал печально, — когда я был совсем мальчишкой, жил, а, вернее, выживал, побираясь с нищими и попрошайничая у богатых господ. Фредди был одиноким, но хорошим ребёнком и не думал красть. У одного «приличного» на вид типа при мне на дорожку упал кошель. И, надеясь, что он вознаградит за честность, маленький идиот вернул ему деньги.

Внезапно Шут замолчал, его лицо словно потеряло все свои краски. Мне стало его жаль, но Арчи жёстко сказал:

— Продолжай.

— Именно тогда маленький Фредди впервые узнал, что такое человеческая подлость. Хозяин кошелька схватил меня за руку и начал орать, что я его ограбил, и вора надо вздёрнуть. Толпа окружила нас, и, несмотря на то, что я упирался, как мог, меня куда-то потащили с криками:

— Прикончим негодяя... Сами повесим его на ближайшем суку!

Я плакал, умоляя не трогать, ведь сказал чистую правду, но всем было наплевать.

Он смотрел на нас, не скрывая слёз:

— Мне было всего-то десять лет, и только один человек вступился за ребёнка — твой отец, Франни. Он вырвал обречённого у избивающей его толпы, пригрозив превратить всех в мышей. Это подействовало. Маг был очень добр, сытно накормил бродяжку, пообещав взять к себе в дом, но... я почему-то испугался и сбежал. Мимо как раз проезжала труппа циркачей, в их фургон и заскочил. К счастью, в тот момент мне повезло столкнуться со стариком-Фокусником, не позволившим выкинуть ребёнка на улицу как бродячую собаку и впоследствии ставшим моим Учителем. Тогда же я познакомился с Арчи, и мы подружились, чес-слово.

Рыцарь кивнул, подтверждая слова Фредди.

Я смотрела на взлохмаченного чудака и не могла понять, почему он отказался от предложения отца:

— Фредди, не жалеешь о своём поступке: в нашем доме ты навсегда забыл бы о холоде и голоде?

В ответ он промолчал, и стало так неловко, словно я пыталась залезть к нему в душу. Как всегда, выручил Арчи:

— Ты раньше не рассказывал, что был знаком с отцом Франни. Мы же совсем недавно были в их замке, он, наверное, тебя даже не узнал, такое дело...

Фредди засмеялся:

— Ошибаешься, брат — *узнал*, более того, снова пытался уговорить меня остаться в замке. Станный человек, но *очень хороший*.

Может, мне и показалось, но последние слова Шут произнёс слишком уж иронично. И это было неприятно...

Арчи вдруг разволновался, подошёл к другу, сильно ударив его в плечо:

— Я слишком давно тебя знаю, в чём дело? Говори немедленно.

Фредди поморщился, потирая место удара:

— А ты всё такой-же, чуть что — сразу драться. Я, может, и люблю прихватить чужое, но никогда не забываю тех, кто был со мной *настолько добр*. И в этот раз отказавшись от щедрого предложения, оставил магу одного из своих почтовых голубей, чтобы он мог со мной связаться. Как чувствовал, что случится беда, и ему понадобится помощь такого

приходи, как я. Вскоре пришлось бежать к нему — Франни ушла из дома. Маг считает, что её друзья сильно изменились и отправились искать девочку не для того, чтобы вернуть домой, а... сами знаете.

Он обернулся ко мне, сказав как-то обречённо:

— Я дал ему слово найти тебя, а если понадобится — защитить, пусть даже ценой собственной жизни. Фредди, конечно, не герой, но и не трус. К тому же — не дурак. Я долго шёл за вами по пятам. Догадался, что, не договорившись с Караванщиком, вы с Арчи двинетесь следом. Сумасшедшее дело — *вдвоём пытаться пересечь пустоши*. А я, под стать вам, такой же ненормальный: в одиночку бросился навстречу старому другу. Возьмите меня с собой, ребята, может, и выйдет какая-никакая польза, чес-слово...

Он склонил голову... Я видела, что Фредди трясёт, и жалобно посмотрела на Арчи. Его лицо было задумчивым, но он практически сразу кивнул, крепко обняв старого друга:

— Хорошо, Шут, ради нашей дружбы я попробую поверить этому невероятному рассказу. Хотя не исключаю варианта, что тебе заплатили Дон и Марк. И не дай бог эти подозрения окажутся правдой — сам убью, такое дело.

Я вздрогнула от его, казалось, негромких и простых слов, но это, несомненно, была настоящая угроза, и Фредди сразу в неё поверил, потому что не просто побледнел, а позеленел от страха. Неужели Арчи способен наводить *такой ужас*? И снова мысль, что я совсем не знаю своего друга и попутчика, завязала мой желудок в тугой узел.

Что ж, оставалось разобраться с «маленьким пустяком»: как избежать встречи с монстрами, местной фауной, разбойниками и ненавидящими меня братьями? А также пересечь пустоши и благополучно попасть в горы, где, по слухам, нас поджидают ловушки, драгоценные камни, приносящие болезни и смерть, неизвестная ведьма и, наверняка, много других неприятностей. Что и говорить — та ещё перспектива...

Я задумалась, и гребень в моей руке ещё глубже увяз в спутанных космах. Попытка вытащить его оттуда закончилась плачевно — сначала раздался негромкий треск, а потом одна из половинок папиного подарка осталась в моей руке. Разозлившись, и, забыв о том, что не одна, я очень выразительно выругалась, а, главное, словами, совсем нетипичными для девушки моего круга.

Закончив эту яркую фразу привычным слуху:

— Такое дело, — и чуть не упала, перепуганная хохотом двух дураков. Это я об Арчи и его дружке Фредди, схватившегося за живот от смеха:

— Ох, не могу, Коротышка, побег с тобой явно пошёл девушке на пользу! Кажется, она узнала самые главные слова в жизни, а как обрадуется этому *её papa*...

И снова в словах Шута мне почудилась скрытая насмешка. То ли это проявлялся его непростой характер, то ли на самом деле Фредди не так уж и уважал моего отца, как пытался нас убедить. А если это правда, то какие цели преследовал пока малознакомый мне друг Арчи? В любом случае, с ним следовало быть настороже.

Почувствовав, что заливаюсь краской стыда, расстроенная собственной неосторожностью, я внимательно взглянула в хитро прищуренные светлые глаза, хозяин которых оценивающе смотрел на меня, в эту минуту явно что-то для себя решая. И от этого несомненно умного и пронизательного взгляда почему-то ужасно захотелось спрятаться куда-нибудь подальше. Нет, меня не пугал этот симпатичный деревенского вида паренёк, но на душе внезапно стало так горько, словно я уже в чём-то успела перед ним провиниться...

P.S. Друзья! Всех — с наступающими праздниками, продолжение книги после

Новогодних каникул.

Смущённая и расстроенная подобными мыслями, я бросила обломок гребня, случайно попав Фредди в лоб. От неожиданности он икнул и замолчал, а Арчи похлопал его по плечу:

— Видишь, чем кончаются попытки посмеяться над прекрасной дамой. И учти, что это она ещё не прицеливалась, — он весело подмигнул и, подойдя, осторожно коснулся моих волос, прошептав что-то ласковое. Рваная тряпка легко от них отцепилась, свалившись на пол, гребешок снова стал целым, а волосы шёлковой волной упали на спину.

— Ах, ты... мог это сделать с самого начала, но позволил мне мучиться, вырывая ключья? Вот как, по-твоему, рыцарь должен помогать своей «даме»? — вспыхнула я и, подхватив тряпку, хорошенько выбила ею одежду пытающегося закрыться руками рыцаря. И снова два взрослых дурака принялись хохотать, будто бесить меня доставляло им особое удовольствие. Гордо задрав нос, я отвернулась от недостойных внимания типов, негромко сказав:

— Смотрю, вы кое-что забыли, мальчики! Как только мы покинем пустоши, магия снова ко мне вернётся, и тогда смеяться буду я...

Они сразу притихли, но Фредди не выдержал, грустно добавив:

— Благородная Франни, наверное, хотела сказать — если покинем...

Я видела, как Арчи легонько толкнул приятеля в бок, но, сразу сникнув, отвечать не стала, ведь он был тысячу раз прав. Продолжить дискуссию на эту тему не позволил оглушивший нас рёв. Повозку тряхнуло, такими тяжёлыми были шаги неведомой твари, с каждой секундой, неумолимо приближавшейся к нам.

— Даже если она и не заметит маленькую повозку, без труда её раздавит, — думаю, каждый из нас в тот миг это понимал.

Сжавшись в комок от страха, я пыталась мысленно прогнать чудовище прочь, уговаривая его:

— Ну, пожалуйста, что тебе стоит, просто пройди мимо. Мало что ли в пустошах места...

Арчи и Фредди, не сговариваясь, придвинулись ближе, закрыв собою «прекрасную даму» от надвигающейся опасности. И хоть этот жест, конечно, не спас бы меня от гигантской туши, но попытка была засчитана, и я простила им ещё недавно бесившие глупые смешки...

А между тем шумное дыхание зверя, казалось, уже проникало внутрь нашего убежища. Мы затаились, теряя последнюю надежду. Арчи обернулся и, посмотрев на моё лицо, достал из куртки свирель. Не знаю, на что он рассчитывал — вдруг разноцветные мотыльки прорвутся сквозь ненадёжный полог иллюзии и уведут чудовище как можно дальше от нас?

Мелодия была *другой* — это всё, что я смогла тогда понять. Не появилось ни мотыльков, ни иных чудесных существ, но пугающее дыхание внезапно замерло, а рёв прекратился. Чудовище снаружи словно опешило, а затем, издавая повизгивающие звуки, помчалось прочь так быстро, что повозка и всё, что находилось внутри неё, не исключая нас, задрожало, грозя развалиться в любую минуту.

Мы упали на пол. Рядом с головой прокатился кувшин, лишь чудом её не задев, а ногу придавила чья-то немаленькая туша. Я охнула, почувствовав, как сильные руки поднимают и усаживают меня на пол, бережно придерживая за плечи.

— Как ты, Франни, не очень пострадала? — голос Арчи был так нежен, но не было сил ему ответить. К тому же опрокинувшаяся лампа погасла, и вряд ли в полной темноте он смог бы разглядеть мой слабый кивок.

Я почувствовала, как его ладони обхватили лицо, а губы прошептали совсем рядом:

— Скажи хоть слово, малышка, а то твой рыцарь сойдёт с ума от волнения, — от звука его хриплого тревожного голоса я сразу взмокла и задрожала, не понимая, почему при этом так жарко и тяжело дышать.

— Кажется, я в порядке, — еле выдохнула из себя и, сама, не зная почему, осторожно коснулась пальцами его щеки, словно подтверждая свои неуверенные слова.

Губы Арчи прижались к моим и долго не хотели их отпускать, а я, потеряв голову, уже готова была ему ответить, но стон и ругань Фредди остановили нас, заставив оторваться друг от друга.

— Пусть демоны разорвут на части ту зверюгу, из-за которой я чуть не повредил спину, упав на что-то острое. А ты, Арчи, как всегда непредсказуем, — свирель опять творит чудеса, как тогда, десять лет назад. Ой, чем же так божественно пахнет? Нет, только не это, кажется, кувшин с вином разбился, и я даже догадываюсь о чью голову — такая шишара растёт. Буду теперь как однорогий олень, чес-слово. Что молчишь, Коротышка? Зажги лампу или хотя бы свечу, наверное, как обычно, тискаешься с девчонкой?

— Закрой рот, Шут, а то сейчас второй рог тебе приделаю, — Арчи, похоже, был в бешенстве, меня же слова Фредди отрезвили, заставив отодвинуться от слишком уж заботливого друга.

Рука наткнулась на лампу, и я осторожна зажгла её, отвернувшись от помрачневшего рыцаря. В повозке царил настоящий погром, и чтобы занять себя и не думать об очередной легкомысленной выходке, принялась убираться, подводя итоги недавней «встряски». Пару кувшинов с вином разбились, на этом потери закончились, если не считать, конечно, синяков и шишек, на которые мы старались не обращать внимания: по сравнению с тем, что только что пришлось пережить — это были просто пустяки.

Немного разобравшись, я легла на привычное место, закутавшись в одеяло, прислушиваясь к едва различимому разговору между друзьями:

— Прости, Арчи, ляпнул, не подумав, не хотел тебя подставить. Не злись, а?

— И не думаю, но если ты ещё раз позволишь себе так «пошутить», вылетишь отсюда под колёса этой повозки.

— Понял, дружище, больше такого не будет, ты же меня знаешь...

— В том — то и дело, что знаю, потому и предупреждаю.

Мне надоело слушать одно и то же. После пережитого ужаса я чувствовала себя не просто разбитой, а, настоящей дурой, наступающей на одни и те же грабли.

— Ну почему жизнь меня ничему не учит? Доверчивая идиотка... Больше ни за что и никогда так не поведусь. Только я буду решать, с кем мне быть, только я...

Это было невероятно, но злость помогла уснуть, и до утра никакие чудища меня больше не беспокоили. Я проснулась оттого, что повозку сильно тряхнуло, и мужская половина нашей команды дружно выругалась:

— Проклятые камни, и откуда они только берутся. Ещё один такой булыжник, и мы останемся без колеса, а, значит, преследователям будет легче нас догонять.

Услышав это, сразу же высунула голову из повозки:

— Доброе утро! О чём это вы тут болтаете? Нас преследуют?

Двое спутников посмотрели на меня и радостно заулыбались, и, скажу честно, мне не понравились их ехидные ухмылочки.

— Скорее уж, добрый день! Проснулась, моя прекрасная дама? Как же я рад видеть тебя живой и здоровой после такой страшной ночи. Да что греха таить, сегодня готов терпеть даже противного Шута, — Фредди немедленно отвесил поклон, улыбаясь так, словно мы находились на представлении, а не посреди жуткой пустоши, — и, к счастью, Франни, за нами пока никто не гонится. Но всё может измениться в любую минуту...

Фредди глубокомысленно покачал головой, подтверждая его слова, но при этом скорчил такую гримасу, что я невольно фыркнула и спряталась в повозке.

— Неужели проспала? Наверное, солнце уже высоко... Какая же я всё-таки легкомысленная девчонка, — и, вздохнув, посмотрелась в зеркало.

Лучше бы я этого не делала: волосы после сна встали дыбом, на правой скуле красовался синяк, полученный, вероятнее всего, при вчерашнем падении, да и само лицо выглядело неприлично помятым, как после долгой гулянки. И в таком виде я вылезла к мужчинам... Где была моя голова?

Умывшись из кувшина, кое-как позавтракала, найдя оставленные Арчи лепёшку и яблоко. Причесалась и, чтобы волосы не мешались, заплела косы.

— Надо же, теперь я похожа на горничную, а мне — плевать. Что же происходит?

В этот момент повозка резко затормозила, и меня отбросило на пол. Хорошо ещё, что успела дожевать яблоко, иначе бы точно насмерть подавилась. Но без потерь на этот раз не обошлось — плечо странно щёлкнуло, и меня затопила сильнейшая боль. Это было просто невыносимо, но я даже крикнуть не могла, только тихонечко скулила, баюкая руку.

Внутри зашёл Фредди и, судя по его весёлой физиономии, как обычно собирался пошутить. Однако, увидев меня, подбежал, и, не говоря ни слова, резко дёрнул за руку. Я так закричала, что следом за Шутом ворвался рыцарь, с зажатым в ладони ножом.

— Успокойся, бешеный! У девочки при падении выбило плечо, но я всё исправил, — торопливо говорил Фредди, испуганно отступая от друга и вытянув руки в защитном жесте. Впрочем, на этот раз ловкости ему не хватило, и на запястье образовалась тоненькая красная полоса, из которой одна за другой, набухая, росли яркие капли. Они быстро сливались в небольшой кровавый ручеёк...

Все замерли. И только я словно сошла с ума: вскочив с пола, жадно припала губами к этой алой, такой манящей влаге. Арчи мгновенно произнёс какое-то слово, оттащив меня в сторону. Руки и ноги скрутило не хуже толстой верёвки, не давая пошевелиться. А во рту образовался солёный комок, который я никак не могла выплюнуть, поскольку и губы стянуло проклятое, неизвестное заклинание.

Оставалось только смотреть выпученными от напряжения глазами, как Арчи мазал рану друга густой мазью и туго перетягивал лентой, прося прощения за свою несдержанность. А Фредди посмеивался, говоря, *мол, это не страшно, а вот что теперь делать с маленьким «вампиром», вопрос...*

В голове не укладывалось:

— О ком это он? — пока внутренний голос не прошептал:

— О тебе, Франни-кровопийца. У Арчи, как оказалось, сумасшедший нрав. Смотри прирежет он тебя, и не как дружка — слегка и с извинениями, а по-настоящему, и ещё кол в грудь вобьёт, чтобы не воскресла...

Стало страшно до дрожи, и тут как раз заклинание отпустило: меня вывернуло тем

немногим, что «вампириша» успела добыть из раны Фредди. Рыцарь развернулся ко мне, и я начала от него отползать, лихорадочно шаря рукой по полу в поисках хоть какого-нибудь оружия.

— Успокойся, прекрасная дама — и в мыслях не было тебя обижать. Напротив, хочу помочь, а для этого нужно внимательно осмотреть твои глаза. Не прячься, пожалуйста, Франни! Как давно у тебя появилась тяга к крови, и почему сразу об этом не сказала?

Я остановилась и, тяжело вздыхая, позволила Арчи рассмотреть свои глаза и руки, но отвечать на вопросы не торопилась. У него был удивлённый и растерянный вид:

— Странно, посмотри, Фредди — никаких внешних признаков вампира, что же тогда с Франни происходит? Может, это какая-то неизвестная болезнь, такое дело?

Шут достал из-за пазухи серебряную ложку и зачем-то приложил её к моему лбу, затем порылся в грязном кармане и вытащил ещё более отвратительного вида головку чеснока.

— На-ка, укуси! — протянул он мне эту пакость.

— Сам кусай такую грязь! Я чеснок могу только в соусе терпеть...

Нахмурившись, Фредди задумчиво посмотрел на Арчи:

— Не любит чеснок, это подозрительно...

Рыцарь дал ему подзатыльник:

— Довольно дурацких шуток, не пугай девочку. Я сам чеснок не переношу, и что? Говори по делу.

Шут почесал лохматый затылок, пожав плечами:

— Прости, не знаю, что сказать. Франни, может, тебя недавно кто-то покусал, а? Птица или зверь... неужели, человек?

Я вспыхнула, со всей дури наступив ему на ногу так, что от неожиданности он подпрыгнул и начал скакать, жалобно хныча:

— Твоя подружка решила оставить меня без ноги, а ведь я ей помог. Какая же несправедливость, — и при этом строил уморительные рожи.

— Никто меня не кусал. Это всё из-за пустошей — как только въехали в них, так и появилось желание попробовать кровь на вкус. Я хотела тебе всё рассказать, Арчи, но не до того было...

Арчи молчал, привычно покусывая губу:

— Что ж, раз всё началось в пустошах, значит, и кончиться должно здесь, как только мы их покинем. А пока будем за тобой присматривать, другого выхода нет. Говорили же мне, что эти места плохо влияют на людей, такое дело.

Я покорно кивнула и, наконец, спросила, что там у них случилось на дороге, раз повозка так резко остановилась. Арчи и Фредди вдруг испуганно посмотрели друг на друга, а затем, толкаясь и бранясь, практически одновременно ломанулись к выходу. Не удержавшись, я высунулась за ними. Дорога была совершенно пуста, что, кажется, удивило не только меня.

— А что там было-то? — спросила, переводя взгляд с одного спутника на другого.

Оба казались смущёнными, не торопясь отвечать, пришлось дать каждому по тычку в спину. Арчи неохотно пробормотал:

— Там кто-то стоял на дороге и махал нам рукой, вроде человек...

— Человек? Ну ты сказал! Это была красотка, такая эффектная штучка... — не удержался Фредди.

— Что ещё за «штучка» на дороге посреди пустоши? Вы с утра, пока я спала, по кувшинчику пропустили, что ли? — у меня засосало под ложечкой — верный признак

грядущих неприятностей.

— Франни права, откуда здесь взяться человеку? Наверняка это был морок пустоши, и как мы с тобой сами не догадались, стыдно, — попытался выкрутиться Арчи.

Но меня не так легко было провести:

— А ну-ка, живо рассказывай, что за морок такой. Может, и мне красавец привидится?

Задумчивый рыцарь повернулся, и его лицо выглядело крайне озабоченно:

— Это не шутки, Франни. В народе поговаривают, что мороки — предвестники беды. Я, конечно, не суеверный человек, но мы сейчас в такой ситуации, что надо постоянно быть настороже.

— Да уж, и куда смотрели мои глаза, — влез в разговор Фредди, — ведь к нашему бывшему знакомому, Пери, умудрившемуся несколько лет назад благополучно вернуться из пустошей и не заболеть, приходил тутошний морок. За день до его смерти. Он видел старуху, похожую на его покойную бабу. Та ещё была ведьма. Бедняга тогда оступился на лестнице и пересчитал головой все ступеньки, а их было немало.

Я ухмыльнулась:

— Значит, каждый видит свою смерть в том образе, которого боится? Интересно, чем вас двоих напугали женщины?

Мои спутники смутились, и я задумалась, как бы над ними ещё пошутить. Но тут увидела на дороге *его* — прекрасно сложенного, длинноногого, с развевающимися волосами, хотя ветра сегодня совсем не было, в дорогой чёрной одежде — Арчи, его бы я ни с кем не спутала. Он стоял, придерживая рукой шпагу, такой красивый и недосягаемый. Не фокусник, не циркач, не карлик — благородный дворянин. В его глазах стояли слёзы, а плащ за спиной развевался подобно крыльям ангела.

Одно мгновение — и он исчез. Морок, несущий смерть... Показалось, что всё это время я не дышала и очнулась от того, что Арчи тряс меня за плечи, испуганно заглядывая в глаза:

— Франни, что с тобой, ты успела поесть? Бледная, как...

— Не говори мне о смерти, рыцарь, я только что видела свой морок...

Друг всплеснул руками:

— Да не верь ты этим дурацким видениям. Пустоши — очень странное место, чего только здесь не увидишь. Из тебя вон какой симпатичный вампирчик получился. Я думаю, в этой земле есть что-то, влияющее на наш разум. Иногда мне кажется, вся пустошь — живое существо, играющее с нами в свои непонятные игры. А смерть Пери была просто совпадением, не больше...

Фредди фыркнул:

— Ну это ты загнул, братишка. Как пустыня может быть живой? Полный бред, вот что я тебе скажу — «перечитал» ты книжек. Знаешь, Франни, как его в нашем балагане звали — Учёный Коротышка, он всё свободное время либо читал, либо заглядывал девчонкам под юбки. И то и другое у него хорошо получалось, — и Шут начал было смеяться, но, натолкнувшись на убийственно-злой взгляд моего рыцаря, сразу замолчал, повесив голову, — прости, друг, опять не туда понесло...

Я сердито посмотрела на Арчи, мол, «надоело слушать про твои похождения», и вернулась внутрь повозки. Сев на одеяло, пригорюнилась:

— И что теперь делать? То, что рыцарь — тот ещё «гуляка» — и ежу понятно, но меня это не касается. Хотя на душе и тоскливо, а из головы не выходит прекрасный и сулящий смерть морок. Почему у него лицо Арчи, неужели теперь надо его бояться? Но без друга я

пропаду. Вот ведь снова влипла, и никаких чудищ для этого не понадобилось...

Однако долго скучать и предаваться меланхолии пустоши мне не позволили. Я услышала крик Арчи:

— Держись за что-нибудь, Франни! Сейчас поедem очень быстро, там впереди люди, они бегут к нам.

Хорошо ему было говорить — «держись», было бы за что! Я просто легла на пол, чувствуя спиной, как колёса подпрыгивают на, казалось, бесконечных камнях. Потом послышался звон стрел, некоторые из которых застряли в полотнище, чертыхание моих спутников и жалобное ржание коней. Повозка встала, резко наклонившись вперёд, так что я с воплями сползла как на горке, а в голове немедленно застучало:

— Ну вот, началось!

Кто-то вытащил меня наружу и сделал это очень вовремя. Наши кони были мертвы — их буквально утыкали стрелами, но даже заплакать я не успела — друг спрятал меня позади повозки, где уже на корточках сидел Фредди, готовя оружие к бою. Мы с Арчи пристроились рядом, и Шут выдал каждому лук и связку стрел.

— Кто на нас напал? Неужели Караванщик догадался, что мы последовали за ними и решил прикончить? — почему-то шептала я.

— Это не он, Франни. Возможно, твои «мальчики» резвятся, или есть ещё кто-то, помимо них и монстров.

На «камушек в свой огород» я даже не обиделась, просто спросив:

— Ты уверен, что мерзавец, погубивший всех, кто ему доверился, не имеет отношения к нападению?

Арчи был очень серьёзен:

— Я отвечаю за свои слова. Караванщик мёртв, как, полагаю, и вся его охрана. Скоро ты сама в этом убедишься, подожди немного, такое дело.

Не зная, что на это возразить, последовала его совету и, наложив стрелу на тетиву, ждала развития событий. Но, похоже, свою порцию страха на тот момент мы уже получили — продолжения вражеской атаки не последовало. Через несколько минут сначала Арчи с Фредди, а потом и я вышли из-за повозки и двинулись вперёд, ускоряя шаг, постепенно перейдя на бег. И всё потому, что над телами убитых на дороге людей высоко в небе уже кружила знакомая воронья стая.

Мы двигались осторожно, и Арчи не просто так крепко держал меня за руку. Я старалась не смотреть на раны, из которых ещё струилась кровь. Дикое желание опуститься на корточки, подобно жаждущему воды зверю, и пить из алой струйки с каждой минутой становилось всё сильнее. Я даже попыталась вырваться, но слова друга:

— Соскучилась по заклинанию «крепкой верёвки»? — заставили опомниться и держать себя в руках.

Арчи был прав — убитыми оказались охранники каравана вместе со своим предводителем, Дона и Марка среди них не было. Эти люди действительно бежали в нашу сторону, но не думаю, что *к нам*. Просто кто-то *страшный* гнался за ними, и это были не звери, судя по умелому владению мечом и луком. Неужели бывшие возлюбленные вдвоём сумели справиться с двумя дюжинами хорошо обученных бойцов? Верилось с трудом, но тогда кто это был?

Похожие мысли посетили и моих спутников, отчего стало совсем не по себе. Теперь мы оказались в пустоши без коней, что означало для нас верную и мучительную гибель. Оставалось или рискнуть, двинувшись вперёд практически без запасов еды и воды, или вернуться к повозке в надежде на чудо...

Вдруг Фредди остановил нас и, прижав палец к губам, к чему-то прислушался:

— Слышите, где-то совсем недалеко раздаётся топот копыт? Арчи, оставайся с Франни, а я рискну и поищу коней. Они не успели далеко убежать. Никогда раньше не был конокрадом, но надо же попробовать что-нибудь новенькое, верно? Может, повезёт на этот раз...

— Я помогу тебе, Фредди. Потерпи минутку, попробую их призвать к нам, только не уверен, что вместе с ними не появятся незваные гости. Так что действуй быстро, старый друг, — Арчи достал свирель и приложил к губам.

Мелодия звучала тревожно, словно кто-то жалобно кричал, и, что удивительно, это сработало. Четвёрка коней появилась из-за ближайшего нагромождения камней и потянулась в нашу сторону. Фредди бросился вперёд, ловко хватая двух из них под уздцы. Он запрыгнул в седло, подтянув второго коня к себе, и в этот момент из-за соседней «пирамиды» вылетело «нечто» огромное, покрытое длинной серой шерстью, и бросилось на оставшихся лошадей.

Одного жеребца эта тварь сразу подмяла под себя, второй — в страхе умчался в сторону и исчез в туче пыли, но по раздавшемуся жалобному ржанию стало ясно, что и он *попался*. Всё произошло так молниеносно, что Арчи не сразу среагировал, продолжая играть мелодию «призыва». Я отчаянно вырвала свирель из его рук, а приблизившийся к нам Фредди передал мне поводья второго коня.

— Пошевеливайтесь оба! Судя по звукам, этих тварей там много, попробуем убежать...

Арчи очнулся от непонятной растерянности и, подсадив меня, тоже запрыгнул на жеребца, развернув его вслед уносящемуся прочь Фредди. Мы мчались к повозке, по-прежнему стоявшей с задранными вверх задними колёсами и лежащими на земле, впряжёнными в неё мёртвыми лошадьми.

— Ты сможешь, как в прошлый раз, укрыть нас иллюзией? — прокричала я другу.

— Нет, Франни. Это отняло слишком много сил, и я ещё не восстановился.

У меня упало сердце.

— А что же мы будем делать? — прошептала, даже не надеясь на ответ.

Но Арчи остановил коня и, спешившись, бросился к повозке, крикнув на ходу:

— Сражаться!

Он ловко забрался внутрь и появился с тремя мечами, купленными нами на рынке безымянного городишки. Фредди, проскочивший повозку, уже вернулся и сразу взял в руки меч, разглядывая его.

— Да, так себе клинок, — пробурчал он.

— Ну, какой есть. Не придирайся, ты отличный мечник и метёлкой убьёшь, если понадобится, а тут всё-таки какая-никакая сталь, — ухмыльнулся непонятно чему обрадованный Арчи, — если честно, думал, Шут, что ты нас бросишь. Почему вернулся? — и он протянул последний клинок мне.

— Захотел и вернулся, — Фредди подмигнул и даже улыбнулся, хотя на его побледневшем лице это выглядело жутковато, — может, я хочу умереть, защищая прекрасную даму, пусть и не мою...

— Болтун! — довольно фыркнул Арчи и посмотрел назад, — а ну-ка, все быстренько двигаемся, желательно, подальше от повозки. К нам «гости» — *большие любители конины*. Дружно прячемся за этими камнями: если повезёт, лохматые зверюшки ограничатся только нашими падшими лошадьми.

К счастью, за ближайшим нагромождением булыжников нас никто не поджидал. Сидя за спиной Арчи, я испуганно смотрела на надвигающееся пылевое облако, скрывавшее в себе страшных зверей. Оно приблизилось к повозке, зарычало, и, не успев осесть, помчалось назад, унося с собой не только погибших животных, но и наше транспортное средство.

— Вот это сила: и коней утащили, и без повозки оставили, мерзавцы... — почти простонал Фредди, — а там были запасы воды и вина, стрелы, сумка с лекарствами и одеяла, чтобы согреться в холодную ночь. Кстати, Арчи, как мы без повозки будем ночевать? И коней где-то надо прятать. Скоро начнёт темнеть, а я такой голодный и несчастный...

— А это-то как связано с ночёвкой, Фредди? Сколько я тебя помню — ты всегда голодный. Не ной, сейчас что-нибудь придумаем. Так, если Франни права, и здешние «пирамиды» служат домами для местных обитателей, почему бы нам не спрятаться в одной из них? Не все же они *заняты*, во всяком случае, надеюсь на это.

— Посмотрите сюда, ребята, — подала я голос, — здесь один камень стоит *неправильно*, словно прикрывает вход. Только он такой большой, сможете ли вы его сдвинуть?

Арчи и Фредди спешили и осмотрели подозрительный камень. «Пирамида», за которой мы прятались, была очень высокой, камень, и в самом деле, со стороны напоминал прислонённую дверь. Больше того, присмотревшись, мы заметили, что его края нарочно сточены, словно обработаны каким-то инструментом. Сделать такое мог только человек. Неужели здесь живут люди?

Арчи быстро сбегал к ближайшим нагромождениям камней и, вернувшись, прошептал:

— Вы не поверите, этот «дом» — уникальный, нигде поблизости нет ничего подобного. Очень похоже, что кто-то сделал для себя убежище в пустоши, замаскировав его под обычные булыжники. Спасибо Франни за её наблюдательность, если сможем сдвинуть «дверь», проникнем внутрь.

— И спасёмся, да? — обрадовалась я.

— Не факт, — вздохнул рыцарь, — такое дело, кто знает, что нас там поджидает...

— А ещё говорил, что я — болтун, а сам развёл тут нюни, поджидает его кто-то, — рассердился Фредди, — давайте двигать камень, уверен — *там внутри* будет лучше, чем этой ночью *снаружи*...

Мужчины встали перед «дверью», не зная, как лучше к ней подступиться, а я, оттолкнув их, просто прошла сквозь неё:

— Эх вы, циркачи, особенно ты, Арчи-Фокусник. Иллюзию — не заметили... Здесь темно, придумайте, как добыть огонь, и, если наклоните коням головы, уверена — пройдёте сюда вместе с ними.

— А чего тут добывать, у меня в кармане всегда всякий случай есть парочка свечей. И огниво, так что сейчас будет свет, — обрадовался наш Шут.

Я стояла в полной темноте внутри этого «дома», уговаривая себя, что по сравнению с недавно виденным ужасом, это — совсем не страшно. А на самом деле считала мгновения, когда Фредди зажжёт огонь и придёт ко мне. Что-то подсказывало — выйти наружу не так просто, как сюда войти. «Дверь» явно с секретом, но объяснить своё прозрение и внезапную

появившуюся невиданную интуицию я не могла. Кто-то словно внушил мне эти знания, запретив делиться ими с друзьями.

Конечно, это неприятно, когда «некто» без спроса роется у тебя в голове, но ещё хуже ощущение, что ты сама, пусть и против воли, заманиваешь друзей в вероятную ловушку. Я как могла боролась с собой: открывала рот, пытаюсь предупредить Арчи и Фредди об опасности, но не могла издать ни звука.

— Уже иду к тебе, Франни, — голос Шута звучал ободряюще, но я почему-то напряглась.

— Подожди, дай мне поговорить с моей прекрасной дамой, — остановил его Арчи, — как себя чувствуешь? Тебе там *неуютно*?

— Да, — еле промямлила я, больше ничего сказать не получалось.

— Кроме тебя в «доме» кто-то есть?

Мой язык торопился сказать:

— Нет, я одна, — но прежде чем ответить, нарочно сделала паузу, хоть это и стоило мне прикушенного языка. Надежда была на сообразительность Арчи — он должен догадаться, зачем нужна эта заминка с ответом.

Было слышно, как он выдохнул:

— Мне всё понятно, Франни, не переживай. Сейчас мы с Фредди вместе придём к тебе. Кстати, попробуй что-нибудь сделать с помощью магии, есть *подозрение*, — он специально выделил последнее слово, — что она должна там работать. Например, зажги свет...

Я попробовала проглотить кровь, наполнившую рот после жестокого эксперимента над собой, и меня затошнило. Сплюнула её на пол, догадавшись, что раз меня больше к ней не тянет — сила пустошей здесь не действует. Быстро произнесла знакомое заклинание, и всё вокруг затопило нежным светом.

— Арчи, ты прав — магия здесь работает, видимо, *разная магия*, — это всё, что смогла произнести, но друг снова всё понял.

— Отлично, мы идём и готовы *к встрече*, — такой ответ меня ободрил, ведь я, как смогла, предупредила рыцаря о *странном* месте.

Ведя в поводу коней, мои друзья вступили в освещённый тоннель, где я, оказывается, стояла. Оба осматривались с интересом, хотя ничего особенного там не было: хорошо утрамбованный земляной пол и стены с подпорками говорили в пользу догадки — проход под пустошами был проложен людьми. Но куда он вёл, нам ещё предстояло узнать.

— И что дальше? — обречённо спросила, заранее зная ответ.

— Пойдём вперёд, очень хочется посмотреть — что там в конце, — Арчи был подозрительно спокоен.

Фредди погладил разволновавшегося коня и усмехнулся:

— Серьёзно? И даже не догадываешься, умник? Я вот сразу сообразил: надо же было людям из Горного Королевства как-то общаться с миром, обходя пустоши. Вот и сделали «дорогу» для себя, видно, у них сильные маги или много бесплатных рабов...

— Догадался, конечно. Больше того, давно это подозревал. Как-то же меня вывезли, а про караваны с той стороны я никогда не слышал. Не сомневаюсь, что вдоль дороги стоят ещё несколько подобных «домов». И ты неправа насчёт меня, Франни. Иллюзию я заметил сразу, просто не хотел вас пугать.

— Значит, выбора у нас нет. Думаешь, монстры и звери не смогут пройти в тоннель? — голос почему-то задрожал.

Арчи взял мою руку:

— Не беспокойся об этом, «строители» позаботились о своей безопасности. Подозреваю, что посторонние не проникнут сюда, разве что — маги? Мы же вошли, такое дело...

Фредди помрачнел:

— А мне кажется, всё гораздо хуже. Я вот — нисколечки не маг, но оказался здесь с вами. Знаете, что я думаю? Нас *пропустили*, позволили войти. Интересно, зачем? Не нравится мне это. Конечно, здесь спокойнее, чем в пасти у монстра, но мы-то с тобой, Арчи, знаем, что самый страшный зверь — человек...

При этих словах я вздрогнула, и мой рыцарь остановил Фредди:

— Согласен с тобой, друг, но не будем пугать Франни. У нас нет ни воды, ни припасов, зато появилась крыша над головой. Тоннель довольно длинный, в нём наверняка есть помещения, где путники могли бы передохнуть. И даже если мы ничего не обнаружим, сможем здесь заночевать — не холодно, и чувствуется приток свежего воздуха. Не будем терять время. Раз нам *позволили* войти, вряд ли будут мешать, хотя — кто их знает. Будем осторожны и внимательны.

Мы с Фредди согласились и отправились в путь по длинному, и как мне потом показалось, бесконечному тоннелю. В нём было настолько тихо, что это очень скоро начало действовать на нервы. Мы не только слышали звуки собственных шагов и цокот лошадиных копыт, многократно отражавшиеся от однообразных серых стен, но даже шумное дыхание или лёгкий кашель одного из нас заставлял всех испуганно оглядываться в поисках опасности.

Здесь не было видно солнца, и мы быстро потеряли счёт времени. Когда ноги устали, Арчи посадил меня на коня, но приходилось постоянно пригибаться из-за довольно низких потолков, и, в конце концов, я спрыгнула на пол и снова пошла рядом с друзьями. Сколько ни оглядывалась по сторонам в надежде увидеть дверь или боковое ответвление тоннеля — меня ждало сплошное разочарование.

Неожиданно Арчи поднял с пола небольшую золотую брошь:

— Это ещё что такое?

Я вырвала у друга подарок, сделанный мной Дону на его день рождения, и, рассмотрев, убрала в карман. Мой первый возлюбленный всегда носил его на плаще, никогда не снимая.

— Дон и Марк проходили здесь, — объяснила я удивлённым друзьям, — как же так получилось? Они же были далеко впереди нас, получается, мы прошли и не заметили ещё одну ведущую в тоннель дверь?

Арчи нахмурился:

— Да, такое бывает. Теперь нам тем более надо быть настороже, раз твои «мальчики» ошиваются где-то поблизости.

Я ничего не ответила и продолжила путь, пока, наконец, не выдержала — слишком устала и безумно хотела пить.

— Всё, Арчи, больше не могу, лягу прямо в тоннеле и усну. Сил нет.

Он покорно кивнул, остановив лошадей:

— Я готов голодать, если понадобится, но что делать с животными? Им нужна вода...

— Почему только им, а про меня ты не думаешь? К несчастью, я не знаю ни одного заклинания, чтобы сделать хоть пригоршню воды. А ты?

Он грустно покачал головой. Фредди вдруг завертелся на месте и сказал:

— Стукните меня по голове — может, тогда перестанет мерещиться дверь в стене...

— Где? — в едином порыве вскрикнули мы с Арчи.

Фредди показал нам на стену, в которой, несомненно, был прикрытый тканью проём.

— Только что его там не было, — почти возмутилась я.

Арчи передал мне поводья коня и со словами:

— Ждите здесь, я проверю, — исчез за тканью.

Фредди тут же обнажил меч, и, глядя на него, забыв об усталости, я тоже приготовилась к бою. Но мой рыцарь, высунувшись из-за «двери» и жуя кусок лепёшки, от аромата которой закружилась голова, смерил нас насмешливым взглядом:

— Заходите, воители, и лошадей не забудьте, — после чего снова исчез.

Мы с Фредди перекинулись голодными взглядами и, схватив коней под уздцы, последовали за ним. За тканью оказалось два помещения: в одном находились стойла для лошадей, кормушки были полны зерна. Вода в больших вёдрах была настолько чистой и свежей, что, снимая сёдла с коней, я еле сдерживалась, чтобы первой не броситься к долгожданной влаге.

Глаза Арчи смеялись. И неудивительно, в его руке была зажата пузатая бутылка, к которой он постоянно прикладывался, словно нарочно меня дразня. Недолго думая, выхватила её и стала жадно пить, не в силах остановиться.

Фредди, управившийся со своей лошастью, смотрел на меня с восхищением:

— Арчи-везунчик! А ты умеешь выбирать девушек: только посмотри, как она пьёт вино — глаз не отвести, даже я бы не смог лучше.

— В-вино? Какое вино, я думала — это сок, такой вкусный, ик! — голова закружилась, а руки Арчи подхватили меня и куда-то понесли. Язык почему-то заплетался, не желая подчиняться:

— Эй, ты, как тебя, куда тащишь? Смерти захотел?

Приземлившись на мягкую перину, я успокоилась, чувствуя, как горят огнём усталые ноги. Кто-то осторожно снял с меня сапоги и укрыл одеялом, нежно прошептал:

— Спи, глупышка, надо же было выпить полбутылки крепкого вина, да ещё на голодный желудок. Завтра голова будет болеть...

Кажется, этот голос ещё что-то бормотал, но я уже спала сном младенца.

Не буду жаловаться на кошмары, донимавшие меня ночью, — сама не помню, что там было, но наутро Фредди с насмешкой рассказывал и даже изображал, как я вскрикивала, скулила и повизгивала. Думаю, он всё это придумал, чтобы лишний раз посмеяться надо мной. Шут он и есть Шут.

Впрочем, кое-что о проведённой в тоннеле ночи я помнила и, честно говоря, лучше бы это оказалось сном. Когда мне «приспичило», проснулась и при свете маленького огонька помчалась в поисках «нужного» помещения, к своей радости быстро его обнаружив. Сопровождаемая мощным храпом Фредди, вернулась в кровать, попытавшись снова заснуть, но, поворочавшись с боку на бок, замерла, потому что в комнату *кто-то зашёл*.

Сердце забарабанило от ужаса: я почему-то сразу решила, что это братья нашли меня. В помещении было темно, хоть глаз выколи, но шаги слышались вполне отчётливо. Два человека остановились около заменявшей дверь занавеси, и тихо переговаривались.

Первый голос я узнала сразу — это был Арчи, он говорил на «своём» языке спокойно и строго. По интонации было понятно, что рыцарь не пускает «пришлого» дальше в комнату. Значит, это не кто-то из братьев, с ними у Арчи был бы совсем другой разговор. Собеседник, несомненно, общался с ним на одном языке: быстро, непонятно и взволнованно. Более того, показалось, что он о чём-то просил моего друга или пытался его уговорить.

Но Фокусник был непреклонен, несколько слов из их диалога я сумела-таки разобрать: — Нет, уходи, это рискованно...

Получалось, они *знали друг друга*. Незнакомец тяжело вздохнул и, шепнув что-то, создал небольшое световое пятно. Не выдержав, я высунулась из-под одеяла, и чуть не охнула, разглядывая «пришельца». Высокий, красивый, с лицом, удивительно похожим на Арчи. Тот, чей морок видела совсем недавно на дороге в пустоши, и, согласно поверью — именно он сулил мне смерть.

Незнакомец положил руку на плечо стоявшего напротив, едва доходившего ему до груди Фокусника, и, кивнув, выскользнул за занавеску, унося с собой дрожащее пятно света. Я прикусила край одеяла, чтобы нечаянно не выдать себя, потому что невыносимо хотелось немедленно обо всём расспросить Арчи.

Раздавшийся в темноте завораживающий голос друга меня перепугал:

— Франни, почему ты не спишь? Уже поздно, пора отдохнуть. Засыпай скорее, тебе всё *приснилось*...

Я только выплонула одеяло, чтобы ему возразить, но тут же уснула. А утром, хотя назвать точное время суток в месте, лишённом окон, было невозможно, проснулась от весёлого разговора Шута с моим загадочным другом. Надо же, эти двое чему-то радовались, находясь в таинственном тоннеле, ведущем в неизвестность. Неужели они до такой степени легкомысленны, или просто им известно то, что мне «не положено» знать? А возможно, новые друзья — обыкновенные обманщики и лицемеры. Жалкие циркачи...

Сама не знаю, почему это так меня взбесило. Может, надоело чувствовать себя маленькой дурочкой среди «умных» мужчин, которые считают себя вправе приказывать — «спи и забудь»? Ну, не на ту попали; я вам покажу, каково это — играть со мной в непонятные игры...

Сев на кровати, осмотрелась по сторонам, ведь ночью у меня такой возможности не

было: небольшое помещение с несколькими лежанками, в центре — простой стол с лавками, пара сундуков с припасами и разной утварью, запечатанные кувшины с вином и большая бочка, наполненная водой, с плавающим в ней ковшом. А также земляные стены и полное отсутствие окон как напоминание о том, где мы находимся.

Как только мои спутники заметили, что я проснулась, разговор сразу же прервался, что только укрепило подозрения. Не подавая вида, что обижена, приветливо улыбнулась «врунишкам», спросив:

— А завтракать будем?

Они тут же засуетились, и, умывшись, я вместе со всеми поела кое-что из нехитрых припасов, оставленных заботливыми хозяевами этого подозрительного места. Наши дорожные мешки тоже немного потяжелели, ведь неизвестно, когда в следующий раз представится возможность подкрепиться.

О ночном происшествии я молчала, а Арчи, понятное дело, и не думал напоминать о таинственном госте. Мы забрали коней и вышли в тоннель. Стоило покинуть наш временный приют, как дверь в него тут же растаяла, не оставив даже следа.

— Смотрю, дела с магией здесь обстоят неплохо; выходит, вчера мы могли остановиться на отдых и раньше: дверь появляется тогда, когда она нужна путникам, — задумчиво протянул Фредди, но размышлял он недолго, быстро переключившись на воспоминания о том, как лихо я накануне пила вино и изобретательно стонала ночью.

Фыркнула в ответ:

— Куда мне до тебя, Шут! Ты так великолепно храпел, что чуть весь тоннель не обвалился.

Фредди задорно засмеялся, и я сама невольно усмехнулась. Но не прошло и минуты, как стало не до смеха. Стрела прилетела откуда-то сзади из темноты тоннеля и, ударив в спину, вышла из груди Шута, оборвав очередную шутку. Я не успела вскрикнуть, как Арчи уже склонился над другом, и это спасло его от второй стрелы, просвистевшей над головой.

Голос Дона гремел:

— Не шевелитесь, презренные, я имею в виду тебя, Франни, и твоего жалкого циркача, иначе выбью ему по очереди оба глаза. Нам нужна только ты, так что не делай глупостей, охотница за нечистью. Вздумаешь применить магию, и твой новый дружок останется здесь навсегда, составив компанию Шуту. Если поняла, кивни. Хорошо, а теперь разворачивайся и бегом ко мне!

Выполнив всё, что он приказал, помчалась навстречу судьбе. В голове шумело, щёки горели таким жаром, словно я только что пришла домой с ледяной горки, а губы шептали:

— Беги, Франни, беги! Сейчас в твоих руках жизнь друзей.

Марк остановил меня, схватив за косы и рванув на себя с такой силой, что потемнело в глазах. Я слишком спешила и не заметила его, стоявшего у стены. Дон вышел из темноты, и сердце сжалось, и вовсе не потому, что он приставил меч к горлу, а от его похушевшего бледного лица, на котором, казалось, не осталось ничего, кроме пылающих мраком глаз.

— Простите, ребята, — громко произнесла, отклонившись назад, с размаха ударяя головой в лицо Марка, одновременно болевым приёмом выворачивая ему руку. Уже бесчувственное тело бывшего друга полетело в брата, и заклинание отбросило обоих далеко назад. Меч, приготовленный для того, чтобы лишить меня жизни, с глухим стуком упал у ног, но я не стала его поднимать, а, развернувшись, бросилась назад к Арчи и Фредди. О братьях в тот момент и не думала: после такого мощного удара магии им долго не прийти в

себя. Что поделатъ, если Франни всегда была сильнее обоих...

Арчи сидел на полу, прижав голову Фредди к своим коленам. Лицо нашего шутника было мертвенно-бледным, на губах пузырилась кровь, а в глазах плескалось море боли. Фокусник, не обращая на меня внимания, шептал что-то, водя рукой над раной друга, и, замерев, я смотрела, как быстро истончается древко стрелы, а оперение и наконечник осыпаются пылью. Арчи вытащил тонкую, словно игла, палочку из раны, зажав её рукой, и снова забормотал что-то странное, пока след от стрелы полностью не затянулся, а лицо Шута — порозовело.

Но и порадоваться этому чуду я не смогла, потому что, отобрав друга у смерти, рыцарь потерял сознание, завалившись на бок, и теперь уже мне пришлось приводить его в чувство, применяя магию исцеления. Он приоткрыл глаза, еле шевеля посиневшими губами:

— Не сомневался, что ты справишься с ними. Как там Фредди? Кажется, я потратил слишком много сил, и не смогу идти. Придётся вам двоим...

Он не смог даже закончить фразу, захрипел и закашлялся кровью, а я, размазывая слёзы по лицу, редела и никак не могла восстановить дыхание, чтобы повторить исцеляющее заклинание. Фредди с трудом приподнялся, словно только что не умирал на моих глазах:

— Франни, немедленно возьми себя в руки. Арчи сейчас нужны не слёзы, а твоя помощь. Вдох-выдох, ещё раз, и ещё. Умница, теперь лечи его.

Я справилась с истерикой и смогла помочь Арчи: крови больше не было, он неплохо дышал, но сил у него не прибавилось. А между тем Фредди встал и, пошатываясь, пошёл к лошадям. Он подвёл одну из них вплотную к Арчи и, пошептав ей на ухо, заставил опуститься на передние ноги.

Было совсем не просто усадить Арчи в седло, примотав его, чтобы не свалился, тонким одеялом, «одолженным» в нашей «комнате отдыха». Я взмокла и дышала с трудом, но была довольна проделанной работой. Потом помогла Фредди взобраться на второго коня и, взяв животных под уздцы, повела наш крошечный караван вперёд, присматривая за обоими пострадавшими.

Пришлось несколько раз останавливаться, чтобы напоить ребят водой, есть они не могли. Самой тоже кусок не лез в горло, все мысли были о «глупых циркачах», пострадавших из-за ещё более глупой Франни. Я во всём обвиняла только себя, и через несколько часов такого самобичевания, пошатываясь от усталости, даже не заметила, что в кровь стёрла ноги.

И тут впереди замаячил свет. Вернее, его не было видно, но в моей голове возник образ стены, за которой и находился выход из тоннеля. Собрав остатки сил, буквально потащила лошадей вперёд, совсем скоро остановившись перед земляной преградой.

Почувствовав, что мы стоим и не двигаемся, Фредди приподнял лохматую голову с шеи лошади:

— Что случилось, Франни?

— Там — выход из тоннеля. Ты можешь понять, иллюзия это или нет?

Фредди почесал в затылке:

— Я в этом не силён, а вот твой рыцарь...

— Это иллюзия, смело веди коней, Франни. Мы выйдем уже не в пустошах, а в горах, не сомневайся. Мне лучше, скоро устроим привал и хорошенько поедим — я так проголодался...

— И я тоже, *сестричка Франни*, можно тебя так называть? — Фредди смотрел насмешливо, и по его весёлым глазам стало понятно, что он уже полностью пришёл в себя и

готов снова доводить меня до ручки.

Мой живот громко забурчал, присоединяясь к этим двоим, и я решительно направилась вперёд, на всякий случай закрыв перед стеной глаза. Свежий ветер, напоённый ароматами осеннего леса, взъерошил волосы и омыл влажным воздухом потное лицо. Веки дрогнули, распахиваясь, и снова сомкнулись. Судя по всему, солнечный день был в разгаре, и, приветствуя его, я всхлипнула:

— Неужели, наконец, мы вышли из этого проклятого тоннеля?

— Вышли, как видишь. И почему у девчонок чуть что — глаза на мокром месте? — фыркнул Фредди.

Я не выдержала очередной насмешки, нервы были на пределе: щурясь от света, развернулась к улыбающемуся Шуту, и, вытащив отцовский кинжал, подошла к нему вплотную. Видимо, вид у меня был очень свирепый, потому что насмешник сразу погрузился.

— Может, потому, что девушка устала спасать никчёмных мужиков, имеющих наглость ещё и посмеиваться над ней? И я имею ввиду не только вас двоих. Пора что-то изменить, не считаешь? Например, укоротить твой противный язык, а, Фредди?

— Тихо, Франни, ну что ты так разбушевалась? Мы все измучены, отдохнём и придём в себя. Всё наладится, нам же нельзя ссориться, мы — друзья... — голос Арчи звучал успокаивающе, наверняка Коротышка опять пытался применить свою «природную» магию.

— Наладится, говоришь? А вот я в этом *не уверена*, — сказала уже спокойнее, убирая кинжал в ножны, — друзья, по моему скромному мнению, не пытаются задурить головы тем, кто им *якобы дорог*.

Я почувствовала, что он напрягся, с трудом сбрасывая с себя одеяло, которым мы с Шутом привязали его к лошади.

— Ты это о чём, Франни? — удивился Фредди.

— Не лезь! — мы с Арчи рывкнули одновременно; получилось забавно, но мне было не до смеха.

— А ты не понимаешь, да? — теперь мой голос был полон ехидства, — тогда расскажи, кто приходил в наш «приют» этой ночью? Твой знакомый из Горного Королевства? О чём вы болтали, и почему «мой друг Арчи» усыпил свою подругу, да ещё попытался внушить, что ничего не было?

Фредди от волнения так заёрзал, что чуть не свалился с коня:

— Что за новости, Арчи, кто приходил, или Франни просто заговаривается от усталости?

И снова мы с Фокусником одновременно крикнули ему:

— Заткнись!

Арчи сначала побледнел, а потом «вспыхнул» как смущённая девица:

— Франни, ты — мой друг, но не ты одна. Есть и другие люди, и я не могу раскрывать их секреты, это неправильно. Пойми, человек, приходивший ко мне, никак с тобой не связан. Поэтому не волнуйся...

Я просто взбесилась:

— Как это — не связан? Это его морок я видела в пустоши, наверняка он возник не просто так, а, значит, имеет ко мне отношение.

Рыцарь потрясённо молчал, явно не ожидая таких слов, и это почему-то меня успокоило. На душе было пусто и тоскливо, но ругаться больше не хотелось. И в самом деле,

с чего бы мне лезть в это дело? Своих проблем, что ли, мало? Я отвернулась от Арчи, сев на поваленное дерево. Новый порыв ветра остудил лицо, и поскольку между нами повисла напряжённая тишина, наконец, вспомнила, что целый день ничего не ела.

Открыла походный мешок и, достав сухую лепешку, начала её жевать, отламывая кусочки и запивая водой из фляжки, купленной для меня Арчи в городе, где мы оставили Грома. С грустью вспомнила о любимом коне и не только о нём — брошенный без объяснений отец, наверняка сейчас сходил с ума. Я поняла, что не могу есть, тем более, что сухая корка царапнула десну, и от солоноватого вкуса крови меня чуть не вырвало.

— Даже не верится, что совсем недавно так тянуло попробовать крови, больше того, я мечтала напиться из раны одного очень странного типа, к которому меня по-прежнему тянет. Вон он ходит, не смея поднять глаз, тоже ведь голодный, как и Фредди, — и совершенно спокойно, словно и не было неприятного разговора, сказала:

— Эй вы, двое, не считаете, что пора подкрепиться? На этом бревне еще полно места, садитесь уж, так и быть.

Спутники сразу же повеселели: уселись неподалёку от меня и, открыв свои мешки, принялись жадно уничтожать припасы, причём делали это молча, с опаской поглядывая в мою сторону.

Я пила воду, посмеиваясь про себя:

— Ай да Франни, навела шороху, совсем запугала ребят. Ничего, в следующий раз будут знать, как со мной связываться.

Посколькуна сухую лепёшку смотреть не хотелось, я огляделась по сторонам в поисках чего-нибудь съедобного. Мы оказались в самом настоящем осеннем лесу, внешне почти ничем не отличавшимся от нашего, росшего возле замка отца. Пора ягод уже прошла, но могли быть грибы, собирать которые я очень любила. Невинным голосом пожелала удивлённым друзьям «приятного аппетита», сообщив, что посмотрю поблизости грибы: может, соберу на похлёбку или жаркое.

Но Арчи от этих слов чуть не подавился:

— Что ты, Франни! Здесь категорически нельзя есть то, что растёт *из земли* и даже пить воду из ручьёв и подземных источников. Мы сейчас находимся как раз рядом с теми горами, в которые так стремятся любители быстрой наживы. В них много пещер, где раньше добывали драгоценные камни. Но люди там заболели странной болезнью и быстро умирали. Потому приказом деда нынешнего Короля все шахты были закрыты и входы в них завалены камнями.

Он тяжело вздохнул:

— Но отравы уже просочилась из пещер и заразила все окрестные земли, поэтому мы не будем здесь задерживаться и пойдём по тропе, отмеченной на карте. Примерно через день быстрого пути миновем опасные места и выйдем на дорогу, ведущую к столице. Её старое название — Чёрная Луна. Я не знаю, кому пришло в голову дать городу такое имя, однако с лёгкой руки этого безумца, всех жителей Королевства стали называть «пожирателями Чёрной Луны». Не спрашивай — почему, у меня нет ответа. Именно в столице находится большинство храмов, посвящённых местным божествам. Думаю, там надо искать жрицу, знающую, как уничтожить твою колдовскую книгу.

Я внимательно выслушала Арчи, но не могла не спросить:

— Ты же убеждал, что ничего не помнишь о своей Родине, а оказывается, у тебя есть даже карта для безопасного прохода. Так ты всё это время обманывал меня, *друг*?

— Карту мне дал тот человек, что приходил ночью. И я тебя не обманывал, Франни, не надо так говорить, — я видела, как потемнели его глаза, и на щеках вспыхнули яркие пятна волнения. Арчи был не на шутку расстроен, а, может быть, и обижен на меня. В любом случае, он отвернулся и дал команду всем быстро садиться на коней, чтобы как можно скорее покинуть опасные земли.

Мы с Фредди подчинились, и я снова оказалась у Арчи за спиной. Но уже не прижималась к нему, а просто держалась за куртку, с тоской посматривая по сторонам. Когда отъехали от тоннеля, зачем-то оглянулась назад и замерла: сквозь иллюзию стены прошли Дон и Марк. В отличие от нас, они потеряли своих коней и двигались медленно, судя по всему, ещё не придя в себя после магического удара, всё равно упрямо продолжая меня преследовать.

— Боже... Простят ли они меня когда-нибудь за то, что я с ними сотворила? Вряд ли, — боль сдавила грудь, — а смогу ли я забыть то, что пришлось вытерпеть по их вине? — на этот вопрос ответа тоже не было...

Я окликнула Арчи:

— Дон и Марк вышли из тоннеля, быстрее вперед!

Он не стал задавать лишних вопросов, пуская лошадь в галоп. Встречный ветер, ещё совсем недавно казавшийся мне таким освежающим и приятным, теперь раздавал пощёчины своими ледяными руками, заставляя щёки краснеть, а глаза — слезиться. И только я знала, что ветер тут совсем ни при чём. Это совесть вновь упрекала меня, крича, что сама во всём виновата — безрассудством изменив судьбы стольких людей...

Дорога только поначалу казалась ровной и прямой, но вскоре уже извивалась подобно змее, и на поворотах нам пришлось придерживать коней. Лес внезапно кончился, и я впервые увидела горы — такие высокие, покрытые белоснежными покрывалами изо льда и снега, что пришлось задирать голову, чтобы увидеть их сверкающие на солнце вершины.

— Какая красота! — не удержалась я, — какие огромные, кажется, что они совсем близко...

— Это обманчивое впечатление, до них несколько дней пути, но нам туда не надо, верно? Мы же не охотники за драгоценными, несущими смерть камнями, нам — в другую сторону, подальше от них. И, кстати, это совсем невысокие горы, они старые и уже разрушаются от времени. Я видел вершины, спрятанные в облаках, вот это действительно горы: добираться туда трудно и смертельно опасно; воздух холоден и не даёт глубоко вздохнуть, часто кружится голова, а в снегах — полно трещин и провалов. Страшно вспомнить, такое дело...

— Так куда мы тогда сейчас направляемся, Арчи-путешественник и большой хвостун? — просмеялся Фредди.

Мой рыцарь смутился, и, хоть я не видела лица, живо представила, как покраснели его щёки.

— Мы спускаемся в долину, там есть небольшой посёлок, где живут упрямы. Они считают, что никакой угрозы давно нет, а остальные жители переехали в другие, более безопасные места. Не знаю, успеем ли мы проскочить его до темноты, или придётся там заночевать.

Я и так была напугана его словами, поэтому спросила:

— А это не опасно — оставаться там, мы не заразимся?

— Нет, только сразу предупреждаю — пить воду из колодца и есть местные продукты нельзя. Обойдёмся тем, что осталось в наших котомках.

— Надеюсь, у тебя, Коротышка, хоть что-то осталось; я, честно говоря, так проголодался, что смёл те жалкие крохи...

Арчи засмеялся, перебивая Шута:

— Ничего нового я не услышал, обжора! Ладно, поделюсь с тобой.

— Можешь взять и мой хлеб, Фредди, я не голодна, — солгала, чувствуя, как всё больше подташнивает — желудок требовал еды. В этот момент внезапно закружилась голова, и меня потянуло к земле.

На этот раз Арчи не успел помочь, зато его друг оказался на высоте — удержал от падения, крикнув рыцарю, чтобы тот остановил коня. Кто-то из них осторожно снял меня и, заботливо придерживая, посадил на большой камень у дороги. Арчи попросил Фредди

достать свою сумку, вынув из неё два сморщенных яблока, на которые и смотреть — то было противно.

Я помотала головой, хотя от этого она ещё сильнее закружилась:

— Не хочу...

— Не торопись с выводами, Франни, — и он что-то зашептал.

Невольно улыбнулась, глядя, как некрасивые плоды, расправляясь, превращаются в румяные и наливные. Фредди засмеялся:

— А ты уверен, что их можно есть?

За что тут же получил тычок в бок от друга; Арчи протянул мне яблоко:

— Не слушай Шута, ешь: впереди длинная дорога, тебе нужны силы.

И хоть «омолодившиеся» волшебным образом яблоки меня совсем не привлекали, я рискнула. И не пожалела — вкус был изумительный и совсем не напоминал знакомые с детства плоды: ароматный, пряно-сладкий, тающий во рту и одновременно такой же сытный, как целый ужин в замке отца. Съев одно яблоко, сразу же почувствовала себя совершенно здоровой и, убрав второе в походный мешок, сама вскочила на коня, готовая немедленно продолжить путь.

Фредди удивлённо качал головой:

— Если у тебя были такие замечательные яблоки, почему не поделился с нами, а заставил всех грызть сухие лепёшки в этой чёртовой норе, словно мы домашние мыши?

Арчи занял своё место впереди:

— Это целебные фрукты, у меня их мало, они только для *особых случаев*. Видишь, пригодились. Если мы не поторопимся, то придётся ночевать в посёлке, а это не очень хорошо. Не хочу вас пугать, но люди, что много лет живут на отравленной земле — сами сильно изменились. Я не знаю, чего от них ждать. Может, успеем проскочить.

И снова Фредди с ним не согласился:

— Допустим, проедем мы этот *нехороший посёлок*, а что дальше? Ночёвка в лесу у дороги, где нам могут встретиться *ещё более странные животные*? Это не менее опасно, друг.

Арчи промолчал и пришпорил коня, дав понять, что не собирается обсуждать этот вопрос. Но совсем скоро нам пришлось остановиться, тогда я в первый раз поняла, насколько непредсказуемы горы. Дорога вела вниз под небольшим уклоном и часто петляла. За одним из поворотов, видимо, произошёл обвал. Не настолько большой, чтобы с ним нельзя было справиться, но время было потеряно, и, измученные, уже перед закатом мы обрадовались, когда впереди замаячили огни посёлка.

Темнело очень быстро, и Арчи погонял усталых коней вдоль единственной улицы к самому большому зданию, оказавшемуся местным трактиром. Мальчишка-слуга забрал у нас коней, молча кивнув на дверь, из-за которой раздавались звуки музыки и шумные крики. Я спросила:

— В посёлке какой-то праздник?

Он посмотрел на меня грустными глазами:

— Вам повезло, сегодня здешний староста отмечает свадьбу дочери. Приглашены все жители и заезжие гости. Угощение — бесплатное, а вот за комнату придётся раскошелиться.

Парнишка шмыгнул носом и ещё раз, как показалось, завистливо окинув меня взглядом, увёл лошадей в конюшню.

— Какой странный мальчик, что-то с ним не так, не пойму только, что...

Фредди нахмурился, и мне это не понравилось.

— У него нет ушей, такое дело, — негромко произнёс Арчи, — многие жители посёлка страдают разными уродствами, это яды в земле так на них действуют. Дети рождаются с дефектами, но родители всё равно не хотят покидать эти места. Думаю, они промышляют контрабандой драгоценных камней.

— Не может быть, — возмутилась я, — даже редкие караваны сюда не доходят, кому им сбывать камни? Неужели в этой стране находятся дураки, готовые платить за собственную смерть?

Арчи проигнорировал мой вопрос, а Фредди ещё больше помрачнел. По лицу друга я видела, что он что-то скрывает, но не стала к нему приставать. И так слишком устала. Из дверей выбежал пьяный мужчина и, увидев нас, громко рыгнул:

— О, дорогие гости пожаловали! Проходите, проходите, мы сегодня всем рады... — и нетвёрдой походкой направился за дерево, на ходу умудряясь развязывать штаны.

Я хмыкнула:

— Вот дуралей!

Фредди шепнул на ухо, пока Арчи смотрел на нас двоих, не торопясь открывать входную дверь:

— Это не шутки, Франни. Эти люди совсем без тормозов, если подумают, что мы хотим помешать «их промыслу» — прирежут по-тихому. Я имел дело с контрабандистами, знаю, что говорю. Держи ушки на макушке. Если что, мы едем к родственникам в столицу, поняла? Помнишь, как она называется? Чёрная Луна.

Я растерянно кивнула в ответ. В это время дверь распахнулась, и на нас обрушился громкий нестройный рёв толпы, поющей под не менее отвратительный аккомпанемент местных музыкантов — и те, и другие безбожно фальшивили. В зале было очень светло, аппетитно пахло, и, хоть желудок казался полным, я невольно сглотнула, впрочем, как и мои спутники. И тут же приуныла, вспомнив, что пробовать здешние *деликатесы* нам нельзя.

Мы растерянно стояли у входа, казалось, никто не обращал на нас внимания. И тут, словно из-под земли, вынырнул невысокий полный человек в нарядной одежде с добродушной, почти гостеприимной улыбкой. Он мог показаться вполне нормальным, если бы не большие родимые пятна, покрывавшие его крупное лицо, словно острова в море.

— Что же вы стоите на пороге, дорогие гости! Эй, мальчик, проводи наших друзей к столу и принеси лучшего вина.

К нам подбежал уже знакомый мальчишка, но его оттолкнула дородная и некрасивая молодуха, судя по венку из опавших листьев и яркому платью — то ли подружка невесты, то ли сама новобрачная. В руке она держала поднос с тремя металлическими кубками, украшенными подозрительно блестящими камнями, при виде которых я инстинктивно попыталась спрятаться за Арчи. Но он не позволил, выразительно посмотрев на моё испуганное лицо.

Тем временем толстуха произнесла приятным мелодичным голосом:

— Опоздавшим на свадьбу вино подаёт сама невеста, это наша традиция. И никакие отказы не принимаются, вы же не хотите оскорбить целый посёлок? — она улыбнулась, обнажив красные воспалённые десна и почерневшие зубы. Её пороссячи глазки, недобро прищурившись, как-то уж слишком плотно на меня смотрели.

— Мамочки, да она наверняка людоедка... Как-то Дон рассказывал, что бывают такие ненормальные — любят человечину. Что же делать?

Паника накрыла меня с головой.

И тут вперёд вышел Арчи. Он низко поклонился и, улыбнувшись, буквально выдернул поднос из рук растерявшейся невесты. Дунув поверх кубков, спокойно сказал:

— Не будем обижать таких прекрасных хозяев, пейте, друзья, уверяю, *вам понравится!*

Мы с Фредди переглянулись, он с поклоном принял кубок и выпил залпом, крякнув:

— Замечательная штука, счастья молодым!

Тут только я заметила, что зал притих и наблюдает за нами. Деваться было некуда, и, храбро взяв переливающийся камнями сосуд, выпила, почувствовав, как обыкновенная вода льётся мне в горло.

Как же я могла забыть, что рядом находится замечательный Фокусник! С умильной улыбкой, как дурочка, хлопая ресницами, прощбетала:

— Счастья такой прекрасной невесте и её наверняка достойному жениху!

Моё пожелание было встречено рёвом публики и благосклонной, но очень страшной улыбкой невесты. Она забрала кубки и скрылась в толпе, продолжившей реветь свои странные песни. Пот неприятно холодил спину, и ужасно хотелось почесаться, но от волнения руки словно сковал мороз.

Смотревший на нас, открыв рот, мальчишка неожиданно подёргал Арчи за рукав, прошептав ему в ухо:

— Ты — Фокусник, да? Там же сонная настойка, она должна была сразу свалить вас с ног, вот это да! А ещё покажешь? Я так мечтал сбежать отсюда и посмотреть настоящее представление...

В его глазах появились слёзы, и Арчи кивнул, неожиданно громко захлопав в ладоши. Все сразу замолчали, уставившись на него. Тут только я смогла немного рассмотреть местных жителей — большего собрания уродов мне в своей жизни ещё не приходилось встречать. Даже затошнило, но не от отвращения, а жалости к ним.

Опустив глаза в пол, я не стала смотреть устроенное Арчи представление — мелькали разноцветные шары, появлялись и исчезали забавные животные, взрывались фонтаны огней — публика была в восторге, хлопая в ладоши, одобрительно топая ногами и посвистывая. Мне же было тоскливо, и не отпускало чувство надвигающейся беды. Хотелось только одного — поскорее уйти отсюда и спрятаться, чтобы не видеть эти лица, больше похожие на уродливые маски.

Мы сидели за крайним столом, делая вид, что ковыряемся в еде, пока Арчи отвлекал от нас внимание. Мальчик, не спускавший счастливых глаз с происходивших вокруг «чудес», вдруг наклонился к Фокуснику и что-то ему прошептал. Тот нахмурился, кивнув в ответ и обратившись к нам:

— Немедленно заткните уши.

Мы беспрекословно подчинились. Арчи негромко произнёс несколько слов, и вся «свадьба» повалилась на лавки, громко храпя.

Рой, так звали нашего нового знакомого, махнул рукой, приглашая за собой. Мы пошли, и я попыталась спросить Фредди, что же происходит, но он только буркнул:

— Сам не знаю, но чувствую — ничего хорошего, помалкивай и беги. Прав был Арчи — это гиблое место.

— Беги, беги, — проворчала я, — последнее время только этим и занимаюсь.

Рой вывел нас к конюшне, у ворот уже стояли осёдланные кони.

— Поезжайте по дороге, не сворачивая, и постарайтесь заметать следы. Когда все

очнутая, скажу, что вы вернулись назад в горы. Скоро будет развилка, поворот направо закрыт поваленным деревом, но у вас же есть маг, — и он выразительно посмотрел на меня, — сможете пройти. Недалеко от берега озера в лесу стоит мой шалаш, я часто сбегая туда, когда становится невмоготу. К озеру не подходите, это опасно. В шалаше есть запас чистой воды, её можно пить, она из безопасной долины. Скоро я и сам убегу туда, уже договорился с одним человеком: он возьмёт меня в работники — его не пугает отсутствие ушей.

Мальчик тяжело вздохнул, пока мы садились на коней:

— Они бы вас убили, я слышал, как староста говорил с отцом — пришёл приказ из столицы схватить Фокусника со спутниками и доставить во дворец. А ещё лучше — прикончить на месте. Уезжайте скорее, я не такой как они. Пусть боги хранят вас, но будьте осторожны: кажется, кое у кого есть могущественный враг...

Я наклонилась и погладила Роя по голове, прошептав:

— Спасибо! — а он, неожиданно поцеловал мою руку и покраснел.

Арчи прищипнул коня, и мы помчались по ночной дороге, освещаемой большой луной. Я оглянулась на одиноко стоящую фигурку ребёнка, махнув ему рукой на прощанье. Фредди держался рядом и прокричал:

— Ну, вот и ещё одна жертва безответной любви к Франни...

В тот момент мне было не до шуток, поэтому ничего ему не ответила. Крепко вцепившись в куртку друга, думала только о своей усталости, о том, что надо выдержать и не свалиться с коня. Дорога оказалась не длинной, и очень скоро показалась развилка. Путь направо был завален огромным упавшим деревом, как и говорил Рой. Не слезая с коня, я прочитала заклинание, и в завале образовался небольшой проход. Мы неторопливо прошли насквозь, после чего он закрылся.

Со стороны могло показаться, что все спокойны, но я прекрасно понимала, что это не так: мы оказались в чужом, враждебном месте и полагались только на слово незнакомого ребёнка, который, кстати, совсем не прост. То, что показалось мне странным в первый момент, было вовсе не отсутствие ушей. Стоило почувствовать в нём *магию*, и он сразу догадался, *кто я* на самом деле. Рой, несомненно, обладавший большим магическим потенциалом, вынужден будет растрачивать себя на подённой работе. Какой кошмар...

Впереди из-за деревьев что-то блеснуло, и, проехав ещё немного, мы оказались перед небольшим озером, чья спокойная гладь переливалась в свете луны. Появилось нестерпимое желание немедленно слезть с коня и, как в детстве, зайти по колено в воду, пусть даже на дворе начало осени, а не жаркое лето. Но голос Арчи меня отрезвил:

— К озеру не приближаться: мало того, что вода отравлена, в ней может водиться любая пакость. И вряд ли это русалка, с которой ты умудрилась подружиться на мельнице, — при этих словах Фредди посмотрел на меня с изумлением, — сворачиваем к лесу. Посвети немного, Франни, надо найти шалаш Роя.

Я сделала, как он просил, и вскоре мы нашли просторный шалаш, у которого даже оказалась сплетённая из лозы дверь. Внутри — лежанка с матрасом, которую сразу уступили мне, самодельный очаг с запасом хвороста, несколько кувшинов с водой и старый котелок. Развели огонь, и Арчи замаскировал его иллюзией; вскипятили немного воды и доели лепёшки. Таким сегодня был наш нехитрый ужин.

Перед тем как улечься спать, закрыли «дверь», договорившись о поочередном дежурстве. Моя смена была самой последней, а я так устала, что почти сразу уснула. И неважно, что за нами наверняка была погоня, и под боком в озере плескались монстры.

Франни хотела спать, и я не завидовала тому, кто в тот момент попробовал бы мне помешать.

Сон был беспокойным и спутанным: я бежала, меня догоняли, и на этот раз это были не Дон и Марк, а пьяная свадьба во главе с невестой. Они уже поймали Фредди и тащили его на костёр, вероятно, собираясь зажарить, а он смеялся над ними, называя свинорылыми уродами. Невеста разозлилась и откусила моему смешливому другу ступню, но это его ещё больше развеселило, и Шут хохотал над толстухой, сверху до низу залитой его кровью...

В этот момент кто-то тронул меня за плечо, и я в ужасе подскочила, схватив первое, что попало под руку — это оказался пустой котелок, и хорошенько приложила нападавшего по голове. Он заныл голосом Фредди:

— Свихнулась, что ли? Твоя очередь дежурить, скоро солнце взойдёт. Дай мне хоть немного поспать, убийца... Всю голову разбила, глупая Франни.

Спросонья я тяжело дышала и, осмотрев пострадавшего, не увидела ни крови, ни шишки, ни синяков. Поэтому зашипела на него, боясь разбудить свернувшегося калачиком Арчи:

— Это кто из нас свихнулся, а? Цела твоя голова, её и булыжником не проломишь. Кстати, ногу покажи. Ясно, не эту, а левую. Хорошо, ступня на месте, а теперь спи, болтун, а то ещё раз котелком получишь!

Фредди заворчал, что «я точно сумасшедшая, и, мол, нечего хвататься за чужие ноги», но, не договорив, улёгся рядом с другом и звонко захрапел. Я же выпила воды прямо из кувшина и умылась, чтобы окончательно проснуться. Сквозь неплотно сплетённую «дверь» проникал серый сумрак. Ночь отступала, близился рассвет. Было холодно, а весь хворост мы сожгли ещё вчера. Ужасно хотелось в туалет, но я решила дождаться, пока покажется солнце. Выходить одной за дверь было очень страшно.

И тут почему-то подумала о наших лошадях, привязанных к дереву позади шалаша. В желудке противно зануло, и меня чуть не вывернуло только что выпитой водой. Словно подслушав мой страх, совсем рядом беспокойно зафыркали кони. Я вся обратилась в слух: то ли ветер шумел в деревьях, то ли гонял песчаные буранчики возле воды, шурша крупинками, то ли от переживаний чудилось непонятно что... Сердце бешено рвалось из груди, крича:

— Очнись, Франни, буди ребят, вы все в опасности...

Но я почему-то не могла пошевелиться, словно неведомая сила лишила меня способности двигать не только руками, но и языком. Вместо того чтобы разбудить спутников, дрожа, прислушивалась к приближающемуся непонятному, но страшному шуршанию.

— Это, наверное, змея, о-ч-ень большая змея. Такая огромная, что не проползёт в нашу дверь. Пошуршит немного и уберётся прочь, — успокаивала себя, выбивая зубами дробь.

Неожиданно по земляному «полу» шалаша прошла волна, словно *кто-то огромный* прополз под нами. Это было так страшно, не передать словами. Я уже мысленно со всеми попрощалась, а воображение нарисовало, как огромная пасть заглатывает меня и уносит во мрак...

Внезапно резко, отчаянно, словно взывая о помощи, заржали кони. Я слышала, как они шарахнулись от чего-то, потом раздался хруст, и наступила полная тишина. Нет, не совсем, что-то зашуршало прочь, а нервы не выдержали, и я упала прямо в объятия бледного Арчи.

Холодная вода полилась на лицо и по шее стекла за шиворот. Глаза открылись, и я увидела перед собой перепуганное лицо Фокусника. Он гладил меня по волосам, повторяя:

— Всё уже кончилось, малышка, не бойся, там никого нет. Ты так меня напугала, думал, умру от волнения...

Я заревела, бросившись ему на шею и слушая, как он продолжает что-то бормотать, но ничего не понимала. Поэтому отпустив его, заглянула в эти прекрасные, полные боли глаза. Арчи замолчал, и я почувствовала его горячие губы на своих пальцах — он целовал мои руки то ли, чтобы их согреть, то ли...

— Делать вам больше нечего, как миловаться прямо в шалаше, шли бы за дверь, спать мешаете, — фыркнул Фредди, переворачиваясь на другой бок.

— Крики лошадей его не разбудили, а вот тихий поцелуй он расслышал, зараза... — выдирая руки из ладоней Арчи, подумала я, на всякий случай отодвигаясь подальше от моего рыцаря.

Мы с Арчи сидели друг напротив друга и молчали. Между нами повисла неловкая тишина, она связывала, словно шёлковая, идущая прямо из сердца нить, не давая разойтись. Разрыв сулил обоим боль. Я опустила голову, делая вид, что расправляю помятый костюм, который давно пора было стирать. Арчи встал и убрал толстый сук, подпиравший дверь. И тут я испугалась:

— Ты куда собрался? Вдруг *это* — ещё там? — тихо прошипела, чтобы не будить чересчур бдительного Фредди.

— Чувствую, что *оно* ушло. Не забывай, я — природный маг, пусть и необученный. Посмотрю, что там случилось, а ты оставайся здесь, так безопаснее.

На что он рассчитывал, словно не знал моего упрямого характера?

— Вот ещё, пойду с тобой. Это ты, наверное, забыл, что я — *настоящий маг*, и, в отличие от некоторых, училась много лет. К тому же, охотница на монстров.

Лучше бы я этого не говорила, потому что сразу покраснела, вспомнив, как ещё совсем недавно дрожала в шалаше. Видимо, и Арчи этого не забыл, судя по тому, как дрогнули в улыбке его губы. Смерила его сердитым взглядом, и он покорно кивнул, но улыбаться, бессовестный, не перестал.

Солнце своим краем только-только коснулось неба, раскрасив его розовым и голубым цветами. Воздух был прохладен и насыщен влагой, как и должно быть осенним утром. Но меня снова охватил озноб, и дело было не в погоде: два очень широких следа вели прямо из-за шалаша к озеру и исчезали в нём. Крови было совсем немного, но легче от этого не становилось.

Арчи уже не улыбался и, присев на корточки, рассматривал следы на песке:

— Две твари, и довольно большие. Бедные лошадки, снова погибли из-за нас. Но, к сожалению, я не смог укрыть их иллюзией, как в пустошах.

— Почему? — вопрос был лишним, но мне надо было хоть что-нибудь сказать.

— На этой земле некоторые мои «фокусы» плохо работают. Не спрашивай — «почему», сам не знаю. Я вчера попробовал — не получилось... Это очень плохо, нам нужны кони, придётся вместе с Фредди потихоньку вернуться в посёлок, а ты побудь здесь. Уверен, днём тут достаточно безопасно, — и он встал, серьёзно глядя на меня.

— Безопасно, говоришь? Да что ты, как-то не верится! — я всплеснула руками, — нет уж, Арчи, пойдём все, ни за что не останусь здесь *одна*. Пока вы будете «доставать» коней, спрячусь на дереве и подожду.

— Хорошо, пусть будет так, — как-то уж слишком быстро согласился мой рыцарь. Видимо, не был уверен в собственных словах, — пошли будить Шута. Тут недалеко, если поспешим, придём, пока все отсыплются после попойки. Проблем быть не должно, такое дело.

— А ты не думаешь, что не все в посёлке спали этой ночью? Нас же разыскивают, наверняка и награда обещана... Кстати, а это не твой «друг» *постарался*? Тот, что приходил в тоннеле?

— Нет, это не он, я уверен в нём, — и Арчи тяжело вздохнул. Этот разговор был ему неприятен, и мы опять замолчали.

С трудом разбудили Фредди, и он пошёл с нами, недовольно ворча:

— Вот так всегда, будто я конокрад какой-то. Я уже давным — давно Шут, а не Вор. И вообще — безумно хочу спать...

Мы почти бежали, это помогало согреться. Пройдя через завал, вышли на развилку дороги и замерли в ужасе. На земле лежало несколько тел уродливых людей, отправившихся вдогонку за нами. Была среди них и отвратительная невеста, и «приветливый» человек, встретивший нас на пороге трактира, и другие обитатели посёлка. Все были безжалостно убиты мечами или расстрелянные из луков.

Но мне было плевать на них, я стояла на коленях перед телом Роя, из груди которого торчал хорошо знакомый кинжал. У меня не было слёз, только отчаяние и злость. Рука дрожала, пытаясь уложить непокорные вихры мальчишки, глаза не отрывались от солнечных веснушек на его курносом носу. Такой маленький, непохожий на других. И, глядя на него, я снова прошептала:

— Дети не должны умирать... Ох, Дон, как же я тебя любила, но этой смерти никогда не прощу, даже если ты снова станешь «нормальным».

Арчи тронул меня за плечо:

— Пошли, Франни, к счастью, их кони не убежали, так что поедем верхом. Жаль мальчика, но что мы можем поделать?

Я взорвалась:

— Такая радость, Фокусник, что у нас есть лошади, правда? И плевать на этих, пусть и уродливых, людей, и на Роя, спасшего нас от страшной участи! Что нам до них... У тебя вообще сердце есть?

Он молчал, не зная, что ответить. Вмешался Фредди, подведя к нам коней:

— Утихни, Франни! Нам тоже жаль мальчика, но знаешь, сколько раз я ребёнком только чудом избегал смерти? Тебе, домашней барышне, и не снилось... Арчи остался один на дороге в таком же юном возрасте, он мог погибнуть в любую минуту, и никто его не пожалел, кроме пожилой женщины. Да и то его потом продали как овцу. У тебя нет никакого права обвинять нас в бесчувствии... Кстати, теперь у каждого будет свой конь, а значит, сможем быстро покинуть это нечистое место.

Арчи нахмурил брови:

— Перестань, Фредди, не разговаривай так с малышкой. Она во многом права, но у нас нет времени даже на похороны, пусть этим займутся их родные.

Промолчав, выбрала себе пегую кобылу и, вскочив на неё, дала понять спутникам, что готова продолжить путь. Вскоре мы покинули развилку, направив коней по левой дороге. Именно она, согласно карте Арчи, должна была вывести нас в долину, где располагался небольшой городишко. Он считался первым «чистым» поселением на пути к столице — загадочной Чёрной Луне.

Кони были сытые и отдохнувшие, что позволяло двигаться настолько быстро, насколько это было возможно на узкой, постоянно петлявшей дороге. Мы не разговаривали, и дело было не в произошедшей недавно размолвке. Просто каждый думал о своём. Перед моими глазами всё ещё стояло бледное веснушчатое лицо Роя, его слегка приоткрытый рот и широко распахнутые глаза, до последнего момента не верившие, что это — конец всему.

О чём размышляли Фредди и Арчи — даже не задумывалась, на меня напала такая тоска, что жизнь показалась жестокой бессмыслицей, а путешествие за спасением от заклинания — напрасной, никому не нужной тратой времени.

— Зачем, куда спешу? Не проще ли просто принять бой с братьями, а потом вернуться в

замок и жить своей жизнью, — думала я, — и каждой ночью во сне видеть мёртвые лица бывших друзей, убитых собственной рукой, не смея заглянуть в глаза их отцу. Отличная перспектива, браво, Франни, браво...

Эти мысли настолько вывели меня из себя, что, пришпорив коня, пустила его во весь опор, быстро обогнав спутников. Арчи что-то прокричал вслед, но мне было не до этого. Устраивать гонки на горной дороге — не самая умная затея, но слёзы душили, и в тот момент я не могла рассуждать здраво. На повороте коня занесло, и только сильная рука Фредди удержала от падения в пропасть, о которой я даже и не подозревала.

Медленно сползла с перепуганного, громко ржущего коня, ещё плохо соображая, что была на волосок от смерти. Фредди, мокрый и злой от напряжения, замахнулся на меня, заставив сжаться от страха. Я зажмурилась, но ничего не случилось.

— Открывай глаза, Франни! Никто тебя не обидит, а если только попробует, полетит в эту пропасть шутить на дне горной речки, — голос Арчи звенел от возмущения, и, открыв глаза, я бросилась к нему в объятия, не в силах остановить рыдания.

Он шептал на ухо что-то успокаивающее, совсем как отец. Фредди же ходил вокруг нас и кричал, всем видом показывая, как тяжело ему далось моё спасение. Я вырвалась из рук Арчи и, подбежав к Шуту, обняла его:

— Прости меня, Фредди, и спасибо, что спас... Что-то я расклеилась, но постараюсь взять себя в руки и больше такого не делать. Совсем голову потеряла...

Он смутился, снисходительно похлопав меня по спине:

— Ну что ты, Франни, срыв может случиться со всяким. Не думай обо мне плохо, девочка, я и не собирался тебя... чес-слово... Просто замахнулся, ты же могла погибнуть, а я дал слово твоему отцу, что верну ему дочь живой и невредимой.

Кивнула, вытирая слёзы, резко вскочив на коня. Мне было ужасно стыдно, что повела себя перед ребятами как слабачка, поэтому отныне решила быть сильной, что бы ни происходило. Меня ещё трясло после пережитого, но, как ни странно, стало легче — ведь я убедилась, что не одна и могу доверять друзьям.

Дальше мы ехали с осторожностью, не спеша переговариваясь между собой.

— Арчи, Дон и Марк теперь впереди нас. Как думаешь, что от них ждать? Устроят нам засаду или поедут в столицу? — мой голос сел, потому что в голову вдруг пришла простая и вполне логичная мысль. Я даже не удивилась, когда Арчи задумчиво сказал:

— Не знаю, что предпримут твои «мальчики», но я бы на их месте отправился в Чёрную Луну и разыскал жрицу или ведьму, способную уничтожить заклинание. Думаю, они уже ищут её, чтобы убить, ведь тогда нам вряд ли что поможет, такое дело.

Пришлось признать его правоту:

— Я тоже об этом подумала. Значит, выиграют те, кому повезёт первыми её встретить.

— И, боюсь, это будем *не мы*, — вмешался Фредди.

Я нахмурилась:

— С чего ты так решил?

Его улыбка на этот раз была печальной:

— Потому, милая девочка, что их ведёт заклинание. Оно управляет твоими «друзьями» и, несомненно, поможет им найти колдунью, сулящую ему гибель.

Мне не оставалось ничего другого, как согласиться с ним, но я ещё надеялась на чудо:

— Неужели всё так плохо? Ну, придумайте же что-нибудь, мы обязаны обогнать их... Послушай, Арчи, а ты не можешь обратиться к своему другу, тому, что приходил в тоннеле.

Мне кажется, он важный человек и способен задержать братьев.

Реакция Фокусника на эти слова была более чем странной — он покраснел и возмутился:

— С чего ты это взяла? Ну и фантазия у тебя. Трош не станет ничего для меня делать, вообще-то, у нас очень сложные отношения. Он старался отговорить меня от поездки в Чёрную Луну... И не смотри так, Франни, всё равно ничего не расскажу об этом.

Я почему-то взбесилась, не хотелось себе признаваться, но это было похоже на ревность. Хмыкнув в ответ, ища поддержку, посмотрела на Фредди. Тот приподнял бровь и подмигнул мне:

— Вот чудеса, кто же он такой, что ты даже лучшему другу о нём ничего не рассказывал? Да ещё, как оказалось, «мальчик из местных», подозрительно... Если не хочешь, чтобы я доставал тебя глупыми шутками, поделись с нами — как вы с ним познакомились? Он к тебе клеился, или ты к нему?

Арчи покраснел ещё сильнее и, дотянувшись до друга, смеясь, отвесил ему затрепину. Мне это совсем не понравилось. Неужели Шут попал в точку? Но этого не могло быть — они похожи, как родные братья, или просто так показалось в темноте...

Через пару часов мы уже почти достигли долины, когда внезапно Арчи дал знак остановиться. Он замер, вслушиваясь в окружающую нас тишину, его лицо было сосредоточенным и напряжённым. Фокусник жестом показал, что надо спешиться. Взяв коней под уздцы, мы пошли в сторону от дороги, укрывшись за густым, не успевшим ещё облететь кустарником. На наше счастье, его заросли были достаточно высокими, чтобы спрятать не только нас, но и лошадей.

Через несколько минут томительного ожидания послышался стук копыт, и из-за поворота выехала группа всадников в чёрном одеянии. Они стремительно и очень уверенно пронеслись по крутой горной дороге, словно ничего не боялись. Я посмотрела на друзей: Фредди помрачнел, вцепившись в кинжал на поясе, Арчи же стал бледнее мела.

Из этого можно было сделать простой вывод: оба моих спутника прекрасно знали, что за типы вихрем промчались мимо. А меня, как и раньше, оставляли в неведении. Спустить им этого я не могла, и в руке сам собой появился чёрный сгусток заклинания.

— Ты что задумала, Франни, поблизости вроде нет диких зверей. Решила потренироваться на нас с Арчи? — ухмыльнулся Шут, но его глаза оставались серьёзными и не отрывались от дороги.

— Угадал, балабол! Прямо сейчас ударю по вашим глупым физиономиям, хватит из меня дурочку делать. Вижу, вы оба в курсе, что это за люди. Интересно, если вы тут *никогда не были*, — я сурово посмотрела на Арчи, — или «забыли» обо всём, откуда ощущение, что меня постоянно водят за нос?

— Успокойся и отмени убийство друзей хотя бы на время. Я отвечу на твои вопросы, но позже, на привале. Сейчас посмотрю по карте обходной путь, в долину нам нельзя. Эти головорезы в чёрном — Королевские гвардейцы, и я уверен, что мчатся они за нами. Значит, в городке, куда мы так спешили, ждёт засада. Придётся идти через горы, это опасно, к тому же, мы уже проехали место, где надо было поворачивать. Будем возвращаться. Тут нужен местный проводник, только где его взять, такое дело...

Я сразу погасила заклинание:

— Думаешь, это работа Дона и Марка?

Арчи усмехнулся, доставая из-за пазухи карту:

— Нет, Франни, такое им не под силу. В этой стране они — чужеземцы, и им грозит не меньшая опасность, чем нам. Ладно, не будем об этом, сейчас не до них. Возвращаемся назад... — он не закончил, снова побледнев.

— Что происходит, Арчи? — никогда ещё не слышала, чтобы голос Фредди дрожал, а в глазах был *такой страх*.

Арчи быстро повернулся к другу, схватил его за плечи и тихо, но очень жёстко сказал:

— Оставляю Франни на тебя, отвечаешь за неё головой. Идите дальше сами, я позабочусь, чтобы вас не трогали. Не ищите меня, сам найду...

Я смотрела на эту сцену, открыв рот.

Арчи же смущённо взглянул на меня, шепнув:

— Слушайся Фредди, я доверяю ему.

Он взял коня под уздцы и, выйдя из кустарника, спустился на дорогу. Шут прижал пальцы к губам, и я кивнула, что поняла его жест. Гвардейцы вынырнули из-за поворота, словно никуда и не уезжали, а ждали этого момента. Спешившись, они преклонили колени перед моим рыцарем. Арчи, словно не замечая их, сел на коня и махнул рукой. Неожиданный эскорт окружил его, и они умчались в сторону столицы.

Потрясённая, еле выдохнула:

— И что это было, а?

Фредди тронул меня за руку, показав на пожухлую колючую траву у нас под ногами, приглашая сесть.

— Подождём немного, пусть уедут как можно дальше. Через часок спустимся в долину, уверен, нас там никто не ждёт. Им нужен был только Арчи. Так что устроимся в настоящей гостинице, а не паршивом трактире, наконец-то отдохнём и выспимся, а завтра продолжим путь.

— Не заговаривай мне зубы, Фредди, а то я сейчас такая злая, могу и прибить...

Он уселся на землю, взялся за голову, взъерошив и без того лохматые волосы, сорвал травинку и стал задумчиво её жевать:

— Не шурши, Франни. Время есть, расскажу тебе о нашем друге то, что знаю сам. «*Такое дело*», как часто повторяет Арчи. Если б ты только знала, как он меня этим раздражает — любит прикидываться деревенщиной, хитрец. Ну, садись, вот так-то лучше. Что же там было вначале? — и он сделал вид, что задумался, почёсывая свой «соломенный» затылок. За что тут же получил от меня подзатыльник и грустно засмеялся.

— Рассказывай, почему эти люди забрали его, и кто приходил к Арчи в тоннеле?

— Вот как раз на эти вопросы у меня ответов нет. Не знаю, Франни, чем хочешь поклянусь. Не сбивай меня с мысли, дело было так:

— Мы с Фокусником тогда уже много лет работали в цирковой труппе и успели подружиться. Как-то раз после представления сидели в трактире небольшого города и пили. Тут он к нам и подошёл, этот парень из тоннеля. Сказал, что его зовут Трош, и, мол, он специально разыскивал Арчи, чтобы с ним поговорить.

Я как его увидел, так и ахнул — ну просто копия друга, только ноги нормальные. Тоже сначала подумал — у него брат объявился, и хотел уйти, чтобы не мешать. Но Фокусник нахмурился:

— У меня нет секретов от друга. Хочешь что-то мне сказать — говори при нём.

Этот Трош был очень недоволен, но согласился. Я слушал их разговор и не мог оторваться. Вот что рассказал этот парень. У одного знатного вельможи в Чёрной Луне

похитили единственного сына, и как раз накануне праздника, когда всех мальчиков должны были представлять королю. И вот этот придворный вместо того, чтобы искать «родную кровинушку», быстро подобрал похожего мальчишку из бедной семьи. Это и был Трош, его подучили и в нужный день представили королю. Видно, папочка Арчи очень дорожил своим местом у трона, а может, у него была и другая причина, как знать.

Я замерла от его слов:

— Вот так дела, прямо как в недавно прочитанном романе. Чувствовала же, что Арчи совсем непрост...

— Что ты имел в виду, Фредди?

— А то, что, если верить рассказу «красавчика», папочка сам избавился от ребёнка. Похоже, в доме всем заправляла его любовница, а Трош — её сын!

— Это он тоже тебе сказал, или сам додумался? Вот ведь фантазёр, да тебе только книжки писать... — усмехнулась я.

Фредди вздохнул, выпил воды из фляжки и продолжил:

— Ты права, Франни, это я так глупо пошутил. Тут дело в другом. Я таких типов, как Трош, вижу издали. Если честно, то почти уверен, что он всё наврал. Мне показалось, что парень рассказал эту занятную историю специально *для меня*, ведь пока он на ходу сочинял сказку, Арчи смущённо прятал лицо. Поверь, этот красивый двойник Фокусника принесёт нам одни неприятности. Думаю, на деле всё окажется ещё страшнее. Для чужеземца Трош слишком хорошо разговаривал на нашем языке. Глаза у него умные, но холодные как лёд, прямо мурашки по спине. Мне так и хотелось крикнуть другу: будь с ним осторожен, Арчи, этот парень себе на уме! Хотя, уверен, наш Фокусник прекрасно об этом знает...

Лицо Шута было настолько неподдельно печальным, что я сразу ему поверила. А, слушая дальнейший рассказ, ещё больше разволновалась за моего рыцаря. Зачем он поехал в столь явную ловушку? Ответ был один — чтобы не подставлять нас, такое дело. О, Арчи, Арчи, ты сведёшь меня с ума...

Фредди молчал, задумавшись: то ли что-то вспоминал, то ли ждал моего вопроса. И я не выдержала, хмыкнув:

— Немного же тебе известно.

Он взглянул на меня, и его губы тронула насмешливая улыбка:

— Смотрю, тебе интересно. И чем только Арчи умудряется привлекать к себе девчонок?

Так и липнут к нему, дурёхи, даже такие красотки, как ты...

Я разозлилась, но решила не подавать вида:

— А тебе завидно, да? И не стыдно сплетничать за спиной друга? Рассказывай дальше, болтун. Я, как и ты, беспокоюсь об Арчи. Что ещё известно об этом Троше?

Фредди выплюнул травинку, серьёзно посмотрев мне в глаза:

— Тут ты права, Франни, каждый раз, когда слышу об этом типе, у меня волосы встают дыбом. Жутко, хоть я и не трус. Так вот, этот Трош стал уверять, что его приёмный отец все эти годы разыскивал настоящего сына. И намерения у него далеко не благородные, как можно подумать. Вроде, он *нехороший человек* и боится, что его обман раскроется. Поэтому лжесынок не советовал Арчи появляться на Родине, а наоборот, держаться от неё подальше.

— А как Фокусник среагировал на такие «пожелания»?

Шут усмехнулся:

— Как любой умный человек: спросил этого Троша — с какой стати он так рьяно о нём заботится, ему-то что за дело? Или боится, как отец, потерять место при дворе?

И тут Фредди засмеялся:

— Ты бы видела лицо этого «добряка»: он так покраснел, я думал, его удар хватит. Трош сразу же перешёл на родной язык, я-то его почти не знаю, так, несколько ругательств, которым меня научил друг. И надо же, именно этими словами Трош и поносил Арчи, а тот ему ответил в том же духе. Оставалось только наблюдать эту «семейную» сцену и ждать, когда же они подерутся. Но всё получилось не так.

Он опять замолчал, и мне пришлось снова дать ему подзатыльник:

— Специально время тянешь, остановился на самом интересном месте. Хочешь ещё получить?

— Ох, Франни! И горячая же ты штучка, намучается мой друг с тобой. Ладно, слушай дальше. Эти двое хорошенько поорали друг на друга, а потом обнялись как братья. Причём этот Трош подвинул меня и сел рядом с Арчи. Их лица были очень серьёзны, но я не почувствовал между ними враждебности. В конце они пожали друг другу руки, и «новый родственник» нашего Фокусника ушёл, а Арчи какое-то время сидел и не отвечал на мои вопросы. Видно, ему было о чём подумать.

Я вздохнула. Рассказ Шута ничего не прояснил:

— Фредди, из того, что ты тут наплёл, не понятно, почему так его невзлюбил.

— А нет причины, малышка. Может, просто я слишком наблюдательный — за соседними столами сидели люди и внимательно прислушивались к разговору «братьев». Одеты они были как горожане, но только выправка у них — военная. Трош ушёл, и они, не скрываясь, последовали за ним. А ещё на прощание этот тип так на меня посмотрел и усмехнулся, что в его глазах я увидел свою смерть. Причём, мучительную. Поверь, Франни, я сейчас не приукрашиваю и не шучу. Чем хочешь поклянусь, чес-слово.

Фредди снова побледнел. Я пожалала его холодную руку:

— Верю тебе, друг. Помнишь, на дороге мне привиделся морок. Так это был он. Значит, если верить приметам, и мне он принесёт гибель. Но ты что-то не договариваешь. Раз Трош — сын придворного, его должна сопровождать охрана, тут как раз нет ничего удивительного. И всё же, что *не так*?

Видно было, что Шут колеблется, не решаясь довериться мне до конца, но, махнув рукой, всё же сказал:

— Ты ничего обо мне не знаешь, Франни. Есть вещи, о которых я могу говорить только со своими близкими друзьями. Дело в том, что хоть во мне нет ни капли магии, я сын потомственной ведьмы и могу чувствовать некоторые *особенные вещи*. Например, если человек связан с колдовством. Хочешь верь, хочешь нет, но магия пахнет по-разному. Вот твоя — полевыми цветами, даже когда с тебя, прости, пот течёт в три ручья. У Арчи — тёплым хлебом из печи. У обоих чистые души, потому и вашу магию я воспринимаю именно так. А от Троша несёт кровью и человеческой болью. Думаю, такие как он пытали и сожгли на костре мою маму, хотя она всего лишь лечила людей. Из-за них я маленьким ребёнком оказался на улице, ненавижу...

Снова взяла его за руку и погладила её. Фредди смотрел куда-то в сторону глазами полными слёз. Только теперь я смогла разглядеть ранние морщинки на этом круглом, добродушном и таком ещё юном лице. Стараясь не растревожить его ещё больше, осторожно спросила:

— Ты рассказал о своих подозрениях Арчи?

Он кивнул в ответ:

— Конечно, но наш Фокусник ничего мне не ответил. Надеюсь, он достаточно умён, чтобы сделать *правильные выводы*, иначе...

— Что — иначе?

— Ох, ну и глупая же ты барышня! Неужели не догадываешься? Не увидим мы его больше...

Я разозлилась:

— Это кто глупая? Сам дурак, раз так плохо думаешь об Арчи. Он хитрый и осторожный, мы с ним в дороге уже много дней, я к нему успела присмотреться.

Фредди засмеялся:

— Признайся, Франни, он тебе нравится, да? Хоть и Коротышка...

Это было уже слишком. Вскочив с места, я стала осматриваться в поисках палки, чтобы сломать её о голову приставучего Шута. Вероятно, это меня и спасло — как только наклонилась к земле, стрела просвистела прямо над головой, застряв в руке нашего шутника.

— Падай на землю, быстро, — крикнул он, зажимая рану, из которой струйкой вытекала кровь.

Я немедленно последовала совету, опустившись рядом. Он был бледен, нож в его руке дрожал, как и голос.

— Плохи дела, Франни. У меня кровь сворачивается медленно, надо действовать. Стрела не задела кость, и это единственно хорошая новость, но она пробила руку, и наконечник вышел с той стороны. Похоже, стрелявший был нечеловечески силён. Быстро отломай наконечник или срежь. Вот умница. Вытаскивай стрелу, осторожно, не спеши, — он застонал, — хорошо, а теперь не помешало бы заклинание исцеления...

Я плакала, в точности выполняя все указания болтливого друга. Кровь удалось

остановить, но Фредди очень ослаб и не мог подняться с места. Он прислушался к чему-то и, схватив меня за руку, горячо зашептал:

— Не задавай вопросов, просто делай, как скажу. Беги вверх вот по этой тропинке, шагов через двадцать поверни в сторону и спрячься в какой —нибудь яме. Сиди тихо, как мышка, чтобы ни происходило, поняла? Может, они тебя не найдут. Беги, Франни!

И я снова сделала то, чем занималась вот уже много дней — побежала, не оглядываясь, глотая горькие слёзы и отсчитывая шаги. Повернула в сторону и, увидев большое вывороченное дерево, на карачках заползла в яму, забившись так глубоко, как только смогла. В довершении прикрыла серым плащом лицо и руки. Сидела, дрожа и прислушиваясь к тому, что происходило совсем рядом.

Сначала раздались громкие мужские голоса:

— Они здесь, проклятые иноземцы... Клянусь, я попал в одного из них. Ищите, мерзавцы не должны уйти от нас живыми.

Затем послышались тяжёлое дыхание и сопение, словно кто-то очень тяжёлый взбирался на гору. И радостный крик:

— Он здесь. Кажись, сдох уже, но стрелу успел вытащить, гад! Дай-ка мне дубинку, Оро, размозжу ему голову, так будет надёжнее...

Я не стала сидеть и слушать, как убивают Фредди, а потому завопила, как мне показалось, в полный голос. Однако это было больше похоже на жалобное блеяние отставшего ягнёнка, и мне стало стыдно. Вдохнув поглубже, крикнула, одновременно выбираясь из «убежища»:

— Эй, толстозадые придурки! А ну-ка идите сюда, хочется на вас, идиотов, посмотреть...

Голоса мгновенно затихли, а затем раздались топанье и злорадные вопли, обещавшие мне «неземное блаженство» под их немытыми телами. Я стояла, ожидая, когда они поднимутся, спрятав за спину руку с тёмным сгустком боевого заклинания. Губы шептали:

— Не бойся, Франни, это не люди, а монстры. Сколько раз ты таких поджаривала, уже и со счёта сбилась. Действуй, твоя жизнь и жизнь Фредди в опасности, враги должны умереть.

И когда они показались передо мной, наглые и весёлые, ухмылявшиеся в предвкушении развлечения, я спокойно, без колебаний ударила по ним магией и, не глядя на вопившие живые факелы, понеслась вниз, туда, где посмела оставить раненого друга.

Фредди лежал, открыв глаза, на помертвевшем лице были написаны такой ужас и отчаяние, что стало совсем плохо. Бедняга, он так за меня переживал... Опустилась рядом с ним на колени и обняла.

— Я в порядке, Фредди, прости, что послушала тебя и оставила одного с этими тварями. Помутнение, наверное, нашло. Совсем забыла, что я маг и могу дать отпор. Больше такого не повторится, обещаю, и не проси меня прятаться. Франни уже перешла черту — сегодня убила троих, — и, только высказав это, уткнулась в плечо Шута.

Он нежно поцеловал меня в макушку, приговаривая:

— Моя прекрасная воительница... Вот, что ты творишь, глупышка? Рискуешь своей жизнью ради такого никчёмного дурака. Смотри, как бы я не влюбился в тебя, как наш Арчи, чес-слово...

Я засмеялась, вытирая нос рукавом многострадальной куртки. Повторила заклинание исцеления и, убедившись, что Фредди стало лучше, помогла сесть на коня. Следом сама вскочила на своего жеребца, и мы осторожно спустились на дорогу, но двигаться к городку

не спешили.

— Как думаешь, подстреленная птичка, кто были эти напавшие на нас идиоты?

Фредди скорчил глубокомысленную мину:

— Думаю, Арчи ошибался, сказав, что гвардейцам и тому, кто стоит за ними, мы с тобой *не нужны*. Верно, Шут и девчонка — только помеха и лишние свидетели. Наёмники обычно успешно выполняют работу по устранению «препятствий», эти же на мастеров не тянут. Скорее всего, крестьяне или разбойники, которым заплатили за лёгкую добычу. Это раз. Ну, а второй вариант — *твои мальчики* наняли их с теми же целями. Но это маловероятно, они предпочтут убрать ведьму Франни «лично». Надеюсь, твои «заколдованные друзья» ещё не успели добраться до Чёрной Луны.

Я выслушала эти слова и согласилась с ними:

— Куда теперь? Рискнём поехать в город?

Он пожал плечами:

— Почему бы и нет. Нам нужен отдых, да и не помешало бы пополнить запасы: наши мешки совсем похудели, так мы скоро умрём от жажды и голода. И убийцы останутся без работы, — он скорчил смешную рожицу, но я даже не улыбнулась.

— Ладно, поехали в город, горы меня уже достали, хочу выспаться в нормальной кровати и наесться до отвала.

Мы развернули коней и пустили их в галоп, остановив, когда впереди замаячили крыши домов и шпиль городской ратуши. Но сначала Фредди достал из своей скатки огромное помятое платье, заставив меня сбегать за кусты и переодеться. Платье было ужасным и висело мешком, о чём я сразу же сообщила Шуту, добавив, что не уверена, не снял ли он его с какого — нибудь трупа — запах был странный. На что он только фыркнул:

— Не придирайся, Франни. Подумаешь — немного великовато. Так я его не в лавке для вашей милости покупал, а с верёвки снял. Оно чистое, чес-слово. А то скажешь тоже — с трупа... Что я, мародёр какой-то. Подвяжи платье верёвкой и складки расправь, из тебя получится хорошенькая служанка, а то на девицу в мужских штанах все будут смотреть косо. Нам это надо?

Когда я вышла к нему, сердито сверкая глазами, Фредди довольно хлопнул в ладоши:

— Красота, теперь поедem, а то уже темнеет. Сначала на городскую площадь к колодцу — надо набрать воды. Неизвестно, будет ли у нас завтра на это время, а потом уже в гостиницу. Ты, главное, помалкивай. Я хоть языка и не знаю, но смогу договориться с местными. Что смотришь, не веришь? Да раз сто изображал «немого», сама увидишь. Давай деньги или лучше кусочки серебра, знаю, что они у тебя есть.

Я достала из-за корсажа мешочек с серебром, посмотрев на Шута с подозрением:

— Признавайся, негодник, откуда узнал об этой заначке?

Фредди скорчил невинную рожицу и, выхватив у меня мешочек, засунул себе за пазуху. Ухмыляясь, посадил на коня, и наш уменьшившийся на одного человека отряд, наконец, въехал в город. Народа на улицах почти не было, горожане рано укладывались спать. В сумерках мы нашли колодец и наполнили бурдюки водой.

Я так устала за сегодняшний безумный день, что полностью доверилась чутью Фредди. Он без труда нашёл гостиницу и выторговал нам номер с двумя койками, но сначала отвёл меня на кухню. Там после перемигивания с кухаркой, которые Шут сопровождал щипками её толстой задницы, «немой» и его «глупая подружка», честь изображать которую выпала, разумеется, мне, получили по тарелке очень вкусного рагу и кувшин пива.

И то, и другое быстро исчезло со стола — так мы были голодны. Потом Фредди проводил меня в номер, сказав, чтобы я ложилась спать, заперев на ночь дверь. А он вернётся утром и, подмигнув, добавил, что должен «отработать наш замечательный ужин».

Мне было не до смеха. Кое — как умывшись, раздеваясь на ходу, бросилась на кровать и, завернувшись в чистое одеяло, сразу же уснула. И хоть во сне я продолжала куда-то бежать, спасая бедного Арчи из страшной темницы и сражаясь с Трошем, у которого почему-то выросли рога и змеиный хвост, этой ночью наконец-то выпалась.

Утром меня разбудил Фредди, каким-то образом оказавшийся в комнате, несмотря на закрытую дверь. Вид у него был растрёпанный и слегка помятый, но вполне довольный. В окошке только начинало светать, и я недовольно заворчала, что не собираюсь вставать в такую рань.

— А придётся, Франни. Нам надо пополнить запас продуктов, рынок сейчас откроется, пойдём. Думаю, лучше здесь не задерживаться, а как можно быстрее продолжить путь в Чёрную Луну. Этой ночью я не просто развлекался, а узнал много нового. В частности, что сейчас страной заправляют колдуны. Местный король попал под их влияние и объявил всех иноземцев врагами Королевства. А наш Арчи как раз находится прямо в центре этого гадюшника...

Как только я услышала, что Арчи в опасности, сразу же проснулась. Понадобилось всего несколько минут, чтобы привести себя в порядок. К моему удивлению, ужасное платье стало меньше и выглядело вполне прилично. На мой вопросительный взгляд Фредди просто пожал плечами, мол, понятия не имею, что тут творится. К тому же, у меня появился документ с печатью, по которому я становилась законной гражданкой Горного Королевства, имеющей на попечении немого брата.

Я только удивлённо хмыкнула:

— Ну, Фредди, а ты мастер на все руки. Уверен, что нас не арестуют за подделку?

Шут ткнул пальцем в какую-то закорючку на гербовой бумаге:

— Этот значок нам очень пригодится — им отмечают тех, кто работает на тайную полицию. Поверь, теперь для нас будут открыты почти все двери.

Я посмотрела на моего весёлого друга совсем иными глазами. Выходит, пока спала, он не развлекался в постели толстухи, а побывал в другом, вероятно, очень опасном месте. Мои объятья стали для него полной неожиданностью:

— Горжусь тобой, Фредди! Надеюсь, у нас всё получится. Пошли скорее на рынок, я готова скупить всё, что скажешь, «немой братец»...

Шут расплылся в довольной улыбке, его щёки порозовели, и я ещё раз отметила, что он *очень симпатичный парень*. Особенно, когда большие голубые глаза *так смеются*, а чудесные ямочки на щеках делают его похожим на озорного мальчишку.

Рынок мы нашли без труда — местные хозяйки с корзинками спозаранку потянулись туда. Загрузившись продуктами, я с лёгким сердцем рассталась с городом, названием которого даже не поинтересовались.

— Куда теперь, ты наверняка узнал дорогу в здешнюю столицу? — впервые за много дней я была полна энергии, Фредди же выглядел уставшим, но бодрился изо всех сил.

— Верно говоришь. Дорога, на которой мы сейчас стоим, прямиком ведёт к Чёрной Луне, но нам придётся немного отклониться от этого пути. Там же, где я достал документы, узнал кое-что интересное. Трош находится под негласным наблюдением тайной полиции, я там и адресок посмотрел. Его замок недалеко отсюда. Давай навестим странного двойника

Арчи, а вдруг там мы найдём самого Фокусника? Есть у меня подозрение, что именно Трош перехватил его по пути в столицу. Рискнём или сразу поедem искать нужную нам жрицу-ведьму?

Я кивнула, даже не задумываясь:

— Сначала Арчи, потом — жрица.

Фредди словно не сомневался в моём ответе и повернул коня, немного съехав в сторону от дороги, я следовала за ним, не отставая. Пару часов мы блуждали по лесу, и показалось, что Шут специально ходит кругами. Он велел спешиться и завёл в овраг, где мы и спрятались.

— Что происходит? — прошептала я.

Но в ответ мой «проводник» только приложил палец к губам. И вскоре я поняла причину нашего кружения — из-за деревьев вынырнули два всадника в серых плащах. Они остановились совсем недалеко от нас и долго осматривались по сторонам. Старший из них сказал:

— Вероятно, показалось. Наверное, это были охотники, опять браконьерствуют в лесу. Возвращаемся назад, всё равно скоро смену сдавать. Что там слышно о нашем *подопечном*?

Его молодой напарник с готовностью доложил:

— Сидит в своём замке вот уже две недели. Никуда не выезжает, и люди его тоже на месте. Вы не находите это странным?

— Мне нет до него дела — приказали наблюдать, мы и присматриваем. Поехали, ветер меняется, скоро будет дождь. У меня кости ноют, столько времени потеряли зря.

Развернувшись, они скрылись в лесу. Я посмотрела на задумчивого Фредди. Он ответил на мой невысказанный вопрос:

— Тут два варианта. Если эти ищейки правы, то мы ошиблись, Трош не имеет отношения к похищению Арчи, и гвардейцы увезли нашего друга в столицу по приказу кого-то другого. И второй, который всё равно кажется мне наиболее вероятным. Этот Трош — тот ещё жук и сумел обвести тайную полицию вокруг пальца, что, поверь мне, совсем не просто. Уж я — то знаю. То есть, мои подозрения верны, он — колдун, владеющий сильной магией, только так наш двойник смог увести Фокусника, замаскировав своих людей. Это всё усложняет. Может, спрятать тебя здесь, и одному наведаться в замок? Он совсем близко, я специально водил этих неумех кругами, чтобы запутать. Что скажешь?

— Ни за что не останусь в лесу одна, кто знает, какие монстры тут бродят, тем более что страной фактически правят колдуны. Не забывай, Фредди — Королевство окружено пустошами. Уверена, их обитатели давно нашли сюда лазейку, а я не горю желанием с ними встречаться, да ещё в одиночку.

Шут нашёл мои слова вполне убедительными и, предупредив, чтобы беспрекословно его слушалась, повёл коней в одном только ему известном направлении.

Через некоторое время я заметила, что лес начал редеть, и вскоре мы вышли к широкому, наполненному водой рву, за которым стоял небольшой замок, скорее напоминавший неприступную крепость. Его высокие каменные стены с узкими бойницами вполне могли укрыть не только отряд бойцов, но и небольшую армию. Постройки внутри, лишённые хоть какого-нибудь изящества, напоминали хорошо укреплённые казармы с башней в центре.

— Что думаешь, Фредди? — я с надеждой посмотрела на друга.

Он нахмурился, привычно почёсывая «соломенный» затылок.

— Трудно сказать, я же не видел другие здешние замки. Может, у них тут так принято — превращать дом в крепость, или хозяину есть, что скрывать. Вдвоём нам туда не проникнуть, тут нужны особые навыки. Прости, Франни, но на разведку я пойду один. Сделаю тебе укрытие в этом овраге, посидишь до моего возвращения. А хочешь, посажу на дерево. Ты — бойкая девчонка, наверняка умеешь лазить. Угадал?

Я заволновалась, но кивнула. Хотя в нынешнем наряде — дурацком платье, навязанном мне Фредди, сделать это было не так просто, но возможно. Уж лучше пересажу на дерево, чем на земле. Меня не отпускала мысль о монстрах пустошей, которые вполне способны проникнуть в эти горы и прикончить бедную Франни. Как-то в тот момент подзабыла, что я сама — охотница на чудовищ.

Но прежде чем залезть на большое корявое дерево с огромными ветвями, заинтересовалась:

— А что будет с лошадьми? Не хочу их потерять, дважды эти прекрасные животные погибали по нашей с Арчи вине... К тому же, раз за замком ведут наблюдение, меня быстро вычислят.

— Правильно рассуждаешь. И если, не дай бог, конечно, тебя поймают, говори, что ходила за грибами и заблудилась, а на дереве от зверей пряталась. За коней не беспокойся, знаю, куда их пристроить. Так что вставай на седло и подтягивайся, я поддержу тебя. Да не лягайся ты, не подсматриваю, вот бешеная...

Раскидистые ветви помогли мне быстро забраться достаточно высоко. Теперь я смогла заглянуть за стены крепости, хотя пока это ничего не давало. Во дворе было пусто. Казалось, что в замке вообще никого нет, и, увлечённая наблюдением, я не заметила, как пропали Фредди и кони.

— И как Шут будет переправляться через ров? Мост поднят, вплавь, что ли? Так осень же, вода холодная... — рассуждала я, прислонившись спиной к шершавому стволу, чувствуя, как желудок ноет, требуя еды. Второпях не подумала, что надо было захватить с собой котомку. Хорошо, что хоть фляга с водой была привязана к поясу, и жажда приближающейся ночью мне не грозила.

Я невольно вздрогнула от мысли, что, возможно, придётся просидеть на дереве в этом страшном лесу до утра, пока не вернётся Фредди. Если он вообще вернётся... Посмотрела в сторону замка, не веря своим глазам: знакомая светлоголовая фигура в сером плаще стояла за стеной и, помахав мне рукой, скрылась за одним из домов.

— Ничего себе! И как это он так быстро успел туда проникнуть, вот уж кто настоящий Фокусник. О чём это я? Он же обучался этому мастерству вместе с Арчи, а потом ушёл.

Значит, кое-что умеет, например, отводить глаза. И вообще, я почти ничего не знаю о своих спутниках. И пусть Фредди болтал, будто в нём нет ни капли магии, кто его знает, на что он ещё способен, этот сын ведьмы.

Время тянулось медленно, и солнце начало клониться к закату. Я завернулась в плащ, с отчаянием подумав, что по ночам уже очень холодно, и волноваться о монстрах не имеет смысла. А зачем? За несколько часов превращусь в сосульку и упаду на землю, а уж там будет всё равно кто — чудовище или обычный волк, обгрызёт мои косточки.

Пока я вздыхала и мучилась, у замка произошли изменения: сначала опустился мост, и по нему промчались несколько всадников в чёрном. Они въехали в открывшиеся ворота и исчезли. Странность была в том, что гвардейцы буквально возникли из воздуха и в нём же растворились, едва копыта их лошадей коснулись «своей» земли.

— И дураку понятно, что здесь не обошлось без магии. Прав Фредди, говоря, что этот Трош — колдун. Неудивительно, что все попытки тайной полиции проследить за ним бесславно проваливаются. Ох, вот и они, легки на помине, лишь бы вверх не смотрели, а то мне конец. Или придётся их сжечь, что, как ни крути, тоже плохо...

Я сжалась в комок, прикрыв плащом лицо и руки, надеясь на защиту пока ещё густой кроны дерева. Их пёстрые капюшоны были едва видны, почти сливаясь с окружающим лесом. Зато слышимость была хорошая.

— Опять только время впустую потеряли, мерзкий колдун всех провёл. Я бы просто сжёг это гнездо заговорщиков, неужели у нас магов не хватает сделать это?

— Не лезь не в своё дело, брат! Слишком опасно. Слышал, что все, кто вставал на пути королевского фаворита, бесследно исчезали? Уверен, их никогда не найдут, или, может, мечтаешь присоединиться к нему?

— Тьфу на тебя, не говори так. Глаза б мои не видели это демонское отродье, поговаривают, что он... оборотень. Один из монстров пустошей, умеющий прикидываться человеком. Даже своего отца не пощадил, сволочь, отправил на плаху. Правда или нет — не знаю, только дыма без огня не бывает.

От этих слов сердце замерло, к счастью, болтуны не задержались под «моим» деревом, а, медленно развернув лошадей, скрылись в глубине леса. По спине побежал ручеёк холодного пота, сразу вспомнился рассказ Фредди. По словам Троша, его отец *был жив* и разыскивал настоящего сына. Кто же из них лгал? Самое страшное и наиболее вероятное — двойник Арчи, а, значит, Фокуснику грозила нешуточная опасность...

Налетевший ветерок быстро остудил тело, и, зябко поёжившись, я посмотрела на замок. Незаметно стемнело. В доме, похожем на казармы, зажглись огни. Наверное, гвардейцы сели ужинать, и голодный желудок согласился со мной, недовольно проурчав. А вот в центральной башне по-прежнему царил мрак. Моё буйное воображение тут же нарисовало мрачное подземелье, где на грязном полу лежали избитые, замученные до полусмерти друзья.

От таких мыслей слёзы хлынули если не рекой, то уж точно полноводным ручьём. Закрыв рот ладонями, чтобы не зареветь в голос, я начала раскачиваться и чуть не упала с приличной высоты, забыв, что сижу не на земле, а на ветке исполинского дерева. Это не улучшило настроения, и чтобы немного отвлечься, всхлипывая, я уставилась на огни замка. И тут...

Кто-то точно забирался вверх по стволу. И хоть делал это очень тихо, но у меня на нервной почве обострились все чувства, и вместо того, чтобы заверещать, как сделала бы

обычная девчонка, я приготовила на ладони сгусток боевого заклинания, поджидая приближения опасного гостя. Но он меня опередил, совсем рядом прошептав голосом Фредди:

— Может, не будешь меня убивать, а, Франни? Я тебе поесть принёс, горячие пирожки прямо из кухни замка — хочешь?

Но я не обрадовалась пирожку, а, погасив огонь, потянулась к Шуту, усевшемуся на соседней ветке, и, схватив его за грудки, зашипела в лицо:

— Сволочь ты последняя, а не друг! У меня чуть сердце не разорвалось от страха, а ты пытаешься пирогами задобрить?

Я довольно основательно его потрясла, да так успешно, что ветки под нами стали раскачиваться, что немного охладило мой пыл и заставило сменить гнев на милость, то есть, отобрать все пирожки у Фредди. Пока я жадно поглощала угощение, друг поправлял свой плащ и как-то слишком уж задумчиво на меня смотрел. Из-за этого я чуть не подавилась, прощамкав с полным ртом:

— Ну чего смотришь, или уже передумал делиться?

Он хмыкнул:

— Да разве я посмею? Ты же чуть не прибила, тоже мне — *подруга*. Даже не спросила, «как дела» или «что узнал». А я, между прочим, жизнью рисковал, не то что некоторые. Отсиживалась тут на дереве, птичка...

От такой несправедливости я начала икать, гнев закипел во мне, как вода в котелке:

— Какая ещё, ик, птичка! Сам же велел тут сидеть, и если тебе интересно, я тоже, ик, кое-что разузнала и без твоих странных фокусов!

— И что же? Поделись, если, конечно, не врёшь...

— Ик, сомневаешься, Шут? Тогда слушай, — и далее последовал сумбурный пересказ услышанного от недотёп из тайной полиции, дополненный собственными соображениями по поводу негодяя Троша.

Фредди изменился в лице, глубоко задумавшись.

— Ну, ик, смотрю, тебя проняло. Что на это скажешь?

Друг почесал лоб:

— Что у нас неважные дела, Франни. Если Трош действительно колдун, да ещё, не дай бог, монстр-перевёртыш из пустошей, справиться с ним будет очень сложно...

Мне вдруг расхотелось икать:

— Насколько трудно, Фредди?

— Почти невозможно, вернее, без помощи настоящего мага нам его точно не одолеть. А сделать это необходимо, поскольку я уверен, что Арчи в замке.

Я разволновалась, даже всплеснула руками так, что оставшиеся пирожки, заботливо уложенные Шутом в чистую тряпочку, вывалились прямо под дерево, на котором мы сидели. Одновременно с другом проводили их полёт и вздохнули, каждый по своей причине.

— Эх, только во вкус вошла, жаль — печально пробормотала я.

— А мне-то как жаль, твой голодный друг вообще ни одного не попробовал, спешил сюда. Знал бы, как ты меня встретишь, сам всё съел.

Мне стало стыдно и, покраснев, я осторожно потрогала его за рукав:

— Ладно, не дуйся, я же не со зла, просто очень испугалась. Знаешь, как было страшно? Рассказывай, что узнал. Ты в самом деле видел Арчи?

Вздохнув, он ещё раз с сожалением посмотрел на упавшие пирожки:

— Франни, самого Фокусника я не видел, но мы с ним давно обговорили, как и какие надо оставлять следы, чтобы легко найти друг друга. Так что сомнений в том, что Арчи «гостит» у колдуна, нет.

Фредди снова устоял на земле, и мне пришлось проследить за его взглядом. В пожухлой траве кто-то возился и фыркал, а потом исчез вместе с пирожками. Шут сердито посмотрел на меня, и я отвела в сторону смущённый взгляд. И сделала это очень вовремя. Из ворот замка выехали два всадника, и одним из них точно был Арчи. Его спутник — явно выше ростом, одетый во всё чёрное, тоже показался мне знакомым.

Фредди с ненавистью прошептал прямо в ухо:

— Куда это обманщик повёз нашего Фокусника?

— Наверное, в столицу — эту, как её, Чёрную Луну. Смотри, похоже, они беседуют вполне дружески, даже смеются. Неужели Трош околдовал моего рыцаря?

— Не знаю, не знаю, но мне это очень не нравится. Ишь ты, проехали мостик и... растаяли, как гвардейцы. Что за дела? Получается, Арчи в курсе, на что способен его высокий «двойник». Что-то мне в голову лезут нехорошие мысли, ну-ка, быстренько переубеди, «прекрасная дама»...

Я фыркнула:

— Только Арчи позволено меня так называть, и что за мысли появились в твоей соломенной голове?

— Ты только не злись и не бросайся в драку, идёт? — он поколебался немного и произнёс:

— А что если Арчи *с ним заодно*?

У меня от такой наглости даже дыхание перехватило:

— Да как ты посмел так думать о друге, столько лет с ним знаком... Радуйся, что мы на дереве, а то получил бы на орехи.

Но, кажется, Фредди меня совсем не слушал. Он задумчиво смотрел туда, где исчез Фокусник, и повторял:

— Орехи, говоришь? Это хорошо, они вкусные...

Пришлось всё-таки ущипнуть его за руку. Он вскрикнул, чуть не свалившись вниз, и сердито на меня посмотрел:

— Совсем сдурела?

После чего демонстративно перебрался подальше. Я и не собиралась перед ним извиняться, потому что была рассержена. Но долго молчать не смогла:

— Сам виноват, нечего так плохо думать об Арчи. Мой рыцарь не станет помогать колдуну-перевёртышу...

— Даже если речь идёт о его *брате*? — голос Шута был непривычно сух, — скажешь, тебе не приходила в голову такая простая мысль? Два человека похожи друга на друга как близнецы — совпадение? Да ни за что не поверю, и по возрасту они ровня. Вдруг эти двое и в самом деле — родные братья, только после того, как Арчи повредил спину, его ноги перестали расти. Я слышал о таких случаях, это как болезнь. Ну, чес-слово! Просто не повезло мальчишке. Может, отец и избавился от больного сына, оставив при себе Троша. Беда в том, что Фокусник не помнит, что случилось с ним на самом деле, или хорошо делает вид, что всё забыл...

На это мне нечего было возразить. Трош и Арчи действительно были *слишком похожи*, и объяснений этому факту я в своей голове пока не нашла. Но постаралась защитить друга:

— Знаешь же, что Арчи очень умён и, возможно, он просто притворяется перед этим Трошем. Каждый из них ведёт понятную только им игру.

Фредди заёрзал и подвинулся ближе:

— Что ж, не исключаю и такой вариант, в любом случае, завтра с рассветом отправимся за ними. Постарайся подремать, хотя, честно говоря, это опасно. Лучше провести ночь без сна, ведь если свалишься вниз, мало не покажется...

Я тяжело вздохнула:

— И что же нам делать?

— Расскажи мне о своей жизни в замке отца, а я вспомню несколько цирковых историй, так и скоротаем время. Можно, конечно, рискнуть и спуститься вниз, но...

— Нет, нет, — я испуганно посмотрела по сторонам. Вокруг было так темно, что только свет луны немного спасал положение, не давая совершенно отчаяться, к тому же, в ночи раздавались непонятные шорохи, где-то совсем рядом ухала сова, заставляя вздрагивать, — мне твой план подходит. Начинай рассказ первым, а потом уж — поделюсь тем, что помню...

Фредди оказался потрясающим и весёлым рассказчиком, и на какое-то время я забыла о страхах и волнениях, посмеиваясь над его шутками. Подозреваю, что на самом деле жизнь бродячих циркачей была совсем не так забавна, и в душе я была благодарна этому милому и терпеливому человеку за то, что он пытался меня поддержать.

Время от времени Шут расспрашивал о подробностях жизни в замке, и тогда наступал мой черёд фантазировать и смешить его. Пару раз ночью мы замирали, когда кто-то большой и шумный продирался через кусты, пыхтя и издавая странные звуки, и приходилось с отчаянием впиваться ногтями в руку Фредди. Но он не сердился, ободряюще пожимая в ответ мою холодную дрожащую ладонь.

Когда страшный зверь уходил, мы ещё некоторое время молчали, не в силах продолжать шутливые разговоры. Неожиданно пришло в голову, что жизнь специально преподаёт мне трудные, рискованные, полные опасностей и загадок уроки, которые ещё предстоит усвоить. Но кое-какие выводы для себя я уже сделала. Мой маленький мирок «домашней девочки» внезапно расширился, и взрослая жизнь оказалось совсем не такой, как рисовали мечты...

А главное, вокруг, помимо отца, Тео и его сыновей, совсем недавно ещё казавшихся единственными важными и нужными в прежней счастливой и беззаботной жизни, появились и *другие люди*. И именно они за короткое время сумели заслужить мою любовь и уважение. *Новые друзья*, которых, в конце концов, придётся покинуть, если, конечно, получится вернуть всё на свои места.

Вопрос, родившийся в уставшей голове, не на шутку меня смутил:

— А хочет ли *теперешняя Франни* возвращаться к прежней жизни?

Однозначного ответа не было, и это ужасно пугало...

Казавшаяся бесконечной ночь наконец-то уступала место утру. Едва небосклон начал светлеть, Фредди, кряхтя, слез на землю, отправившись за нашими лошадьми. У меня слипались глаза, и, чтобы окончательно не заснуть, я тоже с трудом спустилась с дерева, чувствуя, как за ночь затекло тело. Размялась немного и побежала в ближайшие кусты, терпеть уже не было сил, правда, выскочила оттуда уже через минуту.

Меня рвало у того самого ствола, на котором я, как наседка, провела ночь. Даже не знаю, почему так «прихватило» — за последнее время приходилось видеть трупы и пострашнее. Два типа из тайной полиции, ещё недавно мирно беседовавшие и рассуждавшие

о монстрах-оборотнях, были задушены тонкими синими шнурками, словно в насмешку оставленными на их вздувшихся шеях.

Пугало то, что всё это было проделано совсем близко от меня, да ещё так ловко и незаметно, что я не расслышала ни звука борьбы, ни хрипов умирающих. Лошади тоже пропали, видимо, убийцы увели их с собой. А ничего не подозревавшая Франни всё прозевала, вздыхая и пялясь на замок. Получается, убийцы просто не заметили меня? Верится с трудом, скорее всего, они вычислили наш «намест», но почему-то пощадили и меня, и Фредди. Кто же отдал им такой приказ?

Зашуршали ветки, я вздрогнула, обернувшись и зажигая огонь в ладони.

— Тихо, Франни, не прибеи меня ненароком! Это же я, привёл коней. Тут в мешках остались лепёшки и вода, перекусим, а то у некоторых уже желудок в узел скрутился, — и Фредди погладил себя по животу.

И тут только он заметил, что мне «нехорошо», быстро сообразив, чем я *занималась* до его возвращения.

— Ох ты ж! Похоже, мне повезло, что я не поел этих пирожков из замка... Плохо, да? Постой, у меня оставалась помогающая при отравлениях настойка. Потерпи, сейчас найду... — и он начал рыться в своей седельной сумке.

— Не надо, Фредди, пирожки тут ни при чём. Дай воды, в горле пересохло, — прохрипела я и, приняв от него флягу, жадно её осушила, — ты в кусты загляни, всё поймёшь...

Он нырнул в кустарник и через пару минут вышел оттуда мрачнее тучи в осеннее ненастье.

— Ты что ли их так? Да пошутил я, бешеная! Чуть что, сразу драться, разве так можно? Кто тебя замуж с таким характером возьмёт? Разве что Коротышка...

После этих слов мы немного побегали вокруг деревьев. Так, для разминки, пару раз ему попало по его глупой голове, после чего он поднял руки.

— Сдаюсь, драчунья, ты победила, чес-слово! Выпустила пар? Вон и щёчки порозовели. Палку убери, ни к чему она между друзьями...

Я так и сделала, обняв Фредди и плача на его груди. Он поглаживал меня по спутанным волосам, приговаривая:

— Ну хватит сырость разводить, лучше гребень достань и причешишь. Волосы у тебя роскошные, за ними следить надо...

Пока я следовала его совету, переплетая косы, Фредди задумчиво уплетал лепёшку. Наконец, придя к какому-то выводу, он глубокомысленно произнёс:

— Кажется, за нами кто-то следит, мне это не нравится. Ещё смущают синие шнурки. Ведь специально для нас оставили, сволочи. Кстати, я такие уже видел в пустоши. Обратил внимание на убитых караванщика и его охрану, там тоже встречались подобные штучки... Ладно, потом об этом подумаем. Забирайся на коня, поедем из леса, попробуем оторваться от «хвоста». Хотя, думаю, это будет непросто, *профессионалы*, так их раз так...

Я вскочила в седло, удивлённо спросив Шута:

— Что за странные слова ты говоришь: какой ещё *хвост*, и что такое «профессионалы»? Это вы в цирке так говорили?

Он улыбнулся, забираясь на коня:

— Почти угадала, это был «*тот ещё цирк*»... В общем, забудь, малышка. Так бывает, кажется, уже давно оставил всё в прошлом, но иногда старые словечки неожиданно сами

выскакивают, заставляя вспомнить... Не обращай внимания.

Фредди повернул на тропинку, я следовала за ним. Необычные слова почему-то показались мне очень важными для него, недаром он сразу изменился в лице, словно это был не добродушный весельчак Шут, а совершенно незнакомый человек.

Путь по лесу не занял много времени, но Фредди после моих слов замкнулся в себе и молчал, думая о своём. Я не решалась его тревожить, и только когда мы вынырнули на дорогу, спросила:

— Ну вот, наконец, выбрались из леса, какие у нас планы?

Мой спутник поднял голову, не на шутку напугав печальным выражением обычно жизнерадостного лица. Он словно постарел, особенно глаза, смотревшие куда-то вдаль. Похоже, Фредди не слышал слов, и пришлось прикоснуться к его плечу, чтобы он обратил на меня внимание. Его взгляд пугал, словно рядом находился не друг, а незнакомый человек, которому я причинила боль...

— Что я сделала не так, чем тебя обидела, скажи? Только не смотри на меня такими *страшными глазами*, — сердце трепыхалось в груди, впервые почувствовав себя в опасности *рядом с другом*.

Шут словно очнулся от забытья, улыбнувшись своей потрясающе доброй улыбкой.

— Да бог с тобой, детка! Это я просто вспомнил прошлое, и, клянусь, тебя это никак не касается. Мой гнев относится совсем к другим людям — старые счёты... А дорога — перед нами, и ведёт она в столицу. Знаю, что ты слишком устала, надо бы поесть и привести себя в порядок. А ещё неплохо сходить на рынок, послушать местные сплетни. Надеюсь, недалеко отсюда есть города или посёлки...

Я выдохнула и сразу успокоилась, теперь Фредди был прежним. И всё же что-то мне подсказывало — надо повнимательней к нему присмотреться. Сначала только Арчи казался «непростым» человеком, а теперь ещё и Шут. Похоже, им обоим здорово досталось в жизни, и, конечно, не моё это дело — лезть с вопросами, но как же хочется узнать побольше о тех, кто рядом...

В одном Фредди был прав — за эту ночь я страшно устала. Меня так и подмывало попросить его остановиться где-нибудь у края дороги, чтобы хоть немного подремать. Но гордость не позволила этого сделать, и мы двинулись вперёд. Сначала моя лошадка бежала резво, я тоже старательно делала вид, что деревья со всех сторон — это здорово, и почему бы снова не потаращиться на них. Но глаза предательски слипались, и вскоре, обняв послушного коня за шею, я благополучно уснула.

Фредди виновато разбудил меня:

— Потерпи немного, малышка, по всем приметам, человеческое жильё совсем близко. Обещаю, мы сделаем привал и хорошенько выспимся.

Я покорно кивала, стараясь не опозориться и бормоча себе под нос:

— Не спасть, не спать! Кому сказала — не спать, балда...

Черепичные крыши, утопающие в золоте осенних садов, вызвали у меня стон облегчения. Как Фредди разыскал гостиницу и проводил в комнату — совершенно не отложилось в моей дырявой памяти. Показалось даже, что я сразу уснула, стоило только увидеть кровать с горой белоснежных подушек, а спящие ноги сами довели меня к цели. Или это был заботливый друг, на руках дотащивший дремлющую Франни и бросивший её на перину со словами:

— Ведь не ест ничего, что ж такая тяжёлая-то?

На этот раз я не видела снов и проснулась, когда солнце уже ушло за горизонт. За окном

была тьма, в комнате догорал огарок оплывшей свечи, Фредди не было видно. Зато на небольшом столике нашлась миска уже остывшей каши и кружка молока, накрытая ломтём свежего хлеба. Мой разум мгновенно помутился от голода, и, забыв о хороших манерах воспитанной аристократки, я с жадностью набросилась на еду, расправившись с ней в мгновение ока. А потом без всякого стеснения подбирала со стола крошки хлеба и улыбалась, представляя, с каким ужасом на меня смотрел бы отец и как потешались Дон и Марк.

Кстати, что-то давненько от них не было известий, и на самом деле это только радовало. Я была уверена — братья ещё живы, ведь проклятое заклинание не даст им умереть, пока они меня не прикончат. Ну уж — дудки! Я должна найти жрицу первой и уничтожить колдовскую тетрадь, а для этого нужны мои друзья. А их нет — Арчи пропал, и Фредди снова убежал по своим делам, бросив одну в незнакомом месте. Надеюсь, он не думает, что я помчусь его разыскивать среди ночи?

Надувшись, в волнении стала бродить по комнате, рассматривая нехитрую обстановку. Маленькая картина в потёртой рамке на стене изображала какой-то деревенский праздник, и, взяв огарок свечи, я начала рассматривать этот «шедевр» местного умельца. Присмотревшись к грубо написанным, однако не лишённым чувства юмора героям картины, засмеялась и поправила криво висевшую рамку.

Это привело к неожиданным последствиям: часть стены отъехала в сторону, и за ней обнаружился сидевший на полу гвардеец в чёрном. Видимо, ему дали задание присматривать за нами, но сон сморил не только меня, но и этого нерадивого солдата. Я так испугалась, что мгновенно появившееся в руке заклинание превратило несчастного в горстку пепла. В растерянности смотрела на дело своих рук, повторяя:

— Простите, это вышло нечаянно...

Опомнившись, снова повернула рамку, закрыв потайную дверцу, и в ужасе забегала по комнате, подвывая:

— Что же делать? И куда подевался Фредди, почему его нет на месте, когда он так нужен?

— Ты могла бы так не мельтешить перед глазами, у меня скоро голова пойдёт кругом!

Я точно была не в себе, потому что даже не поинтересовалась, кто это со мной разговаривает, и ляпнула:

— Не могла, так лучше думается.

Тот же голос, звучавший почему-то в голове, иронично хмыкнул:

— А ты уверена, что у тебя есть чем думать?

Вот это нахальное заявление заставило меня остановиться и осмотреться вокруг. Я не сразу заметила нечто, напоминавшее притаившееся в углу маленькое тёмное облачко. Ярко-зелёные глаза вспыхнули, пушистый хвост встал трубой, и наглый котяра потянулся, выгнув спину. Это было так по-домашнему, что я невольно умилилась и, присев на корточки, засюсюкала:

— А кто это тут у нас такой хорошенький? Можно тебя погладить, киса?

Маленькая тьма закрыла свои зелёные глазки, мгновенно растворившись в воздухе. Протянув руку, я прикоснулась к полу, на котором только что сидело «нечто», и ничего там не обнаружила. В голове снова зазвучал насмешливый голос:

— Не надо меня трогать, всё равно у тебя ничего не получится. Если сама ещё не догадалась — я не простая домашняя кошка, а магическое существо. А ты, смотри, тоже кое-

что умеешь — взяла и сожгла бедного шпиона, *безжалостная Франни*.

Это меня возмутило:

— Я же не нарочно: испугалась, вот и ударила сторяча. Сам виноват, нечего было следить за мной, — обернулась и, запустив несколько световых шаров под потолок, быстро нашла говорящую нахалку.

Она вытянулась на подоконнике и как ни в чём не бывало вылизывалась, делая вид, что не обращает на меня внимания. Но я чувствовала, как хитрюга отслеживала каждое моё движение.

— А ты кто такая и откуда взялась? Местным домовым служишь, что ли? — я переняла её тактику и, не приближаясь, стряхивала невидимые крошки со стола.

Кошка фыркнула, изменив позу, и стала умываться:

— Вот ещё, не имею отношения к этой *домашней нечисти*. Я — сама по себе, — она вдруг как-то запнулась, и даже показалось, смутилась, — какая же ты невнимательная девица: даже не почувствовала меня, а ведь я с самого начала была рядом с тобой...

Теперь настала моя очередь ухмыляться:

— А ты, как посмотрю, та ещё врунишка. Я уже столько времени в пути и ни разу тебя не видела. Что на это скажешь?

Кошка повернулась спиной, делая вид, что рассматривает что-то в предрассветной мгле за окном, но её пушистый хвост раздражённо мотался из стороны в сторону.

— Не обижайся, Франни, но из тебя получился никудышный маг, хоть вроде и училась старательно. Нет в тебе чутья, только и умеешь, что кричать на друзей, проливать слёзы по любому пустяковому поводу и швыряться огнём. А этого мало... Ты возишь с собой проклятую тетрадку колдуньи, а я уже много лет к ней привязана.

Это прозвучало так искренне и совсем непохоже на её же недавние высокомерные слова. Я тут же *подобрела*:

— Неужели и ты, прости, не знаю, как к тебе обращаться, пострадала в этой истории?

Кошка развернулась ко мне и, спрыгнув с подоконника, легко взлетела на стол. Пришлось спрятать руки за спину, чтобы нечаянно не погладить пушистую тьму. Показалось даже, что она вздохнула:

— Как это точно замечено — *пострадала*, и гораздо раньше всех вас. Я влезла в дом ведьмы и поцапалась с её фамильяром. Знаешь, кто это такой? Ну и то неплохо. Это вышло мне боком, и не только им одним, — она хмыкнула, — конечно, обычной дворовой кошке не тягаться с помощником Чёрной Мэгги. Не слышала о такой? Вот невежа, ты же к ней едешь! Но я была молодая и глупая, полезла в драку, в результате чёрный изверг засунул меня в тетрадь с заклинаниями...

Я ахнула:

— Бедняжка, а что на это сказала ведьма?

Кошка, так и не назвавшая своего имени, начала, как показалось, нервно кружить по столу:

— Её тогда не было дома, на шабаш, наверное, летала, или по каким другим делам. Не в курсе... Ты себе не представишь, сколько было шума! Она эту чёрную дрянь от души погоняла метёлкой. Думаешь, за меня беспокоилась? Как же, за свои дурные заклинания переживала — мол, я всё испорчу. Но вытащить бедную кошку назад даже ведьма не смогла, сказала, что теперь сидеть мне в этой тетради, пока она сама её не уничтожит. А, делать это, похоже, Чёрная Мэгги не собирается...

Стало так жаль маленькую Тьму, почему-то именно это имя прочно засело в голове, очень уж оно подходило новой знакомой.

— И давно это с тобой случилось? — я старалась, чтобы она по голосу почувствовала моё неравнодушие.

— Не помню, — буркнула строптивая кошка, — может, лет пятьдесят тому назад или даже больше... Время взаперти течёт совсем по-другому.

Забывшись, протянула руку, чтобы приласкать бедняжку, но она фыркнула:

— А ты ещё и глухая! Говорила же, что теперь меня нельзя потрогать...

Однако пальцы, прикоснувшись к мягкой густой шёрстке, утонули в ней. Я с улыбкой гладила оторопевшее животное, приговаривая:

— И вовсе не глухая... Всё получилось, видишь?

Тьма растерялась:

— Это как-то неправильно, но приятно, мур... А на руки сможешь взять? Кусаться не буду, обещаю...

Вскоре я сидела на стуле, прижав к груди мурчащую от удовольствия кошку:

— Можно называть тебя маленькой Тьмой? Если не нравится имя, скажи.

Она подняла на меня прищуренные счастливые глаза и прошептала так ласково, словно погладила нежной лапкой внутри головы, стало даже немного щекотно:

— Тебе, Франни, можно. Как хочешь, так и называй, раньше-то у дворовой приبلуды совсем не было имени. Значит, ты *особенная* девушка, и у нас есть шанс обеим освободиться от проклятья.

Я зачарованно повторила за ней:

— Проклятье — так вот, что со мной произошло. Хотела помочь, а навлекла беду на себя и других. Мне страшно, Тьма. Если эта Чёрная Мэгги так сильна, сумею ли я с ней справиться? Да и с какой стати ей вдруг уничтожить собственное страшное заклинание?

— Тут ты ошибаешься, Франни. Не Мэгги придумала эту гадость, а дальняя родственница, приказав ей хранить и беречь эту тетрадь. Да ещё запугала до полусмерти — пригрозила ей разными бедами. Ума не приложу — и как эта рукопись вообще попала в ваш дом? Я могу выходить только ночью, вот так однажды решила размять лапки и — хоп, вместо храма, где она служила жрицей, оказалась среди леса в незнакомом замке...

Это было очень интересно, я тут же наострила уши, постаравшись разузнать как можно больше:

— Малышка Тьма, а какая она, Чёрная Мэгги, очень древняя и злая?

Кошка перевернулась, подставляя другой бок:

— Да нет, совсем ещё молоденькая, может, немного старше тебя, хотя, тут по внешности судить нельзя — она и через сто лет будет выглядеть также. Тетрадь перешла к ней по наследству от предыдущей жрицы со всеми вытекающими обязанностями. И имя *Чёрная* — тоже. Вообще-то, Мэгги неплохая, она много раз честно пыталась мне помочь, но сама чуть не пострадала, даже немного поседела. Ей, конечно, хочется вернуть тетрадь, колдунья боится последствий. Тебе придётся придумать, как уговорить её уничтожить эту гадость. Задача не из простых, так что ты уж постарайся...

Хорошо ей было говорить, а у меня от этих слов стало тошно на душе, ведь перспектива-то была — *не очень*. Я понятия не имела, как убедить незнакомую ведьму помочь, тем более, если это угрожало жизни самой Мэгги. Тут нужен был осторожный и хитроумный человек, способный придумать выход из непростой ситуации.

И он появился на пороге комнаты, удивлённо взглянув на меня:

— Ты что это не спишь, Франни? А кот где взяла, неужели выходила ночью на улицу?

Я задумчиво посмотрела на Фредди:

— Не хочу, днём выспалась, а это — моя новая знакомая. Её зовут Тьма, и она живёт в той самой тетради.

После этих слов стоявший у стены Фредди чуть не сполз на пол:

— Похоже, подруга, тебе вредно слишком много спать — заговариваешься. Кот — в тетради?

— Не кот, а кошка, магическое существо, — мне пришлось пересказать Фредди историю Тьмы. Странно, но пушистая «подружка» при звуках голоса Шута как-то сразу напряглась.

Тот выслушал меня, скептически хмурясь. И в это время кошачья шерсть встала дыбом, и, перед тем как растаять, Тьма вскрикнула:

— Этот человек причастен к похищению тетради Мэгги, возможно, он и есть вор, принесший всем нам неприятности. Я только сейчас узнала голос, берегись его, Франни!

Фредди удивлённо проводил взглядом исчезающее видение и вопросительно посмотрел на меня, ожидая разъяснений. Я ответила ему похожим взглядом, и мы почти одновременно выпалили:

— Ну и?

После минуты молчания Шут бросил какой-то свёрток на стол и, сев на край своей кровати, потёр виски:

— Смотрю, ты быстро заводишь друзей. Может, это и неплохо, но вот стоит ли верить подобному существу? Тем более, если оно связано с проклятой тетрадкой и, по твоим словам, уже много лет живёт бок о бок со страшным заклинанием. А вдруг Тьма работает на эту Чёрную Мэгги, о которой мы знаем исключительно с её слов? Ты слишком простодушна и доверчива, Франни. Не бросай в меня глазами молнии, я этого не люблю, как и грозу в целом, слишком много неприятных воспоминаний связано с этим явлением природы. Давай, не тяни, выкладывай, что эта чёрная кошка тебе ещё наговорила.

Я недолго колебалась. Фредди был, несомненно, прав: с Тьмой мы познакомились только что, и верить каждому её слову было, по меньшей мере, неразумно. Поэтому без утайки выложила другу всё, что узнала. Он внимательно выслушал и кивнул на свёрток:

— Поешь немного, думаю, пора поторапливаться в Чёрную Луну. У нас там много дел — мало того, что Арчи пропал, давненько ничего не слышно о твоих *старых друзьях*. Это меня тревожит, с другой стороны, теперь мы знаем, кого нам искать — жрицу Храма, покровительствующего Пустошам. Оказывается, и такой тут есть. Так что ешь свежий хлеб, только что из пекарни, а как рассветёт — помчимся вперёд, возможно, и без привалов, мы итак отстаём...

Я послушно кивнула, откусив от ароматной, обжигавшей руки горячей сдобы. Но слова Тьмы о том, что Фредди как-то связан с пропажей колдовской тетради, по-прежнему смущали, и, видя моё терзанье, он сам не выдержал:

— Что тебя так беспокоит, раз умяла почти весь наш дневной запас?

Я вспыхнула и, фыркнув, сообразила, что Шут опять посмеивается — хлеба ещё оставалось достаточно.

— Хватит насмешничать, Фредди! Лучше ответь честно — ты и правда имеешь отношение к... сам знаешь, чему?

Он отвернулся к окну и промолчал, это было плохой знак. Я почувствовала, что Шут колеблется, стоит ли посвящать Франни в свой секрет и поэтому рискнула: прижалась щекой к его плечу, жалобно прошептав:

— Фредди, не скрывай от меня ничего, говори как есть. Я твой друг и всё пойму.

Со вздохом:

— Ну, ты лиса... — он сел за стол. Только сейчас стало заметно, насколько Шут устал — тени пролегли под обычно весёлыми голубыми глазами, лицо похудело и осунулось. Мне стало так его жаль, захотелось спросить:

— А ты вообще когда-нибудь спишь? — я протянула ему горбушку хлеба, и Фредди машинально взял её, но есть не стал, нервно перекладывая из руки в руку.

— Тео попросил достать для него эту чёртову тетрадь. Он думал, что сможет уничтожить её сам. Друг твоего отца знал о тех неприятностях, которые она может принести детям. Ты даже не представляешь, малышка, что за ужасный путь пришлось проделать, выполняя его просьбу. Тем не менее, у меня получилось. До сих пор удивляюсь, как жив остался. Это стало нашим с Тео секретом, он даже Генри ничего не сказал, ведь тот не одобрил бы подобную авантюру. И, наверное, оказался прав. Если бы тетрадь осталась у ведьмы...

— Дона и Марка уже не было в живых, — продолжила за него я, — а так надежда остаётся. Не вини себя, Фредди за то, что спас ребятам жизнь. Хотя и не очень понимаю, почему ты ввязался в это опасное дело? Только не рассказывай мне сказки о благодарности за спасение бедного ребёнка. Не дурочка, не поверю...

Фредди поднял на меня глаза, полные такой боли, что я отшатнулась, пожалев о неосторожно начатом разговоре. Чтобы хоть как-то успокоить его, взяла за руку, виновато прошептав:

— Прости, вижу — это неприятная для тебя тема. Больше не буду спрашивать, может, когда-нибудь сам расскажешь.

Он ответил мне пожатием руки и грустно улыбнулся. Тут я вспомнила о том, что нечаянно натворила, и выпалила:

— Фредди, за нами всё время наблюдают! Совершенно случайно я обнаружила за стеной гвардейца.

Вскочив, он выхватил нож, прохрипев одно слово:

— Где?

Пришлось повернуть картину, продемонстрировав ему обнаруженное укрытие. Быстро окинув его взглядом, друг посмотрел на меня с недоумением:

— И где шпион, сбежал?

Я смущённо показала пальцем на кучу пепла, ожидая очередных насмешек, но Фредди засмеялся и обнял меня:

— Вот это я понимаю. Умница, хорошая работа, Франни! Что ж, всё ещё хуже, чем мне казалось, нас и в самом деле «пасут». Плевать...

— Пасут? Как коз, да? — удивилась я.

Он снова усмехнулся:

— Именно, малышка, они следят за нами, но не будем на этом *заикливаться*, — и, увидев мой удивлённый взгляд, поправился, — то есть, не стоит обращать на них внимания, пока нас не трогают. Давай, собирайся, за окном светает. Столица ждёт, поверь, это тот ещё *геморрой*... тьфу, забудь, что-то я сегодня не в форме. Несу всякую чушь...

Я собирала вещи, мечтательно улыбаясь — сегодня впервые посмотрела на Фредди по-новому: теперь в моих глазах он уже не был просто Шутом и бывшим вором с внешностью деревенского простачка. Симпатичный парень с обаятельной улыбкой и умными голубыми глазами. Сообразительный и храбрый, а ещё такой загадочный...

— Ох, потише на поворотах, Франни! Кажется, ты снова влюбляешься, а как же Арчи, он же тебе безумно нравится? Некоторые люди ничему не учатся, снова и снова наступая на одни и те же грабли. Пора вспомнить, что мне однажды уже *нравились двое ребят*. И чем всё кончилось? Теперь до смерти боюсь бывших друзей и не знаю, куда спрятаться от их ненависти. А что, если и *эти двое* отвернутся от меня? — я застонала вслух, но, увидев испуганные глаза Фредди, засмеялась как идиотка, смутив «новую жертву» своим горячим взглядом до такой степени, что его щёки покрылись румянцем, а в глазах застыл немой вопрос:

— Что это было?

Сделав серьёзное лицо, доложила:

— Я — готова, можем отправляться ко всем чертям, ой! Прости, хотела сказать — в Чёрную Луну, — и невинно похлопала ресницами, со смехом наблюдая, как Фредди попятился от меня, чуть не выронив из рук свой походный мешок и ударившись головой о косяк двери. Ну вот, теперь он, наверное, подумал, что я сошла с ума. И в чём-то он, конечно, был прав...

Мы мчались по дороге как угорелые, словно убегали от несуществующей погони, лишь изредка останавливаясь, чтобы дать коням передышку. Мимо проносились небольшие города и сельские поселения, но Фредди не разрешал даже смотреть в их сторону, торопя вперёд. Я понимала, почему он так спешит: судьба Арчи меня тоже беспокоила, но чем ближе мы подъезжали к Чёрной Луне, тем становилось страшнее. Что ждёт нас там, и кто устроил слежку? Эти вопросы не давали покоя...

Когда до ворот столицы оставалось совсем немного, Фредди предупредил быть настороже. Но я и без того так *завелась*, что даже руки дрожали. Он выехал вперёд, я следовала за ним как привязанная, и то, что произошло буквально в течение следующих нескольких секунд, долго ещё не укладывалось у меня в голове. Кто-то, незаметно подкравшись, сдёрнул зазевавшуюся дурёху с коня, нахлобучив на голову мешок, да так, что даже вскрикнуть не успела, бросив поперёк жёсткого седла. Это было больно, я чуть не закричала, но прозвучавшие совсем рядом незнакомые лающие слова быстро «успокоили» попытки сопротивления, и бессовестное сознание покинуло меня без предупреждения.

Это был не сон, а что-то другое: я плавала в бесконечном чёрном тоннеле, разводя воздух руками. Ноги и руки сковало холодом, словно меня выбросило в осеннюю реку, и для движения вперёд приходилось прикладывать все оставшиеся силы. Почему-то я точно знала, что останавливаться нельзя — сразу утону. Навстречу, не обращая ни на кого внимания, проплывали уже виденные раньше монстры пустоши. Все они были ранены и еле двигались, иногда замирая и, словно в растерянности, кружа на месте. Но потом снова продолжали своё странное «плавание», зачастую меняя при этом направление. Они тоже хотели жить, и мне почему-то было их жаль. Как, впрочем, и саму себя...

Я отчаянно барахталась, медленно проталкивая тело вперёд, и вскоре ко мне пришли спокойствие и уверенность в собственных силах. Двигаться сразу стало легче, а непонятный шум, раньше принимаемый за далёкий грохот водопада, теперь превратился в разговор двух, а может, и более мужчин. Я прислушалась, не забывая ритмично работать руками и ногами:

— Куда мы её везём? Может, прикопать девчонку здесь, в лесу? Столько неприятностей от этой ушлой парочки...

— Жить, что ли, надоело? Господин прикажет сварить тебя в кипящем масле, но сначала лично срежет все выступающие на теле части, если с головы девчонки упадёт хоть один волос.

— Она же — *просто человек*, что в ней особенного? Насколько я знаю, наш Господин равнодушен к женщинам...

Раздались звон пощёчины и грубая ругань:

— Совсем голову потерял, идиот? Как у тебя только язык повернулся говорить гадости о хозяине. Да ты никак соскучился по пыткам? Забыл уже, как выл, и сколько времени мне пришлось тебя, дурака, выхаживать *в прошлый раз*? Давно бы сам повесил недоумка, не приходись ты мне младшим братом...

«Младший» заныл, униженно прося прощения, и получил его. Какое-то время оба молчали. Внезапно раздался ещё один голос — запыхавшийся, молодой и звонкий, доложивший, что Господин сердится и торопит их — он ждёт девушку в своём доме.

Как только «молодой» удалился, братья продолжили разговор, от которого у меня и так

уже волосы стояли дыбом:

— Ну, всё-таки, брат, как думаешь, зачем она ему понадобилась? — не унимался «младший», — может, хочет из неё чучело сделать, как из тех непокорных дворян?

— Тьфу на тебя! Что за дурак уродился в нашей семье? Ты хоть слышал, о чём я тебе твердил? Не суй нос не в своё дело! Кто ж знает, что *он* задумал на этот раз. Скажу одно: здорово не повезёт тому, кто попытается встать на пути Господина. Я не знаю колдуна сильнее и коварнее него. Может, он решил принести её в жертву в одном из своих обрядов, или ему нужна заложница, чтобы было чем давить *сам знаешь на кого*... Ну, хватит болтать, давай погоним коней, а то обоим не поздоровится...

Меня опять сильно затрясло, и, как ни странно, это быстро вывело из безумного «плавающего» состояния. Я по-прежнему лежала поперёк седла, ничего не видя, кровь прилила к опущенной вниз голове, и та страшно болела, выдавая лишь одну мысль — о моих бедных косах, подметавших в пути наверняка не самую чистую дорогу...

Вдруг что-то щёлкнуло совсем близко, потом ещё и ещё раз. Следом раздалось то ли всхлипы, то ли стоны, и сидевший рядом похититель начал заваливаться набок, а следом — и на землю, заодно прихватив с собой *бедную жертву*. Лошадь резко встала, я медленно на кого-то сползла и больно ушибла бок, но меня хотя бы не размазало о дорогу.

Неизвестный осторожно снял с моей головы мешок, и, зажмурившись от яркого света, я прошептала:

— Кто тут? Ничего не вижу, наверное, я ослепла. Почему всё кружится? Кажется, меня сейчас выр...

Договорить не успела, потому что начала претворять в жизнь собственное предположение, причём делала это, перемежая позывы желудка со словами:

— Ой, мамочка, как же мне плохо! Сдохну, нет, правда, сдохну, ей богу...

После чего добавляла все выученные в дороге крепкие выражения, чем рассмешила пришедшего на выручку бессовестного друга. Он придерживал меня, поглаживая по спине:

— Да всё с тобой будет нормально, Франни. Не придумывай и не ругайся так сильно, а то даже мне от твоих слов становится стыдно.

— Хорошо тебе говорить, Фредди! Тебя-то вниз головой как мешок с овощами не тащили... — схватив протянутую мне Шутом флягу, опустошила её, глядя в его сочувствующие глаза. А потом, заревев, бросилась на шею:

— Фредди, миленький, спасибо, что спас от этих чудовищ...

Я развернулась и, пошатываясь, проковыляла к своим похитителям. Это были гвардейцы в чёрной форме, ещё не старые, с ничем не примечательной внешностью. Разве что стрелы, торчавшие из груди, делали их *особенными*. Нашла младшего, темноволосого и курносого, и злорадно пнула его ногой:

— Закопать меня решил, сволочь? Теперь сам сдох. Как, нравится тебе, а? — и я снова ударила его по ноге.

Развернувшись к старшему, собралась и на нём выместить всю ту боль, что пришлось вытерпеть по их вине, но Фредди, взяв за локоть, оттащил в сторону:

— Не надо этого делать, малышка. Они же мертвы, а к покойным надо относиться с уважением, даже если при жизни они были нашими врагами. Эти ребята — всего лишь подневольные исполнители, пинать мы будем того, кто отдавал им приказы.

Мне стало стыдно, и я покорно кивнула, быстро передав другу подслушанный разговор. Он нахмурился, но ничего на это не сказал. Посмотрев на гвардейцев, забрал у них кинжалы,

один из которых отдал мне:

— Возьми на всякий случай, хороший кинжал лишним не бывает. Хотя ты и маг, но должна уметь обращаться с холодным оружием.

— А я могу, отец сам учил дочку приемам боя на мечах, и кинжал у меня есть. Так что кое-что умею.

Фредди вздохнул, окинув грустным взглядом, осторожно снимая с моих волос налипшие травинки и засохшую грязь:

— Это понятно, Франни. А так ты умеешь? — кинжал «противника» мелькал в его руке и, не успевая следить за его движением, я в восхищении захлопала в ладоши:

— Вот это да, Фредди, как же здорово! Это ты в цирке так наловчился? Я тоже хочу, научи меня — поверь, Франни — способная...

Губы Шута скривила усмешка:

— Вижу и не спорю. На привале, если он у нас, конечно, будет, и потренируемся. А так ловко управляться с ножом я научился... в цирке, ты права. *Спецназ* называется, четыре года жизнь меня обучала, чес-слово... — Фредди задумался, что-то вспоминая.

— Спец... что? Опять твои странные словечки? — я шутливо толкнула его в плечо, пытаюсь отвлечь друга от явно неприятных мыслей.

Он улыбнулся, и его голубые глаза снова весело заблестели, а моё глупое сердце сладко заныло, напомнив, какая я влюбчивая дурочка. Было, видимо, *что-то такое* в моём взгляде, что Шут закашлялся и явно смутился:

— Ладно, достань платок и вытри слёзы. А то похожа на *клоуна* — нос красный и опух, вроде *шарика на ёлке*, глаза — щёлочки, заплыли совсем, как у поросёнка...

Дальше слушать «нелестные» сравнения я, понятное дело, не стала и со смехом немного погоняла Фредди вокруг коня, в конце концов, повиснув у него на шее:

— А ну-ка проси прощения, Шут, скажи, что я — красивая... Быстро, а то укушу! Я может, и не знаю, кто такой «клоун», и что это за «ёлка с шариками», но уверена, что им со мной не сравниться...

Его глаза сияли так, что я была готова... впрочем, это неважно. Он осторожно снял мои руки с шеи и, нежно поцеловав горячими губами, прямо скажем, не очень чистые ладошки, сказал:

— Клянусь, малышка, ты самая прекрасная девушка в мире. Нет, наверное, во всех мирах этой вселенной, но дело в том, что я — женат...

Последнее слово несколько испортило впечатление от такой замечательной речи, но меня это не смутило:

— Ты её любишь?

Фредди кивнул:

— Да, Франни.

— А где сейчас твоя жена?

Он опустил глаза:

— Далеко отсюда, увы, слишком далеко...

— Ладно, пусть так. Но я же близко...

Он растерялся, и мне показалось, что Фредди готов попятиться от меня, как совсем недавно это случилось в гостинице. Я деланно рассмеялась:

— А вот и поверил, какие же вы все мужчины — глупые! То же мне, Шут называется, а простой насмешки не понял, дуралей. Кстати, твоего коня я вижу, а где мой? Ты его бросил,

и как мне теперь ехать?

Да, совсем непросто было *переключиться* на другую тему, но я старалась не подавать вида, что в груди больно, и невидимые слёзы не смеют показаться на глаза, мешая дышать. Потому что мне ужасно стыдно — первый раз меня *отвергли*. А это неправильно, ведь я решила, что *сама выберу*, с кем мне быть. Зачем он рассказал *про жену, честный Фредди*? Как будто не понимал, что своими словами ещё сильнее влюбил меня в себя... Или это был его коварный план? Вряд ли, да на кой чёрт ему сдалась глупая девчонка...

Фредди отвернулся, делая вид, что рассматривает траву. Его голос звучал непривычно глухо и виновато:

— Прости меня, Франни, не хотел тебя обидеть.

Я встрепенулась:

— Правда?

— Разумеется. Я — про коня. Когда тебя похитили, бросился следом, совсем потеряв голову от страха. Как дурак, крикнул твоей лошадке:

— Беги за мной, раз умудрилась потерять хозяйку!

Если она не такая идиотка, как я, примчится за лучшей девушкой этой вселенной. Да вон она, стоит у куста, ждёт тебя, — он застенчиво пытался вымучить из себя улыбку, но впервые у него это не получалось.

— Вот и отлично, Фредди! Тогда поехали спасать Арчи, здесь оставаться опасно. Как думаешь, этот неизвестный злодей снова пошлёт за нами погоню? Кажется, я очень ему нужна, — деловито суетилась возле коня, зачем-то проверяя седельные сумки, лишь бы не смотреть *в эти глаза*.

Его руки так неожиданно легли мне на талию, прижимая к себе, что я вздрогнула, но не испугалась. Напротив, сердце пело от радости, а пальцы сами нашли и погладили его нагруженные, обветренные ладони. Он легко повернул меня к себе лицом, взяв его в руки, и нежно поцеловал губы, которые только и ждали, чтобы ответить на поцелуй.

Это продолжалось совсем недолго, но совершенно не походило на то, что я раньше испытывала. Губы братьев были жадными и требовали немедленной близости, поцелуи Арчи сводили с ума и соблазняли, приводя тело в трепет, а Фредди... Его прикосновение было таким трогательно-нежным, словно он боялся разбить хрупкую статуэтку или нечаянно оторвать тонкий до прозрачности лепесток цветка.

Глаза Шута были закрыты, как будто мой друг не верил, что всё это происходит с ним на самом деле. Кожа побледнела, и даже замечательные веснушки словно выцвели, стремясь раствориться в ней. Я не отрывала взгляда от «новой жертвы», и то ли влюблённость была тому виной, то ли магия решила надо мной подшутить, но внезапно сквозь знакомые черты проявилось совершенно другое лицо, которое мне не суждено было забыть.

Это был человек лет двадцати пяти, как и Фредди, но не с широким, простым лицом деревенского паренька. Его точёные черты могли принадлежать аристократу или учёному, кожа потемнела от загара, и на ней сияли ярко-голубые с «чертовщинкой» глаза, уже отмеченные первыми морщинками в уголках, что говорило о любви к веселью и шуткам. Открытая белозубая улыбка на мужественном лице была удивительно обаятельной и вместе с цветом глаз очень напоминала Фредди. Совсем светлые, с лёгким рыжеватым отливом волосы не топорщились соломой, а были, пусть и коротко, но красиво пострижены.

Даже тонкий, почти незаметный шрам, протянувшийся от виска к мочке уха — совсем не портил это выразительное, интересное лицо. Внезапно картинка стала больше, и я

увидела, что незнакомец стоит посреди каменистой пустыни в светлой с пятнистыми разводами одежде, напоминавшей форму гвардейцев. Он поигрывал большим ножом и разговаривал с другим, точно так же одетым человеком.

— Военный, это точно — видно по выправке и фигуре. Кто же этот человек? Неужели знакомый Фредди, о котором он подумал, а я нечаянно подсмотрела его воспоминания? Может, брат?

Картинка исчезла, а Фредди открыл глаза, нежно целуя меня в лоб.

— Ты права, малышка. Нас наверняка будут искать, их цель — это прекрасное создание, которое я никому не отдам. Потому что... ты мне нужна...

Это всё, что он сказал, вскакивая на коня, и я невольно залюбовалась его гордой осанкой дворянина или... военного. И почему же раньше не обращала на это внимание?

— Не может быть, а что, если тот, кого мне показало видение, и есть *настоящий Фредди*. Мой друг, вынужденный прятаться под личиной деревенского паренька, и, скорее всего, не по своей воле... Так что же с ним случилось, какую страшную тайну он скрывает ото всех?

Я взобралась на коня, бросая на Шута задумчивые взгляды. Почувствовав моё внимание, он обернулся, сразу же сведя с ума бедное сердце. И было отчего: вместо привычного лица на меня смотрел незнакомец, так похожий на Фредди и одновременно *абсолютно другой*... Я трясла головой, закрывала и вновь открывала глаза, пытаюсь прогнать видение, но у меня ничего не получалось; как ни старалась — старый друг пропал.

— Франни, с тобой всё в порядке? — он подъехал ко мне и, взяв за руку, спросил с неподдельной тревогой в голосе.

— Да... не знаю, голова странная. Это, наверное, от переживаний. Не обращай внимания, сейчас прокатимся по ветерку, и всё как рукой снимет.

Я ударила пятками по бокам коня и выехала вперёд, давая понять Фредди, что готова продолжить путь. Он быстро меня догнал и, перегородив дорогу, спрыгнул с коня, заставив снова спешиться. И сама не поняла, как оказалась в его объятьях, слушая жаркий шёпот:

— Прости, если сделал что-то не так, может, я неправильно тебя понял...

Пришла моя очередь горячо доказывать ему, что с *соображалкой* у него *всё в порядке*. Едва оторвавшись от нежных губ, осторожно провела пальцем по шраму, которого не было на лице Фредди, тут же пожалев о том, что сделала. Тяжело задышав, он отодвинулся, сняв мои руки со своей груди:

— Как... когда ты увидела *это*? — его голос так изменился, что стало страшно. Показалось, что новый возлюбленный сейчас набросится на меня с кулаками или придушит, ругаясь хорошо теперь знакомыми словами...

Я сделала шаг назад, и по моим мокрым глазам Фредди понял, что не на шутку перепугал «самую прекрасную девушку вселенной», чтобы это не значило.

— Не бойся, Франни, вот я болван, совсем разучился держать себя в руках. Объясни мне, малышка, откуда узнала про шрам. Неужели ты *его видишь*? Это же невозможно...

Я схватила Фредди за руки, словно боялась, что он от меня убежит:

— Не знаю, как объяснить: несколько минут назад, глядя на тебя, увидела совсем *другое лицо*. Наверное, в этом виновата моя магия. Скажи, кто это, если, конечно, не секрет, а не хочешь — не говори, всё в порядке.

Он помолчал, было заметно, что слова давались ему с трудом:

— Когда —нибудь я всё тебе расскажу, Франни. Этого человека больше *нет в живых*,

и, в то же время, поверь мне, он стоит перед тобой. Такие пирожки, чес-слово...

Я зябко поёжилась от несуществующего ледяного ветра:

— Выходит, ты *умер*, а потом снова воскрес в теле Фредди? Нет, не говори мне ничего, итак голова кругом. Сейчас мы должны решать другие задачи, а эту загадку я оставлю на потом. Но не забудь, ты обещал...

Фредди посадил меня на коня:

— Как только мы добъёмся цели: освободим от проклятья тебя и *заколдованных мальчиков*, клянусь рассказать о себе всё, что ты захочешь узнать.

Меня устроил этот ответ, потому что в тот момент я не была готова к «откровениям» Фредди, предчувствуя, что новые знания окончательно разрушат мой и без того хрупкий мир...

В город мы въехали, едва успев до закрытия ворот. Охрана была серьёзная, и, немного подумав, Фредди решил не рисковать новыми «документами», что он достал, попросив меня применить заклинание невидимости. Это тоже оказалось непросто, у ворот патрулировали маги. На них, конечно, не было опознавательных знаков, но я сразу почувствовала магическую ауру.

Видя мой задумчивый вид, Фредди засмеялся, сказав, что отвлечёт охрану на себя, я же должна потихоньку пройти вместе с лошадьми в город и ждать его там. Он исчез с моих глаз, но не из мыслей и сердца, растворившись в толпе толкающихся людей. Взяв коней под уздцы и выдохнув, помолилась, чтобы у него всё прошло гладко. За себя я не волновалась — уж в чём-чём, а в умении прятаться у Франни-сорванца был большой опыт, особенно когда отец или Тео разыскивали меня по всему замку после очередных *шалостей* с магией.

Смешавшись с большой крестьянской семьёй, спешившей к завтрашнему базару, я спокойно миновала патруль, хотя один молодой маг и завертел головой, высматривая кого-то в толпе. К счастью, это была не я. Сумерки быстро накрывали город, и, отойдя подальше от ворот, остановилась в стороне от дороги под первым попавшимся деревом, не решаясь снять маскировку. Наконец, немного успокоившись и здраво рассудив, что Фредди меня тоже не увидит, избавилась от заклинания и тут же вздрогнула, почувствовав *его* нежные объятия.

— Как знал, что ты выберешь это место, малышка, — у меня потеплело на душе от звуков любимого голоса, и я неохотно высвободилась из кольца ласковых рук.

— Неужели такая предсказуемая? Надо над этим поработать, кстати, куда пойдём теперь? Остаться на улице наверняка опасно, тут кругом магические патрули, что б их...

— Не волнуйся, главное, веди себя спокойно и помни: из нас двоих только ты можешь говорить на их языке. Я — твой немой брат, а ты — моя любимая сестричка.

Фыркнула, усмехаясь, хотя нервный озноб не хотел отпускать:

— Тогда не прижимайся так к «сестре», а то подумают, что ты вдобавок ещё и слепой.

Фредди поцеловал меня в щёку:

— Обещаю держать себя в руках. Двигаемся вперёд по дороге и свернём, когда скажу. Здесь есть небольшая харчевня, я останавливался в ней, правда, это было довольно давно. Там не очень уютно, зато хозяина совершенно не интересуют документы постояльцев, было бы серебро.

— А оно у нас есть? Я же отдала тебе свои последние запасы.

Шут обаятельно улыбнулся, и в этот момент мне показалось, что передо мной стоит прежний Фредди — простодушный с виду, хитроумный воришка, а не красивый молодой мужчина с цепким насмешливым взглядом, от которого иногда становилось не по себе.

— А зачем, по-твоему, я пробежался в толпе? Теперь у нас есть местные деньги и их хватит, чтобы расплатиться за ночлег. Почему ты так смотришь, Франни? Стыдишься, что твой друг — вор? Знаешь, мне и самому неприятно заниматься этим делом, но когда речь заходит о выживании, пойдёшь на многое. Вряд ли эти люди за красивые глаза одолжили бы нам немного «капусты»...

Я неподдельно удивилась:

— Здесь расплачиваются овощами?

Он задорно засмеялся:

— Прости, Франни, я имел ввиду деньги.

Мы пошли вперёд после того как Шут получил от меня лёгкий подзатыльник и притворно возмутился:

— За что?

— Нечего говорить глупости, ты — немой, вдруг нас кто-нибудь, как ты сказал, «пасёт»?

Фредди покорно кивнул:

— Нахваталась моих словечек? Молодец, малышка. Ты права — за нами следят, и это плохо, но давай делать вид, что ничего не замечаем. Пусть преследователи думают, что мы — растяпы, и расслабятся. Так нам будет легче их провести.

— А у нас получится, Фредди?

— Конечно, я тоже *не лох*, выкрутимся, дорогая, — и, взяв меня за руку, повёл вперёд.

Я покорно следовала за ним, не приставая с вопросами об очередном *новом слове*, о смысле которого и сама догадалась. Вскоре мы свернули в переулок, словно созданный для грабителей — там горел всего один фонарь, и уже в двух шагах от него царила крошечная тьма. Фредди пожал мне руку и неожиданно резко прислонил к стене дома, вдоль которой мы шли, шепнув:

— Молчи.

Уздечка второго коня оказалась у меня в руке, а Шут исчез, чтобы появиться через несколько мгновений, вытирая лезвие большого ножа, очень похожего на тот, что привиделся мне совсем недавно. Кто-то рядом тихо застонал и, судя по шлепку, свалился в уличную грязь.

Мгновенно похолодевшая ладонь снова оказалась в руке друга, быстро потащившего меня вперёд к светящимся окнам харчевни. Только когда мы оказались внутри, сердце немного отпустило и перестало неровно подскакивать, словно телега на ухабах. В зале было битком набито народу, внешний вид которого, мягко говоря, не внушал доверия, но Фредди спокойно подвёл меня к стойке и с помощью жестов уверенно «пообщался» с неприятного вида хозяином заведения.

Для нас нашёлся небольшой стол в углу зала, и вскоре я жадно ела подозрительное, но очень вкусное рагу. Соскучившись по горячему, мне было плевать на такие мелочи. Фредди медленно ковырялся в миске, словно вовсе не был голоден, с грустью поглядывая в мою сторону, так что, не выдержав, я покраснела:

— Не осуждай меня, просто твоя подруга очень проголодалась...

Вместо ответа он взял мою руку, и, поцеловав, прижал к своей щеке, и это было красноречивее любых слов. Я улыбнулась, продолжив расправу над рагу, и, если бы не смеющиеся глаза Шута, вылизала миску дочиستا. После сытного обеда мы прошли не наверх, в комнаты, а спустились куда-то в подвал. В маленьком, но чистом помещении стояла только одна широкая кровать, зато был умывальник, и я быстренько выгнала Фредди за дверь, чтобы вдоволь поплескаться.

Когда он вошёл в комнату, я уже лежала, напряжённая как струна, завернувшись в одеяло и уткнувшись носом в стенку, чувствуя спиной его взгляд.

— Спокойной ночи, малышка! Отдыхай и выброси глупости из головы. Чтобы ты обо мне не думала, я — порядочный человек и не обижу ребёнка...

Меняхватило только на то, чтобы выдохнуть:

— И тебе добрых снов, Фредди. Прости, если спрошу одну вещь, не хочешь, не отвечай, я не обижусь. В той, *другой жизни*, как тебя звали?

Ответом стало молчание, но через несколько моих вздохов, печальный голос произнёс:

— Джо. Для тех, кто меня любил — Джонни...

Я спрятала улыбку в край одеяла, прошептав так, чтобы он услышал:

— Спокойной ночи, Джонни... — практически сразу же уснув.

Удивительно, но проснулась я раньше Фредди. Его аккуратно свёрнутый плащ лежал на стуле рядом с моим, сапоги стояли у кровати. Он не раздевался и прилёг на самый край поверх одеяла. В правой руке был зажат нож в чехле. Осторожно перелезла через него и застыла: лицо друга, покрытое капельками пота, пылало. Обветренные губы что-то шептали, но даже наклонившись к нему, я не смогла понять слов — это был чужой, незнакомый мне язык. Единственное, что смогла разобрать — явно женское имя — *Мэри*. Он всё время повторял его, добавляя что-то вроде «*сорри*».

Ревность, словно жидкий огонь, заполнила тело до кончиков пальцев, мне не надо было объяснять, *кого* он имел в виду — *его жена* незримо присутствовала рядом, и с этим ничего нельзя было поделать. Но, загнав нелепое чувство вглубь, я сосредоточилась на Фредди: он был не здоров, и причина такого состояния нашлась быстро — на левой руке краснел воспалившийся порез.

Сразу же вспомнилось вчерашнее происшествие: видимо, нож *того человека* задел Фредди, а он почему-то не придавал этому значения, вот рана и дала о себе знать. Заклинание исцеления сработало хорошо, щёки Шута побледнели, а вскоре он перестал бредить, открыв глаза. Даже пытался пошутить:

— Кажется, я сегодня проспал, не поверишь, Франни, такой кошмар приснился. А у кого это опять глазки на мокром месте, что-то случилось?

Смахнула слезу ладонью:

— Да ничего особенного, просто один вояка забыл, что раны надо прижигать, чтобы не попала грязь. Даже я это знаю. Вот и пришлось спасти этого глупого человека, метавшегося в бреду и напугавшего меня до чёртиков... — я показала смущённому Фредди уже подсохший чистый порез.

Он осмотрел руку и прижал меня к себе:

— Спасибо, лучшая девушка этой вселенной! Я теперь твой вечный должник и прошу прощения за свою глупость. Слишком устал вчера, такой болван... — его губы нашли мои и долго не отпускали.

Но я не была бы собой, не умудрившись всё испортить. Не знаю, какой демон в тот момент дёргал меня за язык. Наверное, проклятая ревность...

— Лучшая девушка, говоришь? А я думала, её зовут *Мэри*, ты что-то жадно шептал ей в бреду... — сказала и сразу же пожалела об этой дурацкой шутке, изменившей лицо Фредди. Он стал ещё бледнее и, ничего не ответив, оделся, плеснув в лицо водой, вышел из комнаты.

Я недолго постучала себя кулаком по лбу, но делать было нечего — повернуть время вспять было не в моей власти. Умылась и, накинув плащ, вышла следом за расстроенным другом. Он поджидал за дверью, и, как только я показалась, схватив за руку, притянул к себе:

— Малышка, мы же договорились, пока не закончим *наши дела*, не будем говорить о прошлом... — в его голосе вина смешалась с печалью.

Я уткнулась головой в его плечо:

— Прости, Фредди, больше не буду так шутить. Сама не знаю, что на меня нашло...

Договорить не успела, потому что он резко дёрнулся в сторону, потащив и меня за собой. В том месте, где я только что стояла, из стены торчала стрела, а через мгновение к ней прибавились и другие. До меня доносился их разрезающий воздух свист, но послушная крику Фредди:

— Пригнись и беги! — я мчалась следом, сама не зная куда, боясь отпустить его горячую ладонь и отстать в этом многодневном, уже осточертевшем «забеге».

Яркий свет мазнул по глазам и, чуть не упав, поскользнувшись в луже ночного дождя, а, может и чего-то более прозаического, я приземлилась в спасительные объятия друга. Мы свернули в подворотню и обнаружили там наших коней. Не было времени подумать, как они оказались в нужном месте, но, садясь верхом, Фредди сказал:

— Просто заплатил слуге, чтобы тот утром привел наш «транспорт» сюда.

Отметив про себя ещё одно *новое словечко*, я послушно направила коня по узкому петляющему переулку, который, в конце концов, вывел нас к рыночной площади. Мы спешили, смешавшись с толпой и ведя коней в поводу. Только пройдя почти весь рынок, я решила спросить:

— Фредди, думаешь, это были гвардейцы?

Он пожал плечами:

— Вряд ли. Стрелы — самодельные, у местных вояк они другие. Скорее уж, подумал бы на твоих бывших друзей, что-то давненько о них ничего не было слышно.

При упоминании о Доне и Марке у меня похолодело в груди. Занятая собой, я совсем о них забыла. А ведь мы дружили с детства, они были моей первой любовью... Стало невыносимо стыдно:

— Что произошло с ними за это время, насколько заклинание изменило ребят, и существует ли на самом деле способ им помочь? А вдруг вся эта «беготня» — лишь пустая трата времени и сил? — такие мысли расстроили меня ещё больше, но жаловаться Фредди я не стала.

Задумавшись, с кем-то столкнулась, машинально пробормотав:

— Прости, Фредди, а куда мы идём? — подняла глаза и встретила с так хорошо мне знакомым взглядом Арчи. Его губы радостно улыбались, каштановые волосы на солнце отливали золотом, и всё же что-то с ним было не так... Он сам мне всё объяснил:

— Перепутала меня со своим бывшим дружком, да, Франни? Неудивительно, ведь мы с ним так похожи... А про нового любовника забудь, он теперь в надёжных руках моих дознавателей. Ну что испугалась? С тобой ничего страшного не случится, у меня на маленькую распутницу совсем другие планы.

Он смеялся в лицо, но я его не видела. Мой взгляд провожал двоих дюжих солдат, тащивших под мышки обмякшее тело Фредди. Они быстро скрылись в толпе, и только тогда мои глаза исподлобья взглянули на Троша, и этот недобрый взгляд заставил его подавиться смехом. Я повернула голову чуть набок, как это любил делать *мой Фредди*, и усмехнулась:

— Доволен, что справился с девчонкой? — презрительно окинув его взглядом, я выдала самые забористые ругательства, которые успела узнать в пути. Этого мне показалось мало, хотя глаза противника, явно ожидавшего слёз, а не площадной ругани, итак полезли на лоб. И, вспомнив кое-что, добавила словечко Фредди, показавшееся мне достаточно оскорбительным, — *лох!*

Он ударил меня в живот, и на минуту мир вокруг почернел от боли, но я не застонала, а, отдышавшись, сплюнула кровью от прикушенной губы, найдя в себе силы усмехнуться:

— Bravo, поступок, достойный дворянина! Справился-таки, молодец...

Я видела, как он побелел, и его перекосило от злости, значит, задела за живое. Конечно, это был очередной не очень умный мой поступок. И в самом деле, глупо дразнить голодного медведя прямо перед его оскаленной мордой, зато я сделала это от души. И он *сдулся*. Подъехала чёрная карета, в которую меня впихнули гвардейцы; не было сил даже забраться на сидение — я так и осталась лежать на грязном вздрагивающем полу, думая о том, как болит живот, и чем мне помочь Фредди...

Итогом этих недолгих, потому что карета довольно скоро остановилась, размышлений стало решение больше не лезть на рожон, а сделать всё, чтобы разыскать место, где держат Шута, используя для этого умения мага.

— Никого не буду щадить, любой, кто посмеет встать на пути, сгорит в жарком пламени. Мне под силу сжечь даже дворец, и, если потребуется, я это сделаю. И плевать, надо будет — наступлю на горло собственной гордости, лишь бы помочь друзьям. Важен результат, *такое дело*, и я справлюсь, *чес-слово*...

Карета встала, меня последний раз подбросило, ударив большим животом о жёсткий пол. Дверца распахнулась, и я мысленно приготовилась к грубым солдатским рукам, которые за косы будут вытаскивать бедную Франни наружу. Но всё сложилось иначе. Две, судя по одежде, горничные подхватили меня под руки и, охая, повели в роскошный городской дом, по красоте ничуть не уступавший дворцу вельможи.

Я успела лишь слегка окинуть его взглядом, обратив особое внимание на зарешеченные окна подвала. Больше высмотреть ничего не удалось, поскольку здоровенные горничные, внешне напоминавшие переодетых безусых гвардейцев, буквально затащили меня в двери и проволокли, заботливо вереща что-то о бедной барышне, на второй этаж в красиво убранную комнату. Это была роскошная «девичья» спальня в кружевах, лентах и полках с книгами исключительно романтической направленности. На огромной кровати под балдахином сидели куклы в длинных платьях. И всё это благоухало цветами и сияло розовым шёлком.

Чес-слово, чуть не вырвало, похоже, кому-то очень понравилась *моя спальня в замке отца*, и этот *кто-то* в точности до самых мелочей её скопировал. Вероятно, тот самый *заботливый паренёк*, так похожий на Арчи, нежно ударивший стальным кулаком юную девушку в живот. А-а, сволочь, ненавижу! И тебя, и твою мерзкую комнату с рюшами и кружевами... Захотелось немедленно засучить рукава, размазав слишком услужливых горничных по стенке.

Но я сдержалась. Во-первых, потому что дала себе слово больше не нарываться на неприятности, а во-вторых — безумно болел живот. Мне казалось, что после удара там что-то лопнуло. Внезапно пол под ногами покачнулся и полетел навстречу... Очнулась я на чём-то мягком, рядом со мной негромко переговаривались мужские голоса. Боли не было, значит, пока я была нужна Трошу живой. Не спеша открывать глаза, прислушалась к разговору:

— Делай с ней что хочешь, лекарь, но девка должна быть в полном порядке. Иначе уже сегодня будешь дрыгать ногами на виселице, так приказал Господин. Угождай ей во всём, но глаз не спускай. Она очень важная птица, сам слышал, как наш Колдун бранил себя за несдержанность. Можешь себе такое представить? И я тоже. Ну, удачи тебе, и запомни: сегодня вечером она должна выглядеть как кукла и быть послушной, у тебя ведь есть такие *специальные настойки*? — и голос, противно захохотав, стал удаляться.

Хлопнула дверь, и только тогда я расслышала дребезжащий старческий смешок:

— Да чтоб вы все сдохли, проклятые колдуны! Ничего у мерзавцев нет святого, даже детей не шадите. Но недолго верёвочке виться, скоро мы вас всех перевешаем, безбожники...

Скрипнула кровать, лекарь присел рядом, потрогав мою руку:

— Просыпайся, деточка. Знаю, что ты очнулась. Не бойся, начальник стражи ушёл и обещал, что до вечера не будет тебя тревожить. Я приказал принести сюда еду, ты выглядишь усталой и измученной, не отказывайся, поешь хоть немного...

Я открыла глаза; сначала голова немного кружилась, но постепенно всё успокоилось. На меня грустно смотрел старичок с добрым лицом:

— Франни, ты, наверное, меня не помнишь. Я как-то приезжал в ваш замок, твой отец и Тео в своё время были моими учениками и пригласили у них погостить. Я тогда пробыл там почти всё лето. Ты с мальчиками Тео была бедовой рыжеволосой девчонкой, помню, сладу с вами не было, но родители всегда гордились своими детьми. Здоровы ли они сейчас? Давно ты их видела?

Перевела на него усталый взгляд:

— Нет, я Вас не помню. Когда уходила из дома, с отцом и Тео всё было в порядке. Кто Вы и почему служите этому мерзавцу?

Он тяжело вздохнул:

— Поосторожней с выражениями, детка! Тут везде «уши», нам обоим не поздоровится, если Трош узнает, что мы с тобой знакомы. Я — Эрик, можешь называть просто «лекарь», или как в детстве — дядя Эрик. А попал сюда не по своей воле: как-то возвращаясь из имения в столицу, угодил в разбойничью засаду. Там бы мне и пришёл конец, но один из лиходеев был ранен, я вылечил его и так сохранил себе жизнь. Потом пленных продали в это забытое богами Королевство. И тут неожиданно повезло, старый Король узнал меня, когда-то и он был учеником знаменитого лекаря. Да-да, Франни, я долгие десятилетия преподавал в столичной Академии лекарское искусство, многие почитали за честь знакомство со мной. Вот видишь, теперь оказался на положении раба, и только заступничество Короля хранит старика. Пока...

Я не знала, что сказать. С одной стороны, так хотелось ему довериться, а с другой... жизнь научила меня осторожности.

— Простите, дядя Эрик! Я вас не помню, а слова....

— Правильно, Франни, нечего доверять первому встречному, — лицо лекаря стало ещё печальней, — поговорим лучше о твоём самочувствии. Нигде не болит?

Улыбнулась и, сама не знаю почему, крепко пожала ему руку. В его глазах сразу появился радостный блеск:

— Спасибо, дядя Эрик! Вашими заботами мне стало гораздо лучше, и, знаете что, давайте сюда еду. Я такая голодная... — в тот момент мне даже хватило наглости глупо хлопнуть ресницами, голубые глаза были доверчиво распахнуты и смотрели на старичка с надеждой.

— Как же-как же, разве допустил бы коварный Трош ко мне люто ненавидящего его человека? Смешно, такое дело. Хотели наивную дурочку? Так получите... Франни принимает вызов, чес-слово, ещё посмотрим — кто кого...

Я смотрела голодными глазами на разнообразные блюда, которыми был заставлен стол, и очень натурально глотала слюни. Выглядело угощение и в самом деле замечательно. Вздыхала, перебегая от одного лакомства к другому, повторяя:

— Дядя Эрик, ты даже не представляешь, как давно я не пробовала *всего этого*. Словно внезапно оказалась в нашем замке, это просто чудо какое-то! Любимые пирожные, а этот запах, мм... ни с чем не перепутаешь рагу из фазанов. Ох! Запечённый кролик... моя мечта. Так с чего бы начать, просто глаза разбегаются...

Старый прохвост довольно потирал руки и смеялся — глупая девчонка попала в капкан. Лекарь, говоришь? Что-то я сильно в этом сомневалась, а вот маг — несомненно, и очень сильный: аура такая, что моя мгновенно потерялась бы в ней, что, собственно, сейчас и было нужно. «Помагичу» немного, он и не почувствует, ишь, прямо купается в своей силе.

Продолжая изображать из себя *беженку из голодного края*, одновременно соображала, чем бы его отвлечь. Похоже, *дядя Эрик* был очень высокого о себе мнения, следовательно, должен гордиться собственными достижениями. Схватив румяную булочку и делая вид, что не знаю, с чего начать, откусила от неё и, набив рот, стала просить рассказать о себе. Как и следовало ожидать, ему это понравилось, и он начал нудно хвастаться наградами, которые собрал за свою долгую жизнь.

Лжедруг заливался соловьём, расписывая, сколько открытий совершил и каких званий был удостоен от разных монарших особ. Я кивала и поддакивала, восторженно охая в нужных местах, а сама тем временем проверяла поданные мне кушанья на безопасность. Пирожные и другие самые вкусные десерты были щедро посыпаны неизвестным мне снадобьем, все соки — тоже обработаны, а вот мясо было *чистым*. Я воспользовалась этим, постаравшись наесться впрок.

Но надо было что-нибудь выпить, иначе это вызвало бы подозрение. Я налила полный бокал из ближайшего ко мне кувшина, и как только зануда отвернулся, приподняла матрас, щедро оросив его отравленной жидкостью. А с десертом — какая же девушка обойдёт вниманием взбитые сливки — поступила ещё проще: измазала им губы и даже «заехала» кремом на щёку. Когда же злодей обернулся в мою сторону, смущённо вытерла салфеткой эти следы любви к сладкому. Эрик остался доволен...

Судя по тому, что я слышала, лекарство должно было сделать меня стоворчивой и покорной. Значит, скорее всего, в него добавлено успокоительное. Я поблагодарила «дядю» за угощение и, зевнув, пожаловалась, что чувствую себя немного усталой и хотела бы отдохнуть. Судя по блеску в глазах учёного, именно такой реакции он ждал и тут же оставил меня одну, сказав, что зайдёт через часок.

Как же хотелось взять один из массивных подсвечников и запустить его вслед мерзкому старикашке. Чёртов предатель! Да, я вспомнила, этот тип действительно когда-то гостил у нас, и отец с Тео носились вокруг, выполняя любую его прихоть. Кажется, они и в самом деле уважали наглеца, будь моя воля, я бы его сейчас... Но надо было держать себя в руках, продумав, что делать дальше.

Сама не знаю почему, моё боевое настроение упало, и, встав с кровати, медленно подошла к окну. На улице было на удивление тихо и солнечно, стоял замечательный осенний денёк, и я представила, как было бы здорово сейчас гулять в нашем парке у замка, держа

Фредди за руку... Вот глупая мечтательница, нашла время грезить о несбыточном. В ворота дома въехали гвардейцы в чёрном, и это меня отрезвило, заставив сердце бешено стучать. Что-то ты рано расслабилась, Франни, или это так действует магия Эрика? Скорее всего, угадала...

Я попробовала встряхнуться и поняла, что у меня ничего не получается: не отпускало ощущение собственной слабости и безнадёжности сопротивления, хотелось уткнуться носом в подушку и реветь. А вот и не буду, напрасно радуешься, хитрый предатель! Видимо, помимо еды, он нашёл другой способ подчинить меня своей воле. Ладно, буду делать вид, что мерзавец победил, может, это усыпит его бдительность...

Поискав, нашла за ширмой роскошный умывальник и плескала в лицо холодной водой до тех пор, пока не стало легче. А потом прилегла на кровать, оторвав головы всем куклам, представляя, что это Трош с его гадкими прислужниками, удовлетворённо засунула их под подушки, немного подняв себе настроение. Внезапно дверь открылась, и зашуршали юбки входящих в комнату женщин. Это были новые горничные, державшие в руках коробочки с косметикой и красивое золотистое платье.

Я покорно встала, позволив отвести себя в ванную, где меня вымыли и нарядили как на бал: чистые волосы блестели ярче бриллиантовых заколок, которыми их щедро утыкали, изящные туфельки подошли точно по размеру, шёлковое платье туго стягивало талию, а шею охватывало сапфировое ожерелье. Оно показалось мне особенно мерзким: словно синяя змея, готовая в любой момент нанести смертельный укус, притаилась на груди.

Несмотря на юный возраст, я была очень одарённым магом, приводившим в восхищение учителей, искренне не понимавших, откуда такие способности могли появиться у девушки. Идиоты, как будто женщины чем-то хуже мужчин... Магию, исходившую от всех надетых на меня побрякушек, невозможно было не заметить. Они были опасны и предназначались вовсе не для украшения, а чтобы следить за мной и, в случае необходимости, удержать от сопротивления. А, возможно, и того хуже.

Я подошла к напольному зеркалу и, осмотревшись, усмехнулась про себя: что ж, Эрик справился с поставленной перед ним задачей — выглядела неплохо, только вот кислое выражение лица всё портило. Но любые попытки выдавить из себя улыбку оканчивались провалом. Из чего сделала вывод — веселья от меня не требовалось. Так что же Трошу было нужно? Судя по болтовне *его* людей, девушками Колдун не интересовался. Может, решил потребовать за меня выкуп? Вряд ли, судя по всему, в деньгах он не нуждался... Тогда — шантаж? Во что же ты вляпался, дорогой мой Фокусник?

Под нежную мелодию незримых музыкантов меня проводили в прекрасно украшенный светлый зал. Изыскано накрытый стол манил ароматными запахами, в стороне у камина стояли три кресла, два из которых были заняты. Стоило только взглянуть в испуганные несчастные глаза Арчи, как руки невольно вцепились в мягкий шёлк нарядного платья, сминая его... Мне было так жаль рыцаря, но надо было играть свою роль, и я встала перед ними — другом и его мерзким красавцем-двойником, гордо подняв голову и смерив обоих презрительными взглядами.

Бокал с вином выпал из руки Арчи, со звоном разбившись о мраморный пол, и он с трудом поднялся, опираясь на трость. Только тут я заметила, что его ноги до колен были закрыты металлическими щитками. Зачем это, неужели, чтобы не убежал? Или... Меня словно ударила молния: наверняка его пытали. Возможно, ноги рыцаря сломаны, а жёсткие накладки просто поддерживают пострадавшие кости, не давая упасть. Как же захотелось

броситься к нему на помощь, избавив от боли, и вернуть здоровье, но... моё лицо не дрогнуло, а тело застыло на месте. Лишь в душе медленно росла волна ненависти к виновнику наших несчастий...

Трош тоже встал, приподняв свой бокал в приветствии, и даже наклонил голову в лёгком поклоне, словно я была и его подругой... сволочь. Красивые губы кривила уже знакомая ухмылка, в глаза плясали, переливаясь, насмешливые огоньки. Я без труда прочла в них то, что он хотел сказать:

— Ты попалась, дурочка, теперь будешь покорно выполнять всё, что я прикажу...

Как же хотелось ответить ему, навсегда закрыв огненным заклинанием этот проклятый рот! Клянусь, рука не дрогнула бы, но я даже не посмотрела в холодные глаза, изобразив полное безразличие, и почувствовала, что он напрягся. Неужели переигрываю? Это плохо. Хотя, чёрт с ним, буду вести себя, как считаю нужным, сейчас главное — не сорваться раньше времени.

Первый шок у Арчи прошёл и, обернувшись к Трошу, он изумлённо, но требовательно спросил:

— Как это понимать, что здесь делает *моя подруга*? Мы же договорились не втягивать в *наши дела* ни её, ни Фредди. *Ты дал слово*.

Трош глубоко вздохнул:

— Разумеется, брат.

Меня затошнило от этого разговора. Какой ещё — *брат*? И что за *общие дела* могут быть у Арчи с этим подонком? От одной только мысли, что эти двое могут быть как-то связаны, у меня заныл живот. Ощущения были как после памятного удара мерзавца, о котором, я уверена, Трош не рассказал *братишке*.

Лицо Арчи покрылось пятнами, и он попытался сделать шаг мне навстречу, но застонал и, пошатнувшись, упал в кресло. Чёртов Колдун заботливо подхватил его:

— Предупреждал же быть осторожнее, тебе нельзя напрягать *новые ноги*. Потерпи пару деньков, и скоро сможешь бегать на них как мальчишка.

Странно, но это прозвучало вполне искренне. Ни за что не поверю, что человек, о котором даже «свои» люди говорили с ненавистью, мог о ком-то беспокоиться. Слова о «новых» ногах заставили меня ещё раз взглянуть на рыцаря. Холодок страха пробежал по позвоночнику, и неудивительно: у Арчи-коротышки появились *нормальные* ноги. Как же я сразу-то не заметила? Возможно, это и есть *то дело*, что их связывало... Интересно, чем теперь моему другу придётся расплачиваться за *подобное чудо*?

Арчи молчал, видимо, переживая, пока пройдёт боль, а потом решительно отстранился от Троша, обращаясь ко мне:

— Франни, дорогая! Проходи и присаживайся. Надеюсь, Трош всё нам объяснит. А где Фредди, он давал слово, что не оставит тебя ни на минуту. Неужели сбежал? Это на него не похоже...

Я приподняла край шёлкового платья и села в свободное кресло, повернувшись лицом к Арчи.

— Здравствуй, Фокусник! — голос звучал грустно и, в то же время, иронично, — смотрю, ты оправдываешь своё прозвище. Кажется, за возможность быть таким же, *как все*, готов предать своих друзей. Спрашиваешь, где Фредди? Поинтересуйся-ка этим у своего *нового друга*: когда я последний раз видела Шута, гвардейцы тащили его в пыточную камеру. Если, конечно, твой «братишка» не пошутил, как сделал это с твоей подругой, приласкав

кулаком, вдобавок, напоив отравой, чтобы была послушной, — меня «понесло», и куда, спрашивается, делось благоразумие и данное себе обещание «не лезть на рожон». Я ведь только что раскрылась перед Трошем. Глупая, глупая Франни...

Глаза Арчи почернели от гнева, губы сжались в линию, костяшки пальцев побелели — так сильно его руки вцепились в подлокотник кресла:

— Трош, Франни ведь не солгала, верно? Может, прекратишь свою игру и объяснишь, наконец, что тебе от нас нужно. Но сначала приведи сюда Фредди и освободи его, даже тебе надо держать слово...

И тут я услышала совсем *другой голос Колдуна*. В нём больше не было иронии или показной *заботы*, только гнев, а возможно, боль и отчаяние?

— Да что ты говоришь, брат? Я что-то тебе должен? Иди ты... Это все вы в долгу передо мной: отец испоганил мне жизнь, превратив в ненормального монстра... — его голос гремел, заставляя сердце сжиматься в комок от страха. Даже смуглая кожа Арчи побелела, но он не отвёл взгляда от орущего на него Колдуна.

Я с ужасом ждала немедленной расправы, но Трош быстро взял себя в руки, заговорив спокойно и холодно:

— Ты всегда был сентиментальным добрячком, Арчи, и в детстве мне это нравилось, ведь только у тебя получалось сдерживать моего внутреннего зверя. Поверь, я помню и ценю это до сих пор. Только поэтому и ты, и твои друзья-подружки до сих пор не мертвы. Хотя, впрочем, лгу. Ты должен жить, пока, во всяком случае. Мы оба выросли, и теперь эта мягкотелость меня безумно раздражает, но делать нечего. Эй, стража, приведите обоих пленников! Да поживее, к вам я не буду так добр, как к этим идиотам...

Он встал со своего кресла и, подойдя к столу, налил себе бокал вина, осушив его залпом. Посмотрел на меня и засмеялся:

— А тебе, Франни, вина не налью, уж не обижайся. Ты и так бешеная, а после бокала крепкого сидра разнесёшь мой дом по камушку. Верно? Ну, кивни, прошу. Вот умница. Знаешь, если бы у меня было сердце человека, а не монстра пустоши, ты бы мне очень понравилась. Я люблю своенравных и гордых: их кости хрустят на дыбе особенно громко, а крики — услаждают слух...

Арчи снова попытался встать, но на это раз я ему не позволила. Его глаза метали молнии:

— Прекрати, Трош! Не запугивай девочку и не старайся казаться хуже, чем есть. Я-то тебя знаю, как облупленного...

«Брат» снова засмеялся, но это был печальный смех:

— Перестань, Арчи... Откуда тебе знать? Мы не виделись целую вечность. Тебя не было рядом, когда мне был нужен брат и друг, а ведь всё могло сложиться совсем иначе...

Теперь Арчи виновато опустил глаза:

— Хватит меня мучить, Трош. В том, что случилось, я не виноват.

— Мучить? Да я ещё и не начинал...

И тут я не выдержала, прикрикнув на обоих:

— Эй, два придурка! Я уже поняла, что вы — близнецы. Перестаньте сюсюкаться друг с другом и объясните, наконец, что здесь происходит.

Оба брата смотрели на меня совершенно одинаково: в их глазах застыло восхищение. Я даже растерялась от такого единодушия. Трош очнулся первым:

— Арчи, а ты уверен, что правильно выбрал себе невесту? Она уже сейчас из тебя

верёвки вьёт, похоже, всю жизнь не вылезать моему братишке из-под её каблучка. Может, превратить её в белую ослицу? И красиво, и молчать всё время будет...

Недолго думая, схватив стоящий на камине подсвечник, я запустила его в «злодея», только потом сообразив, что жестоко поплачусь за необдуманый поступок. Но тот согнулся в хохоте, вытирая слёзы, и ничего мне не делал. Я испуганно смотрела на смущённо опустившего глаза Арчи, уголки его губ подозрительно вздрагивали, словно бессовестный едва сдерживал смех. Это меня просто взбесило...

Подбоченившись, как торговка на рынке, и сдув поправшую в глаза чёлку, я набросилась на друга:

— Значит так, Арчи? Твой братец-Колдун потешается надо мной, а ты даже слова в защиту не скажешь? И что это ещё за «невеста», а? Я, чтоб ты знал, в ближайшее время замуж не собираюсь...

От таких слов Трош от смеха чуть не свалился на пол, а глаза у рыцаря, напротив, стали печальными, но в тот момент мне его совсем не было жалко, так я была зла...

В разгар этой почти семейной сцены открылась дверь, и все повернули голову в сторону вошедших. Это были полуживой Фредди, избитый так, что на нём не было живого места, и незнакомая девушка в чёрном платье, с измождённым лицом и красивыми тёмными глазами. Шут, несмотря на побои, держался молодцом, и его взгляд, встретившись с моим, улыбнулся, словно утешая:

— Не волнуйся, всё в порядке.

Но я так не думала и только тяжело дышала, от волнения забыв все слова. Арчи же прикрыл на мгновение веки, и по залу пронёсся лёгкий ветерок. Он пролетел над пленниками, и кандалы на их руках немедленно упали на пол. Фредди растёр запястья, сказав неунывающим голосом:

— Привет, Фокусник! Франни... — он слегка наклонил голову, приветствуя меня, и я увидела красные потёки возле ушей и на шее; видно, его голова была разбита, хотя кровь уже запеклась.

Трош смотрел на него, недовольно морщась:

— Арчи, прошу тебя, не начинай истерить. Ничего страшного с твоим другом не случилось. Он интересный тип, мои дознаватели слегка с ним «поговорили», причём, без особого усердия, я предупредил их об этом. Но этот человек, непонятно почему называющий себя Шутом, не захотел ничего рассказывать, потому и получил по шее. И не только по ней. Но, судя по выправке, он — *военный*, возможно, даже шпион, для таких, как этот молодчик, побои — пустяки, правда же, *Фредди*?

Фредди сплюнул кровью на пол и кивнул.

Но это не удовлетворило Арчи:

— А ты действительно изменился, Трош. Совсем перестал разбираться в людях? Этот человек вместе со мной работал в цирке, в том числе и развлекал публику. Он простой деревенский парнишка и к военным не имеет никакого отношения, зря только избил беднягу. Ему просто нечего тебе сказать...

Трош прищурился, окинув спокойного Фредди цепким взглядом.

— Я, может, и изменился, брат, а вот ты — ни капельки. Не видишь дальше своего носа. Говоришь, *простой деревенщина*, а я вот наблюдал, как он одним движением «отключил» сразу двоих моих гвардейцев, которые вдвое здоровее любого из нас. И приёмчики-то у него *особые*, не всякий такое сможет провернуть, тут нужна долгая тренировка. Тем более что он

не маг. Я прав, Фредди?

Шут делал вид, что рассматривает заставленный разносолами стол, и молчал. Арчи с удивлением смотрел на друга, я же вздыхала, понимая, что речь как раз шла о том самом непонятном *спецназе*, упомянутом Фредди в разговоре со мной. Он, без сомнения, военный человек, и Трош только подтвердил то, что и так уже знала. Надо было отвлечь их внимание от *моего Шута*, поэтому я спросила:

— А кто эта женщина, Трош? И её тоже в чём-то подозреваешь? Тебе же нравится воевать с девчонками...

Я знала, что это опасный выпад, но надеялась на то, что при Арчи мерзавец не посмеет меня тронуть. Так и случилось, он лишь поморщился, но ответил:

— Познакомься с той самой жрицей, к которой ты так спешила. Её, кажется, зовут Мэгги, и я с ней не воюю. Скорее уж наоборот, стараюсь защитить. Она и так пострадала, да, Фредди? Это ведь ты выкрал у бедняжки тетрадь с заклинаниями. Ну что молчишь, знаю же, что это правда. Может, признаешься, для кого ты это сделал, *Вор и Убийца*?

Я разволновалась, испуганно глядя на обоих друзей. Лицо Арчи было хмурым и задумчивым, а Фредди, напротив, спокойным и уверенным. Трош ликовал, с весёлой ухмылкой обратившись ко мне:

— Франни, а ты не знала, что твой *новый дружок*, — при этих словах Арчи вздрогнул и сжал кулаки, — помимо цирка, числится в Клане наёмных убийц. Я навёл о нём справки — он молодец, на хорошем счету, все заказы исполняет с первого раза. Что с тобой, братец, неужели ты этого не знал, растяпа? Таковую змею пригрел, а, между прочим, пока ты у меня гостил, негодяй увёл твою девушку...

И тут Арчи вдруг успокоился, его голос зазвучал твёрдо:

— Заканчивай пустую болтовню, Трош, я не верю ни одному твоему слову. Пытаешься нас поссорить? Не старайся, не получится. Может, для разнообразия, хоть раз скажешь правду — ты ведь не просто так заманил меня сюда, да и остальных тоже. Выкладывай, что тебе на самом деле нужно от брата, о котором не вспоминал столько лет, раз даже пошёл на то, чтобы «исправить» мои ноги.

Трош подбежал к нему и, схватив за воротник куртки, заорал в лицо так, что вздрогнули все находящиеся в комнате:

— Дурак, идиот, сволочь... Да я не вспоминал о тебе лишь по одной причине — ты, единственный дорогой мне человек, которому брат-монстр просто боялся навредить. Но ты, конечно, не поверишь, разве можно довериться чудовищу...

Что хотите со мной делайте, но это прозвучало от души, и, думаю, каким бы отличным притворщиком не был Трош, сейчас ни у кого не осталось сомнения в искренности его слов.

Арчи опустил глаза, тяжело вздохнув:

— Хорошо, брат, я верю, что ты сказал правду, но давай не будем затягивать эту историю. Выкладывай, зачем притащил всех нас к себе. У тебя же всё есть — деньги, власть, сила. Ты красив и умён, и при этом — отличный маг. Чего тебе не хватает?

Трош помрачнел, снова налив себе вина, выпил немного и кивнул одному из гвардейцев. Тот сразу же наполнил бокалы, раздав их всем присутствующим, включая и меня. Но никто из нас не прикоснулся к вину, и тогда Колдун заговорил:

— На твой последний вопрос, Арчи, я отвечать не буду, если не дурак, сам поймёшь. А вот о том, что мне понадобилось ото всех вас, сейчас и поговорим...

Все ожидали, что скажет Трош, но он замер, словно задумавшись о чём-то, не торопясь *приходить в себя*. Его мысли были где-то очень далеко, и никто не решался прервать повисшую в зале тягостную тишину. Внезапно Колдун очнулся, посмотрев на нас удивлённым взглядом, явно никого не узнавая. Тогда мне первый раз в голову пришла вполне очевидная мысль:

— Да он же *не в себе*, больной придурок. От него можно ожидать любого безумия, а мы совершенно незащитны... или нет? Я и Арчи — маги, в крайнем случае, примем бой, пусть он и станет для нас последним, — я перевела взгляд на Фокусника, не спускавшего с меня настороженных глаз, едва кивнув ему, и он ответил тем же. Значит, понял и согласился с моим решением. Фредди, казалось, не отрывавший расслабленного взгляда от *аппетитного* стола, слегка наклонил голову. И как он умудрялся всё видеть, не поднимая глаз?

Итак, трое против очень сильного мага, у которого на подхвате Эрик, а возможно, и ведьма, жрица Храма Пустошей. Это о ней Трош говорил, что взял под свою защиту. Я окинула жрицу пристальным взглядом. Нет, не похожа она на гостью, скорее, на пленницу — измученное, усталое лицо, ввалившиеся глаза, не отрывавшиеся от уставленного едой стола... Да она и в самом деле голодная, вон как жадно сглатывает, по-моему, бедняжку сейчас ничего кроме собственного желудка не волновало. Что-то она побледнела, неужели...

Не успела я подумать, как жрица, закатив глаза, сползла на пол. Мы одновременно с Фредди рванулись ей на помощь, Арчи тоже встал, но вынужден был опуститься в кресло — ноги его не держали. Фредди подоспел первым и, подняв жрицу на руки, положил её на диван. Я смотрела на него с восхищением, представляя, какую боль в тот момент должен был терпеть мой бедный друг.

Взяв со стола кувшин, обрызгала бледную кожу жрицы водой, а когда она открыла глаза, помогла ей сесть и напоила. Пара сочных булочек, украденных мной со стола, должны были подкрепить её изголодавшийся желудок. Бедняжка с жадностью накинулась на еду, и, чтобы не смущать её, я подошла к Фредди, протянув ему большую куриную ножку.

Страшно было смотреть в это дорогое, покрытое синяками лицо, но, преодолев себя, подняла на него глаза и увидела, как улыбаются разбитые губы, услышала его жаркий шёпот возле уха, от которого вся покрылась мурашками:

— Отлично выглядишь, малышка! Волновалась обо мне? — он взял курицу из руки и демонстративно кинул её через плечо, точно попав в пылающий камин, — нельзя есть в доме врага, это правило.

Но я услышала в его словах совсем другое:

— Я соскучился, можно тебя поцеловать? — и так же шёпотом ответила:

— Не сейчас.

Он понял, прижав сухие губы к моим пальцам. В это время жрица захрипела, снова упав на диван, её лицо покрылось пятнами, а глаза закатились...

Бросившись к ней, попыталась применить заклинание исцеления, но ничего не получилось. Сжав кулаки, бесстрашно подскочила к Трошу, хотя Фредди и пытался меня остановить, схватив за юбку.

— Мерзавец, зачем ты её отравил?

Он усмехнулся:

— Успокойся, сумасшедшая. Я ничего не делал, это ты накормила Мэгги булочками со снотворным, сама виновата. Да не переживай за неё, через пару часов очухается. И, кстати, это касается всех: не пытайтесь применить магию, в этом доме у вас ничего не получится. Здесь работает только *моё колдовство*, уж простите, пришлось подстраховаться. А теперь хватит сверкать глазами, Франни, твои чары на меня не действуют, не то, что на этих глупцов. Посмотри на них, Арчи, я был прав — забавная получилась парочка: деревенщина и аристократка. Какой позор...

Я высокомерно задрала нос и, обернувшись к Арчи, сказала:

— Не слушай его, он лжёт, просто хочет, чтобы ты страдал.

У рыцаря сразу благодарно засветились глаза, а я впервые подумала, какой тяжёлый разговор мне ещё с ним предстоит, но всё это будет потом, сначала надо выбраться отсюда... Фредди подошёл к Арчи и положил ему руку на плечо:

— Я рад, дружище, что ты цел. Что это с твоими ногами? *Его дознаватели* перестарались?

В ответ Арчи грустно улыбнулся:

— Не поверишь, друг, скоро у меня будут нормальные ноги.

Фредди только хмыкнул:

— Что-то не слышу радости в голосе, ты же всегда мечтал об этом...

Фокусник повернул голову, с усмешкой посмотрев на друга:

— Поверь, это было не моей идеей. Меня «осчастливили», даже не спросив...

Фредди кивнул:

— Охотно верю, друг.

Развернувшись к Трошу, он произнёс несколько слов на незнакомом языке, и по его довольному лицу я поняла, что это были отборные ругательства *его Родины*. Трош ответил ему понимающей и, как ни странно, открытой улыбкой:

— Ах, вот оно что, так ты *гость издалека*? Что ж, это меняет дело, приношу свои извинения. Наслышан о *подобных тебе*, но собственными глазами вижу в первый раз. Забавно, забавно...

Арчи снова заволновался:

— Брат, что за чушь ты несёшь? Может, достаточно этих загадок, ты обещал всё объяснить — что же с нами происходит? Жду ответа, и не только я один...

Трош кивнул, взъерошив волосы, совсем как Арчи, и у меня от этого простого жеста неприятно засосало под ложечкой. Колдун посмотрел на нас с Фредди, показав в сторону дивана, на котором лежала Мэгги. Мы устроились с краешка у неё в ногах, и, почувствовав, что Шут хочет меня обнять, я сердито на него посмотрела. Он изобразил покорность, но его глаза смеялись. И как можно было быть настолько легкомысленным, когда наши жизни висели на волоске?

Колдун неторопливо прохаживался вдоль большого окна, демонстративно не глядя на нас, словно происходящее снаружи занимало его куда больше. Но по напряжённому голосу было понятно, что это совсем не так.

— Придётся начать издалека, уж не обессудьте и запаситесь терпением. На все вопросы я не отвечу, многого и сам не знаю, а лишь догадываюсь. Дело было так...

Некоторое время назад у правителя этого государства родились мальчики-близнецы. Один был абсолютно здоров, второму же не повезло появиться на свет с больным сердцем. Все считали, что он не протянет и года, но заботами отца и матери ребёнок продолжал жить.

Если кто из вас не понял, речь обо мне. Были созваны лучшие лекари, отец, нынешний Король и сам — потомственный маг, потому не стеснялся применять свои знания, лишь бы спасти ребёнка. И до семи лет ему это удавалось.

Тут надо заметить, что в нашем Королевстве у магов, главой которых являлся мой отец, издавна был заключён договор с монстрами пустоши: они не вторгались в наши владения, мы же — не беспокоили их и могли свободно проходить через отданную им территорию по прорытому подземному ходу. Да сами его видели, правда, для этого мне пришлось несколько раз подтолкнуть потерявших от страха головы простофиль. Я всё время наблюдал за вами и не допустил бы происшествий со смертельным исходом, убирая с дороги всех, кто мог бы помешать добраться сюда «отважным путешественникам»...

— Хочешь сказать, брат, что это твои люди избавились от каравана?

— Верно, я позволил остаться в живых твоему сопернику Шуту и ещё двоим сумасшедшим, которые только и думают, как бы прикончить вашу красотку. А ты знал, Арчи, что до тебя она крутила шашни и с этими беднягами? Так сильно их любила, что не могла выбрать, кто из них лучше. Такая любвеобильная и нерешительная дамочка, вот и сейчас колеблется, с кем бы «замутить», — он неприятно засмеялся, — Арчи, почему сразу не сказал ей, что ты Наследник трона? Ведь никакой потери памяти у тебя не было. На женщин это действует безотказно, поверь, я проверял. Ну теперь-то она не будет сомневаться, поверь. К тому же я вернул тебе нормальные ноги, ты должен быть мне благодарен, брат...

Арчи от волнения покрылся пятнами:

— Ты неисправим, Трош, наслаждаешься, когда причиняешь боль, да? А ведь в детстве был совсем другим...

Трош снова засмеялся, но на этот раз это был печальный смех:

— Нашёл, что вспомнить, Арчи! Нам обоим пришлось столько перенести, как тут не измениться. Ладно, слушайте дальше...

Итак, я продолжал жить, благодаря магии отца и заботе лекарей, но Наследником назначили Арчи, ведь, в отличие от меня, он не создавал проблем. Всё было неплохо, пока мне не исполнилось семь лет. Что-то произошло, и магия перестала действовать как надо. С каждым днём близнецу наследника становилось всё хуже, и в отчаянии отец обратился к тёмному колдовству. И, прежде всего, к этой самой ведьме пустошей, о которой вы так трогательно заботитесь. Правда, тогда это была другая женщина, но для меня это не имеет значения. Все они связаны между собой: когда одна умирает, её знания переходят к преемнице. И так происходит уже много поколений.

Именно жрица посоветовала отцу заменить моё больное сердце, взяв такое же у монстра пустоши. Для Арчи это не секрет, а вот другим будет интересно — монстров создали наши далёкие предки, используя для этого тела побеждённых воинов. Не всегда эксперименты кончались удачно, и такие экземпляры отправлялись в пустошь. Но, к удивлению учёных, многие из них выжили, приспособившись к тяжёлым условиям. Более того, смогли создать семьи, а позже — что-то вроде общин, с которыми вскоре пришлось считаться.

В те времена и заключили мирный договор с обитателями пустоши. С нашей стороны было дано обязательство не проводить подобных бесчеловечных опытов и не вмешиваться в их жизнь, они же поклялись не появляться на территории Королевства. Так, в относительном спокойствии, мы жили много лет. И тут ведьма настойчиво потребовала,

чтобы ей доставили ребёнка из пустоши, ведь те, кто выжил в ужасных условиях, *никогда не болели*.

Трош снова замолчал, словно задумавшись. Мы тоже не могли произнести ни слова, но по другой причине — нас потрясла жестокость этого государства и его правителей, что допускали подобное. Фредди не выдержал первым:

— Скажи, Трош, ты, наверное, гордишься своими предками, сотворившее такое с людьми?

Тот словно вышел из ступора, посмотрев на Шута несчастными глазами:

— Ошибаешься, «гость», я ненавижу их и за всю свою жизнь ни разу не причинил вреда *этим существам*, ведь сам остался жив только благодаря им. И не перебивай меня больше, а то, пожалуй, отрублю твой грязный язык, чтобы не раздражал.

Услышав это, я осторожно пожала Фредди руку, взглянув в лицо: его глаза непривычно прищурились и недобро смотрели на нашего «хозяина». Но, к счастью, он промолчал, а побледневший Трош продолжил свой рассказ:

— Отец согласился, он был готов на всё, лишь бы спасти своё чадо. Из пустоши привезли ребёнка, он был ухоженным и опрятным, от обычного человека его отличали разве что узкий разрез глаз и полное отсутствие волос. Я тогда не понимал, что происходит: всё время плакал и не отпускал брата, к которому был сильно привязан. Потом меня усыпили, а когда я проснулся, то почувствовал себя совершенно здоровым.

Уже позже узнал, что мне пересадили сердце *того ребёнка*, а что случилось с мальшом из пустоши — можно было и не спрашивать. Помню, как Арчи кричал на отца, называя убийцей, и за это его на месяц посадили в подвал. Все попытки заступиться за брата кончились провалом. Моё здоровье пошло на поправку, но тут из пустоши пришли плохие новости: похищенный ребёнок оказался сыном вождя, и нам это даром не прошло.

Трош подошёл к окну и начал бить кулаком по оконному стеклу, пока оно не пошло трещинами и не осыпалось. Не обращая внимания на заливающую руку кровь, Колдун заговорил, и этот голос был полон тоски и боли:

— Нет, монстры не стали нарушать договор и вторгаться в наши земли, они поступили хитрее: выкрали Арчи, спутав со мной, и, изуродовав его ноги, выбросили в горах за границей нашего Королевства. Обиженные «соседи» не хотели, чтобы королевский сын умер — просто страдал, как и его отец. Но этого им показалось мало: они навели на меня заклятье, абсолютно изменив характер. Начались непредсказуемые и неконтролируемые вспышки гнева, и отцу пришлось спрятать сына в деревне, в той самой крепости недалеко от пустошей, объявив, что неизвестные похитили обоих наследников. Там прошли годы моего отрочества, пока, совсем недавно, Король не вернул «неправильного» сына ко двору, так и не объявив наследником...

Трош подошёл к Арчи и присел перед ним на корточки:

— Братишка, я продолжал любить тебя всё это время, ненавидя отца и проклятую ведьму, из-за которой и случились эти беды. Она стала первой и единственной сознательно убитой мной жертвой: я разыскал её и, несмотря на юный возраст, обладая силой монстра, прикончил эту тварь. Что касается других пострадавших людей, то об этом ничего не помню — припадки начинались неожиданно, и, лишь приходя в себя, я узнавал, что натворил. Поэтому отец и держал сына-монстра в том замке, как в тюрьме. У меня было много свободного времени, чтобы заняться изучением магии и преуспеть в этом. Если чем-то бог и не обделил «паршивую овцу», так это талантом отлично учиться...

А тем временем наш Правитель продолжал поиски. Когда год назад он вызвал меня к себе, то поставил условие — разыскать тебя, и тогда отец позволит остаться при дворе. Я же сходил с ума от одиночества и безумно хотел увидеться с тобой, надеясь, что ты сможешь снять заклятье. И, наконец, нашёл брата — изуродованного и несчастного, вынужденного прозябать в цирковом балагане...

Трош встал и приблизился к нам с Фредди:

— Не сомневаюсь, что в ваших глазах я — монстр, не достойный доверия; наверное, вы правы. Я бы тоже не стал слушать бормотание одержимого сумасшедшего. Но мне важно, чтобы Арчи поверил: всё, что я делал последнее время, конечно, когда был в «своём» уме — пытался любыми средствами привести вас сюда, особенно это касается тебя, Франни. Знаешь почему? Из-за тетради, что ты носишь с собой. В ней находится не только *то заклинание*, что день за днём губит твоих бывших друзей, но и «моё» — превратившее близнеца Наследника в монстра...

Я вернул ноги Арчи не потому, что придумал коварный план и хочу подменить его, захватив трон, как вы, наверняка, подумали. Напротив, моё искреннее желание — вернуть брату место, которое он заслужил по праву. Он талантливый человек и наведёт порядок в стране, а я, даже если не смогу избавиться от заклинания, уйду в Пустоши, чтобы или погибнуть, или наладить там мирную жизнь, сделав дорогу в Королевство свободной и безопасной.

Он замолчал, а Фредди зааплодировал:

— Потрясающая речь, Колдун! Прямо слеза прошибает... Надеюсь, Арчи, ты не поведёшься на «благородную» историю братца?

Я испуганно переводила взгляд с Арчи на Троша и не знала, что думать. Как бы глупо это не звучало, очень хотелось верить человеку, так отвратительно поступившему со мной. Это было нелогично, но интуиция подсказывала, что сейчас он не лгал...

Арчи глубоко задумался, а потом неожиданно заговорил, и голос его при этом был твёрд, словно он уже принял решение:

— Что я должен сделать, чтобы помочь тебе, Трош?

Тот, услышав эти слова, выдохнул, погладив грудь, словно у него вновь заболело сердце.

— Ты уже всё сделал, Арчи, приведя ко мне Франни, я же доставил в этот дом всех, кто, так или иначе, связан с этим делом. Теперь всё зависит от двух женщин — твоей непостоянной подружки и молодой жрицы по имени Чёрная Мэгги. Франни должна *добровольно* отдать тетрадь, а жрица — уничтожить её.

Арчи поманил меня к себе, я послушно подошла, взяв в руки его протянутые ладони, и крепко их пожала.

— Франни, мы почти у цели — жрица здесь, доставай тетрадь, дорогая. Вся ответственность ляжет на меня; надо рискнуть, другого шанса у нас может и не быть...

— Как скажешь, рыцарь, только сумку у меня отобрали.

Услышав эти слова, Колдун кивнул гвардейцу, и тот тотчас принёс сумку. Дрожащими руками я вынула тетрадь и протянула Трошу, до последнего мгновения продолжая сомневаться в правильности совершаемого поступка. Брат Арчи, спокойно взяв в руки причину всех наших страданий, подошёл к Мэгги и потряс её за плечо:

— Просыпайся, маленькая ведьма, пришла твоя очередь сделать доброе дело — спасти жизни сразу нескольких людей и одного ненормального монстра.

Она открыла глаза, не понимая, что происходит. Её взгляд остановился на тетради в

руках Троша, на щеках жрицы загорелся багровый румянец, она неожиданно резко выхватила тетрадь, тут же засунув её за лиф платья и отчаянно закричав:

— Можешь уморить меня голодом, проклятый Колдун, я не совершу страшный грех — не уничтожу Священный свод заклинаний!

Трош тяжело вздохнул, процедив сквозь зубы:

— Ну вот опять, если б вы только знали, сколько раз я это уже слышал... А ведь пальцем её не трогал и голодом не морил, упрямица сама отказывается есть. Наша ведьмочка никого и ничего не хочет слушать, поговорите с ней вы трое, может, у вас получится...

Он отошёл к разбитому окну, подставив лицо ветру. Как же сейчас, без привычной презрительной гримасы оно было похоже на лицо Арчи. У меня даже сердце забарабанило так, что заложило уши. Я беспомощно смотрела на своих друзей и, видя их растерянность, сама взяла руку Чёрной Мэгги.

— Здравствуй, Мэг! Я — Франни, и тоже попала сюда против воли. Как ты себя чувствуешь? Бедная Мэгги, ты меня так напугала, когда вдруг свалилась в обморок, часто это с тобой бывает? — щебетала я, сделав «заботливое» лицо.

Она смотрела на меня с удивлением и, кажется, даже не понимая, что я говорю, а потом, нахмурившись, вырвала руку:

— Оставьте меня в покое, это похищение вам даром не пройдёт! Жрицу Храма наверняка уже разыскивают, преступников накажут по всей строгости закона... — она волновалась и, похоже, сама не очень-то верила своим словам.

Трош обернулся, ухмыльнувшись через плечо:

— Никто тебя не ищет... Твой храм такой захудалый, он годами пустует, я узнавал. К тому же, в этой комнате находятся два королевских сына, и кому ты собираешься на нас жаловаться?

Мэгги растерялась, почему-то посмотрев на меня, словно ища защиты. Это был подходящий момент, чтобы продолжить атаку:

— Успокойся, Мэг, никто тебя не обидит. Наследник трона, — я показала на Арчи, — на твоей стороне.

Арчи понял меня и важно кивнул, а я продолжила:

— Видишь, как нам с тобой повезло: Арчи — мой друг, и он во всём разберётся, обещаю. Так что перестань переживать и расскажи, что с тобой приключилось.

Жрица внимательно посмотрела на нас обоих, не зная, что делать, и тогда Арчи вдруг строгим голосом произнёс:

— Говори, я здесь, чтобы не допустить несправедливости.

Мэгги словно «прорвало»: она жаловалась на похитителя, кивая на Троша, и, глотая слёзы, объясняла, что тот требовал от неё невозможного — сжечь священную тетрадь, украденную много лет назад.

Арчи внимательно слушал её причитания, и, глядя на его гордую осанку, я ни на минуту не засомневалась, что именно так и должен выглядеть королевский отпрыск. Да, мой друг был великолепен, и я смотрела на него с восхищением. Он заметил это и улыбнулся мне уголками губ. Фредди же недовольно закашлял, давая понять, что ему не нравится, что *его девушка* заглядывается на другого. Но я проигнорировала эти знаки ревности, сосредоточившись на своей непростой задаче.

Воспользовавшись перерывом в рассказе жрицы, по-дружески поглаживая её по плечу, влезла в разговор:

— Мэгги, наверное, эта тетрадь очень важна для тебя, раз ты так за неё переживаешь?

Она согласно закивала:

— Франни, я никогда не видела и не читала запретных заклинаний, но знаю, что никто не должен их использовать. Они обещают многое, но, на самом деле, это коварная ловушка, и, если человек попадёт в неё, самому уже не выбраться. Поэтому тетрадь хранилась в нашем храме, хорошо спрятанная ото всех.

Трош даже не обернулся, но его голос был ироничен:

— Да неужели «хорошо спрятанная»? Не смейся меня, обычный Вор выкрал эти заклинания, а ты так ничего и не смогла с этим поделаться!

Чёрная Мэгги вдруг задрала нос:

— Во-первых, меня тогда в храме ещё не было, а прежняя жрица перед своей кончиной уверяла, что, когда придёт время, тетрадь сама ко мне вернётся...

— Вот *время и пришло*, — хохотнул вредный Трош.

Я зло стрельнула в него глазами, скорчив сердитую гримасу, и приложив палец к губам, чтобы он помалкивал. Брови Колдуна взлетели вверх — видимо, он не привык, чтобы с ним *так обращались*. Но возмущаться не стал: ухмыляясь, взглянул на Арчи и снова отвернулся к окну.

Я заинтересованно смотрела на молоденькую жрицу и, сделав круглые глаза, как бы невзначай спросила:

— Но если эти заклинания такие ужасные, почему же их давным-давно не уничтожили?

Лицо Мэгги стало печальным:

— Мне никто этого не объяснил, если честно, я и сама не понимаю. Прежняя жрица намекнула только, что если тетрадь сжечь, это приведёт к необратимым изменениям...

Трош не выдержал, снова обернувшись к Мэг:

— А может, перемены — это хорошо. Вдруг исчезнут проклятые пустоши, и люди в Королевстве заживут спокойно — не думала об этом?

Девушка пожала плечами:

— Неизвестно, к каким последствиям приведёт уничтожение заклинаний, может быть, наоборот, всё станет только хуже. Зачем, иначе, наш Храм столько лет следит за неприкосновенностью тетради?

Но Трош не сдавался:

— Если бы предыдущие жрицы не собирались однажды уничтожить вредоносные заклинания, то не передавали друг другу знание о том, как *это сделать*. Что скажешь на это, маленькая ведьма? Ведь ты тоже знаешь, как провести специальный обряд и рано или поздно освободить людей от страшной опасности.

Мэгги опустила голову:

— Конечно, знаю, но ты, Колдун, ничего от меня не добьёшься. Пока заклинания никто не трогает, вреда от них не будет.

При этих словах Трош побледнел, крикнув охране, безмолвно стоявшей у дверей:

— Принесите тех, кто пострадал от этой мерзости. Пусть наша *добрая жрица* полюбуется, к чему приводит так оберегаемая ею тетрадь!

Я встала с места, чувствуя, как холодеют руки и ноги, потому что поняла, *кого* имел в виду близнец Арчи. Фредди подошёл ко мне и, обняв, не дал упасть. Четверо гвардейцев внесли в зал прикрытые покрывалами носилки. Осторожно опустив их на пол, они отошли к дверям. Трош приблизился и, наклонившись над страшным грузом, резко сдёрнул шёлковую

ткань, быстро вернувшись к окну, словно увиденное и впрямь причиняло ему боль.

Я с криком вырвалась из рук Фредди и, рыдая, бросилась на колени перед лежащими на полу Доном и Марком. Вернее, тем, что от них осталось. Они похудели почти в два раза и напоминали обтянутые кожей скелеты, их лица приобрели восковую бледность, глаза, обведённые тенями, были закрыты. О том, что ребята ещё дышали, говорили только вырывающиеся из груди хрипы. Пока я заламывала руки и обливалась слезами, Фредди безуспешно пытался меня оттащить.

Мэгги, испуганно смотревшая то на меня, то на ребят, наконец осмелилась подойти и спросить:

— Что с ними произошло?

Я развернулась и, обхватив руками её колени, простонала:

— Спаси их, Мэг, только ты можешь это сделать. Я пыталась помочь своим друзьям после того, как их ранил монстр пустоши, и применила заклинание из твоей тетради. Клянусь, я не знаю, как оно попало в наш замок, его принёс друг отца. После этого ребята изменились, из-за них я бежала из дома, потому что они пытались меня убить. Посмотри, что с ними сделало заклинание — разрушило и их жизни, и мою...

Сзади раздался глухой голос Арчи:

— Из-за применённого твоей предшественницей колдовства моего родного брата искалечили, превратив в монстра, а меня выкрали из дома, изуродовали ноги и, бросив в горах, обрекли долгие годы скитаться по миру вдали от Родины.

Неожиданно к нам присоединился Фредди:

— Я тоже пострадал: из-за вашей магии меня выдернули из семьи, обрекли на боль и одиночество, мне никогда больше не увидеть ни жены, ни дочерей. Ты хоть представляешь, жрица, что эта за жизнь, когда каждый день тоскуешь по давно уже оплаканным тобой родным, даже не подозревающим, что я до сих пор жив?

Трош подошёл к растерявшейся Мэг и закончил то, что мы начали:

— Ты сказала, что никто не пострадал от этих заклинаний и, как видишь, ошиблась. Жрица, тебя никто не обвиняет, просто посмотри на нас и сделай то, что должна: только ты в силах спасти сразу столько людей. Взгляни на мальчишек, у них впереди целая жизнь, но если не принять меры, завтра их не станет. Я, сколько мог, поддерживал в них силы с помощью своей магии, но и моих чар недостаточно, чтобы перебороть смертельное заклинание. Решайся, Чёрная Мэгги. Поступи правильно, не превращайся в ещё одного монстра, в этой стране их достаточно, прошу тебя... — и он склонил голову, опустившись перед ней на одно колено.

Жрица всхлипнула и вместо ответа замахала руками, а потом без сил опустилась на диван:

— Хорошо, я уничтожу тетрадь, но есть плата, которая потребуетя от каждого из нас — всем придётся отдать кусочек своей жизни. Не знаю, сколько — может, дни или месяцы... Вы готовы?

Я сразу кивнула:

— Пусть так, лишь бы ребята снова стали прежними.

Арчи и Фредди тоже согласились, Трош облегчённо выдохнул:

— Что ж, я готов отдать свою жизнь, поверьте, это честные слова.

Мэгги вытерла слёзы с глаз, всхлипывая, и, вытащив тетрадь, положила её на пол:

— Надо образовать замкнутый круг, возьмитесь за руки.

Я протянула руку Мэг и Фредди, Трош взглядом подвинул к нам кресло с сидящим в нём Арчи и взял брата за руку, вторую ладонь подал жрице, и она спокойно её приняла. Мой рыцарь сжал руку Шута. Круг был образован, в центре лежала тетрадь, и в последнюю минуту я вспомнила о котёнке, чья душа попала в ловушку.

— Бедняжка Тьма, неужели и ты сгоришь вместе с проклятыми заклинаниями, а я так мечтала освободить тебя... Надеюсь, это будет последняя жертва...

Наверное, я действительно на редкость легкомысленная особа, потому что в ту решающую минуту думала о маленьком зверьке, а не о том, что, возможно, очень скоро потеряю годы жизни...

Мы стояли в напряжении, сжимая руки друг друга, Мэгги молчала, никто её не торопил. Внезапно тетрадь начала вздрагивать, а потом и подскакивать, словно живая. Думаю, не только мне одной, стало страшно, и наши пальцы до боли вцепились друг в друга, особенно когда тетрадь полетела и с размаха билась о нас, словно пытаюсь вырваться из круга. До этого я не представляла, как это больно, когда тебя наотмашь бьют по лицу, оставляя на нём кровавые полосы...

И вот тогда заговорила Мэг. Её голос звучал ровно, незнакомые слова, словно ноты, составляли мелодию, и, подчиняясь ей, тетрадь успокоилась, а после, упав на пол, загорелась. Сначала пошёл тоненький сизый дымок, постепенно разгоревшийся в настоящий костёр, обдававший всех нешуточным жаром. Но мы выдержали и не разомкнули рук. Напоследок пламя взвилось до потолка и потухло, а вместе с ним погас свет.

На мгновение показалось, что мы стоим внутри костра и, сгорая заживо, смотрим, как вокруг пляшут и веселятся чёрные тени. Ноги подкосились, и я вместе с остальными полетела во тьму. Кажется, все громко кричали, но так и не разомкнули рук...

Солнечный луч нагрел щёку, заставив её почесать, а потом и приоткрыть глаза. Яркий свет заливал комнату, в которой проводился обряд. Все лежали на полу в разных позах, похоже, я пришла в себя первой. Встав и убедившись, что участники ритуала просто мирно спят, поплелась в сторону носилок с Доном и Марком. От страшных предчувствий пересохло в горле и кружилась голова...

Но на этот раз слёзы горя сменились воплями радости, которые и подняли спящую компанию. Мои первые возлюбленные спали и казались, совершенно здоровыми: румянец играл на их нежных щеках, а губы были сочны, как спелые ягоды. Я села прямо на пол и погладила их руки — они были тёплыми, молодая кожа сияла и совсем не походила на недавно виденный мной желтоватый покров мертвеца... Словно ничего и не случилось, вот только сон их был подозрительно крепок, и сколько я ни звала их по именам, они так и не открыли глаз.

— Не старайся, Франни, они очнутся только в том месте, где было наложено заклинание, поэтому я немедленно вместе со своими людьми отправлю их к тебе в замок, применив для этого магию. Хоть будет, конечно, тяжеловато.

Это был Трош, из всех «проснувшихся» он единственный выглядел неважно: слишком бледен, с посиневшими губами и тусклым взглядом больного человека. Отдав приказ гвардейцам, подхватившим носилки, Трош вышел вместе с ними, и у меня вдруг сжалось сердце. Сейчас это уже был не Колдун с сердцем монстра: я провожала взглядом *брата Арчи*, которому явно нездоровилось.

— Боже, вместе с пропавшим заклинанием к нему, видимо, вернулось больное сердце. Что же теперь будет?

Внезапно сильные руки обняли меня за талию, прижимая к себе. Я чуть не вскрикнула:

— Фредди, ты напугал меня, бессовестный Шут! — и, развернувшись, почувствовала горячий поцелуй на губах, на который ответила, не открывая счастливых глаз. Но поцелуй ещё не кончился, а я поняла, что ошиблась...

Это был Арчи, его глаза светились счастьем, в то время как я сгорала от стыда. Легкомысленная Франни пока ещё не была готова к разговору с моим рыцарем и королевским Наследником в одном лице. Легонько отстранив от себя Арчи и пряча глаза, рассказала ему хорошие новости о ребятах и о том, что Трош отправил их на Родину.

— Это же здорово, Франни! Посмотри на меня, не опускай глаза, словно мы с тобой не знакомы. Обратите внимание, прекрасная госпожа, ноги совершенно здоровы, и я готов хоть танцевать, только прикажи... — и он снова притянул меня к себе. Пришлось со смехом вырваться из его объятий и подойти к разбитому окну.

С улицы доносился щебет птиц, и одуряюще пахло цветами. Я задохнулась: откуда взялось это великолепие посреди осени? Слова жрицы о том, что нам придётся отдать немного «своего» времени, вспомнились не сразу, и в душе пролетел холодный ветерок понимания. Я приехала сюда в конце осени, сейчас, судя по всему, в разгаре весна. Несколько месяцев прошло за одно ничтожное мгновение. А если пролетело несколько лет?

В ужасе я оглянулась назад, прочитав те же мысли на лицах моих спутников, и прошептала упавшим голосом:

— Ребята, а на улице уже весна. Чтобы избавиться от заклинания, мы отдали зиму...

Фредди сделал безразличное лицо:

— Ну и отлично. Ты не представляешь, Франни, каково это — мёрзнуть на улице в мороз, когда нет денег, чтобы снять хотя бы угол для ночлега. Мы-то с Арчи уже всласть *назимовались*, так что я не жалею. Люблю весну — время любви, — и его глаза грустно усмехались, а я чуть не провалилась от стыда, представляя, что он теперь обо мне думает после неожиданного поцелуя Арчи.

Арчи кивнул, не желая отпускать мою талию, пока я тщетно пыталась отцепить его пальцы от корсажа:

— Полностью согласен с Шутом, зима в наших краях бывает очень суровой. Помнишь, лет пять назад, когда нас прогнали из гостиницы за драку, ночь была такой холодной, что мы залезли в чужой сарай и закопались в сено. Только поэтому и остались живы... Чёрт с ней, с зимой, и не жалко совсем.

Подошедшая к нам Мэгги выглянула в окно и улыбнулась:

— Как же здорово, сколько цветов... На перевалах уже сошёл снег, можно съездить к родным на ту сторону. А что касается зимы, то я тоже не жалею, что не застала её. Ваш близнец, Наследник, был прав, говоря, что у нас захудалый Храм. Пожертвований почти не бывает, на зиму я сама запасая хворост; в доме так холодно, что приходится надевать на себя всю одежду, которая у меня есть. Брр...

Арчи окинул её оценивающим взглядом, весело добавив:

— Ну, за то, что ты для нас сделала, Мэг, я позабочусь, чтобы в твоём Храме всегда было *тепло*.

И, скажу вам, это прозвучало как-то двусмысленно, так что я с размаха ударила его по слишком уж горячим рукам и отошла в сторону, подумав:

— Чёртов дамский угодник, этот точно ни одной юбки не пропустит.

Фредди засмеялся, а Арчи покраснел, как мальчишка, и попытался оправдаться, но я его

не слушала, присматривая в комнате что-то вроде палки, чтобы поучить Наследника хорошим манерам.

Неожиданно смущённая Мэг что-то услышала и, присев на корточки, достала из-под дивана маленькую чёрную кошечку.

— Кто тут у нас такой хорошенький? — засюсюкала она, глядя её взъерошенную шерсть, — и откуда ты взялась, такая симпатичная крошка?

Я на время забыла, что собиралась поколотить Арчи, и, подойдя к жрице, взяла у неё живую и невредимую Тьму.

— Ребята! Это же чудо, кошка Тьма, заключённая в книге заклинаний, осталась жива, — я прижала к себе мурчащий комочек и чуть не расплакалась.

Кажется, Мэгги расстроилась, что кошка перебралась ко мне на плечо, старательно вылизывая розовым язычком мою щёку.

— Вот как, Франни, так вы знакомы... Заберёшь её с собой? — неуверенно спросила она.

Я поцеловала маленькую Тьму в носик и отдала жрице:

— Увы, Мэг, сейчас я не могу о ней позаботиться, у меня пока и дома-то своего нет. Пусть она живёт у тебя, уверена, вы с ней поладите.

Улыбнулась, видя, как засияло лицо Мэг, внезапно вспомнив о Нелли, девочке-русалке с мельницы. Взяв жрицу за руку, отвела её в сторону, быстро рассказав о девочке и передав её просьбу. Лицо Мэг стало серьёзным, и она пообещала, что как только вернётся в Храм немедленно перенесёт маленькую русалку в другое место, где та не будет скучать в одиночестве. Я от души благодарила её, но больше поговорить нам не удалось.

Возвращение Троша всё изменило: он вошёл в комнату, белый как снег, которого в этом году мы так и не увидели, и почти сразу сполз в объятия перепуганного брата. Арчи вместе с Фредди уложили его на диван, а Мэгги помчалась за лекарем. Я же склонилась над ещё недавним противником, читая исцеляющее заклятье. Ему стало немного легче: губы порозовели, и бледность уже не была такой пугающей. Трош говорил негромко, но мы притихли, чтобы слышать каждое его слово.

— Твоих друзей, Франни, я отправил прямо к замку. Мне сообщили, что они уже пришли в себя и сейчас вместе с отцом радуются возвращению. Ребята ничего не помнят из того, что с ними произошло, но, думаю, для них это даже к лучшему, — Трош закашлялся и на его губах выступили капли крови, что перепугало всех.

Но он лишь привычно усмехнулся:

— Не страшно, просто я перетрудился, отдав почти все силы на перемещение. Забыл, что теперь у меня больное человеческое сердце. Не расстраивайся из-за меня, Арчи, я рад, что смог увидеться с тобой перед смертью. Ты станешь отличным правителем. Прости, Франни, что тогда ударил тебя, это случилось против моей воли, и постарайся не обижать брата, он слишком тебя любит. А ты, «гость издалека», возвращайся к себе, здесь тебе не место...

Фредди сразу стал серьёзен:

— Боюсь, это невозможно, во всяком случае, так мне сказали. Поневоле придётся доигрывать свою комедию на чужих берегах...

Трош тяжело дышал, но уверенно произнёс:

— Поверь опытному магу — тебя обманули. Если есть проход в одну сторону, по нему всегда можно вернуться обратно. Ты сильный и умный, Шут, справишься. Ты же Сыщик, а,

стало быть, найдёшь дорогу домой...

Фредди напрягся:

— Откуда ты знаешь про Сыщика?

Трош засмеялся:

— Предыдущая жрица перед смертью мне многое рассказала...

Внезапно кровь хлынула у него горлом, и сколько бы мы вместе с прибежавшим лекарем ни старались его спасти, нам это так и не удалось. Человеческое сердце Троша не выдержало...

Если бы ещё день назад кто-то мне сказал, что я буду оплакивать Троша, поколотила насмешника за подобные шутки. А теперь растерянно смотрела, как безутешный Арчи обнимает тело брата, как внезапно появившийся на пороге Король в чёрном одеянии прижимает к себе моего рыцаря, пытаюсь его утешить, как хмурится Фредди, а Чёрная Мэгги вытирает слёзы с глаз — и не верила, что всё это происходит на самом деле.

Вскоре Король увёл с собой плачущего обрётённого сына, даже не взглянув в сторону его близнеца, и нас оставили одних с телом умершего. Никто даже не потрудился унести его из комнаты, только гвардейцы окружили Троша, встав перед ним на колени, отдавая последние почести, чтобы вскоре тихо удалиться, видимо, ожидая распоряжения Короля или Наследника насчёт похорон.

Я растеряно смотрела на Фредди, и он, очнувшись от задумчивости, обнял, усадив в кресло. Примостившись рядом, грустный Шут уткнулся носом в мои волосы.

— Фредди, что нам теперь делать?

— Уходить отсюда, и как можно скорее. Я обещал твоему отцу, что найду его дочь и приведу домой. А я всегда держу слово, — ответил он, сосредоточенно целуя меня за ушком, — или ты решила остаться рядом с Наследником трона? Скажи уж, не томи. Арчи — достойный человек и прекрасная пара для юной аристократки. Несомненно, отец будет доволен *таким выбором* дочери.

Я мысленно сосчитала до десяти, чтобы сразу не наброситься на этого дурака и не оттащить его за волосы. Вздохнула и, взяв в ладони грустное и одновременно насмешливое лицо, горячо поцеловала всё ещё раненные губы, прекрасно зная, что делаю ему больно.

— Ну как, устраивает тебя мой ответ? — фыркнула, убирая с глаз растрепавшуюся чёлку.

— Доходчиво, хоть и весьма болезненно... — засмеялся бессовестный, и, вырвавшись из его объятий, я встала рядом, оглядывая комнату.

— Что ты там высматриваешь, Франни? — забеспокоился Шут.

— Да вот, ищу что-нибудь потяжелее, чтобы ты никогда больше во мне не сомневался, — на одной из них обнаружился подходящий кинжал в красивых ножнах, — пожалуй, это то, что нужно...

В мгновение ока Фредди оказался рядом и, подхватив на руки, унёс сердитую возлюбленную подальше от опасного оружия. Я смеялась, болтая ногами, и наткнулась взглядом на Мэгги, прижимавшую к себе кошку, про которую мы как-то забыли. Пришлось кивнуть Фредди, указывая на притихшую жрицу, и он понятливо поставил меня на ноги.

— Мэгги, я думала, ты уже ушла, — смущённо пробормотала, не зная, куда деть руки, и постоянно одёргивая платье.

— Я собираюсь... но, Франни, как ты можешь смеяться, когда у твоего друга такое горе — он только что потерял брата? Умерший человек находится в комнате, а вы с этим... — она разочарованно смотрела на меня, и от стыда я чуть не провалилась на месте.

— Да, некрасиво получилось, — бормотала, краснея, но внезапно замолчав, показала на центр комнаты. Тело Троша бесследно исчезло...

Мэг и Фредди подошли ближе, а жрица истово забормотала молитву. Руки Шута снова прижали меня к себе, словно пытались оградить от зла, но я слышала, как громко бьётся его

сердце — бесстрашному защитнику тоже было не по себе...

— Может, его гвардейцы забрали, пока мы с тобой *были заняты*, — испуганно спросила у Фредди, но, как ни странно, ответила Мэг:

— Нет, это работа монстров пустоши. Видимо, они считали его *своим*, ведь в нём билось сердце *их народа*. Они похоронят Королевского близнеца по собственным обычаям.

После этих слов она быстро выбежала из комнаты, прижимая к себе жалобно мяукавшую Тьму. Мне стало совсем нехорошо, тем более, что Фредди сказал:

— Не хватало только, чтобы пропажу Троша повесили на нас с тобой. Даже если отец не любил его, в чём я сомневаюсь, он всё равно оставался принцем. Вот незадача. Уходим отсюда, садись за стол и пиши письмо с объяснением для Арчи. У меня есть надёжный человек, он передаст послание. Уверен, Наследник нас простит и не осудит, да и не забудь упомянуть, что Мэг — свидетель, и мы с тобой тут ни при чём...

Я покорно написала письмо, отдав его Фредди. Он вывел меня из дома Троша и оставил в цветущем городском парке, велел дожидаться его возвращения. Мимо прогуливались нарядные парочки, раздавался весёлый смех. Солнце разошлось не на шутку, и прохожие обмахивались веерами, открывая зонты от солнца и шутливо брызгая друг в друга водой из фонтана.

Меня это бесило:

— Жарко им, видите ли! А вот меня колотит нервная дрожь, и руки того и гляди превратятся в сосульки и отвалятся... Где этот Фредди? Сказал, что отойдёт на минутку, а его уже час как нет. Неужели бросил здесь, а сам сбежал? А может, занят другим «своим делом» — устранивает клиента... Нет, даже думать об этом не хочу. Где ты, Фредди? Мне без тебя так плохо...

Небеса услышали моё ворчание, и невдалеке остановилась чёрная карета. Лошадьми управлял гвардеец, и, соскочив на землю, он открыл дверцу, выпустив из неё... довольного Фредди. Улыбаясь, тот подошёл ко мне и, взяв за руку, повёл внутрь.

— Наш Арчи молодец, быстро проникся ситуацией: подарил не только эту колымагу, но и денег подкинул. А чтобы по пути нас не останавливали — выдал документ, так что теперь помчимся с ветерком... Этот здоровяк, — он кивнул на гвардейца, — проводит нас через тоннель, прямо к границе. Ты рада? Похвали своего Фредди...

Но мне почему-то совсем не было весело. С чего это Арчи так легко меня отпустил и даже не пришёл проститься?

— Хвалю, — пробубнила я мрачным голосом, залезая в карету.

Фредди пристроился напротив, спросив с удивлением:

— А что не так? Уже соскучилась по Наследнику? Так можем остаться, отведу тебя к нему и уеду, — он явно был расстроен.

Я фыркнула:

— Не мели чепухи, просто казалось, что Арчи захочет проститься...

— А он и хотел, но Король не пустил, загрузил делами по самое «не могу». Видела бы ты несчастное лицо Фокусника, не думала так плохо о нём: и брата потерял, и любимую девушку. Он у нас умный, всё понял без объяснений...

Карета тронулась, наконец-то прервав мой многодневный бег. Я возвращалась домой, но на душе скребли кошки, и объяснения этому не было. Вроде всё получилось, как я и хотела: друзья освобождены от смертельного заклинания, рядом со мной — человек, глубоко тронувший девичье сердце. Пройдёт совсем немного времени, и я смогу увидеть отца, а

дальше? Что будет потом? Почему меня мучило ощущение, что, едва выбравшись из одной ловушки, уже мчусь в другую...

И ещё меня беспокоил Фредди. Впервые я не верила его словам о том, что Арчи слишком занят и не нашёл минутки на прощание. Ещё совсем недавно глаза рыцаря светились счастьем, потому что я была рядом, и вдруг... Ах, Фредди, Фредди! Мой милый друг и, если верить словам Троша — *наёмный убийца*, о котором почти ничего не известно. Что он за человек на самом деле, правда ли любит меня или обманывает, преследуя какую-то цель?

Эти мысли так сильно расстраивали, что я замкнулась в себе, не слушая весёлый голос друга и не отвечая на его вопросы. Он понял, что мне не по себе, и замолчал, уставившись в маленькое окно кареты. Между нами повисло неловкая, напряжённая тишина, и одному богу известно, о чём он думал. Возможно, так же как я, сомневался в правильности того, что с нами происходило...

Так в молчании мы проехали довольно долго, пока не начало темнеть. На ночь остановились в маленьком городке. Хозяин гостиницы был *особенно любезен*: после изысканного и вкусного ужина нам предоставили две большие уютные комнаты, в которых даже были ванны. Возле хлопотала прислуга, ловившая каждое моё слово, и я ненадолго снова почувствовала себя госпожой в замке отца.

Фредди холодно, не поднимая глаз, пожелал спокойной ночи и ушёл. Он был привычно спокоен, но я чувствовала, что друг еле себя сдерживает, разочарованный моим отстранённым поведением. Не успела я переодеться, как за дверью раздался шум, звуки ударов, и, испугавшись, еле успела натянуть на себя охотничий костюм — шёлковое платье из дома Троша меня безумно раздражало.

В дверь несмело постучали, и знакомый голос, срываясь, произнёс:

— Франни, дорогая, прости, что мешаю твоему отдыху, но я загнал коня, лишь бы увидеть тебя на прощание...

Распахнув дверь, бросилась на шею Арчи, а он, словно безумный, целовал мои волосы и дрожащие пальцы, не скрывая влажных, странно блестящих глаз.

Наши губы встретились, и это был жаркий поцелуй, но только с его стороны, мой же стал всего лишь нежным прощанием, и *рыцарь* это понял, расстроено отпуская талию.

— Прости мою несдержанность, я всё понимаю и не смею мешать вам с Фредди. Он мой лучший друг и, надеюсь, навсегда им останется. Слышала бы ты, как Шут уговаривал меня приехать и проститься с тобой ещё в Чёрной Луне, но я не мог подвести отца: он столько лет ждал нашей встречи. Пойми, нельзя было пропустить специально устроенную ради меня церемонию представления Наследника. Но душой твой рыцарь всегда рядом со своей Прекрасной Дамой...

Я задыхалась от нежности и слёз:

— Прости, Арчи. Так уж получилась... знаешь же, что твоя Прекрасная Дама — непостоянная, безнадёжная глупышка, которую жизнь так ничему и не смогла научить...

Он снова поцеловал мои пальцы, шепча на ухо:

— Я буду надеяться и ждать столько, сколько потребуется, Франни...

Ничего на это не ответив, поцеловала его в щёку, и только тут заметила стоящего в двух шагах бледного Фредди. Арчи нехотя отпустил мои руки и, подойдя к замершему другу, обнял его:

— Желаю вам обоим счастья и всегда жду в гости. А будет нужна помощь — только

позовите, примчусь... Да, и вот что, друг, если обидишь Франни — убью, так и знай.

Сказал и быстро вышел из комнаты, оставив нас двоих в неловкой тишине. Мы стояли друг напротив друга, не зная, что сказать. Внезапно Фредди вздохнул:

— Он любит тебя и наверняка во всех отношениях достойнее меня, Франни... Но я не собираюсь никому тебя отдавать.

Я засмеялась и, притянув его голову к себе, целовала горячие губы так долго, насколько хватило дыхания, а потом с трудом вытолкала упирающегося Фредди за дверь. Случись *всё это* ещё до начала «беготни», сегодня он остался бы со мной. Но я повзрослела, маленькая девочка превращалась в рассудительную женщину, решившую не торопить события, пока окончательно не разберусь в своих чувствах. Да и в нём самом тоже...

С утра наше *возвращение домой* продолжилось, мы оба повеселели, используя каждую минуту, чтобы быть вместе. Честно говоря, я почти и не запомнила дорогу назад. Мысли были полны только им: Фредди рассказывал веселые истории из своей жизни и совместных приключениях Арчи. Дарил букеты весенних цветов, чей ярко-голубой цвет так напоминал ему мои глаза, во всяком случае, влюблённый Шут постоянно твердил об этом.

Мы целовались при каждом удобном случае и, как все влюблённые, держались за руки. Я хохотала и наслаждалась беззаботным счастьем, словно предчувствуя, что скоро этой передышке придёт конец, и проблемы снова обрушатся на мою бедную голову.

Очнулась от этого миража, только когда молчаливый гвардеец вывел нас из тоннеля и, поклонившись, исчез в темноте, оставив двух лошадей. Мы вышли к приграничному городку в сумерках, и я сразу же попросила Фредди отвести меня к Грому.

— Может, подождём до утра, скоро совсем стемнеет, надо найти ночлег, — он пытался меня отговорить.

— Нет, — заняла я, — так давно не видела любимчика, даже не представишь, как по нему соскучилась. Вдруг его продали, он ведь породистый. К тому же, прошло слишком много времени, пролетела зима, которую мы не помним...

— Ладно, ладно, упрямица моя, идём, здесь недалеко.

Мы блуждали по тёмным улицам среди домов-развалюх, и мне стало не по себе: вряд ли можно было доверять обитателям этих трущоб. Но Фредди уверенно постучал в дверь неказистой деревянной постройки, и ему ответил громкий лай дворовой собаки.

— Тише ты, Верный, не узнал меня, что ли?

Собака заскулила, радостно повизгивая. Дверь нам открыла старушка в лохмотьях, больше смахивавшая на ведьму из детских книжек. Судя по всему, ей приходилось в жизни нелегко, куда уж такой содержать дорогого скакуна.

— Заявился, Шут, а где же Фокусник? Неужели, наконец, пришёл забрать Нахлебника?

— И тебе доброго вечера, Дарина! Смотрю, старушка, ты совсем не изменилась. Взгляни на эти монеты, и твоё настроение сразу улучшится.

Хозяйка вытянула и без того длинный нос, почти обнюхав ладонь Фредди с зажатым в ней серебром. Довольно хмыкнув, она повела нас к сараю. Я мысленно представила бедное, измождённое голодом животное, но сразу узнавший меня Гром выглядел на удивление хорошо: его кожа лоснилась, расчёсанная грива переливалась в лучах луны, словно я только вчера с ним рассталась.

Монеты тут же переключали в старческую руку и исчезли в складках тряпья. Дарина окинула нас подозрительным взглядом и пробубнила:

— Ночь на дворе, полезайте на сеновал. Одежда принесу, и поесть тоже.

— Весна же, холодно ещё, может, пустишь в дом, я же не один... — попросил Фредди.

Ведьма фыркнула:

— Вижу, что не один, значит, не замёрзнешь, а с такой красоткой ещё и запаришься, — я покраснела от её каркающего смеха, — извини, Шут, не могу позволить вам зайти — клиент у меня сегодня, *особенный*, — и она подмигнула Фредди, сделав какой-то знак.

Фредди не стал спорить, потащив меня за руку вверх по лестнице:

— Располагайся, дорогая! Сейчас принесу еды и одеяла, немного подожди, я быстро.

Подумав, что надо было послушаться друга и переночевать в гостинице, вздохнула и стала выбирать местечко поуютнее: набросала побольше сена и уселась ждать его возвращения. Но оказалось, что за день я так намаялась, что, зарывшись в сухую траву, и не заметила, как задремала. Уже сквозь сон почувствовала, как Фредди укрыл меня одеялом, нежно целуя в лоб. Кажется, я даже что-то пробормотала, а что было потом, совершенно не помню.

Проснувшись, потягиваясь, от криков петуха во дворе, но, почувствовав чьи-то лёгкие, почти невесомые шаги, прикрыла глаза. Это был Фредди — он осторожно прилёг рядом и обнял, зарывшись лицом в мои волосы. Я спокойно дышала, притворяясь спящей, и думала о том, где же он пропадал всю ночь. Мой полный загадок друг и возлюбленный так до конца и не поверил Франни, не рассказав о своей «секретной» жизни и о том, как он оказался в чужом теле. Не доверял или, напротив, берёт? В любом случае, такое поведение настораживало.

Как только дыхание Фредди выровнялось, я создала неяркий световой шар, и, боясь разбудить, внимательно всмотрелась в его лицо. Оно было на удивление спокойным, хотя и со следами усталости — под глазами пролегли тени, а маленькие морщинки-лучики стали немного заметнее.

— Как же он, наверное, устал, совсем замучился со мной, — я взяла в руку его ладонь, прижав к своей щеке, и тут только заметила свежий порез на запястье. Осмотрела другую руку — на ней не было ран, но рукав куртки испачкался в крови. Это не походило на Шута, всегда очень чистоплотного и не терпевшего грязи на одежде, — значит, он спешил и не успел застирать. Боже, чем же ты занимался этой ночью, любимый? Страшно представить...

На душе снова стало беспокойно и, хотя на улице ещё было темно, сон ко мне не шёл.

— Что будет с нами дальше? Хочешь стать супругой наёмного убийцы, Франни? — спрашивала я себя, — если он вообще женится на тебе, ведь, кажется, где-то далеко у него уже есть жена и дети. Значит, будешь очередной *временной подружкой*, как тебе такое? Да, папу это не обрадует...

Такие мысли не делали меня счастливее, и до самого рассвета я пролежала без сна. С первыми лучами солнца, осторожно, чтобы не разбудить Фредди, спустилась вниз. Покормив Грома, надела на него седло и уздечку, и перенеся поклажу с чужого коня на любимчика, вывела его во двор.

Утренний ветер трепал распущенные волосы, появляться дома с косами, подобно горничной, я не хотела, хотя до замка оставалось ещё несколько дней пути. Сердце вдруг пустилось в сумасшедший галоп, оно словно кричало:

— Не верь ему, Франни, разве можно быть счастливой с человеком, который тебе не доверяет? Брось Фредди и отправляйся домой, кто он — всего лишь чужак, живущий тем, что отбирает чужие жизни. Ты никогда не смиришься с этим. Беги, Франни, беги — тебе не привыкать...

Я положила руку на холку коня и дрожала от напряжения, в любой момент готовая к очередному побегу от любви. Голос Фредди, словно пощёчина, меня отрезвил:

— Хочешь уйти, Франни? Не дрожи так, никогда Фредди-Шут, Вор и Убийца не причинит тебе вреда. Сам виноват — напугал малышку своими секретами, ты — свободна, самая прекрасная девушка этой вселенной. Можешь бросить меня, когда тебе вздумается. Мы и в самом деле — никудышная пара, не говори ничего, не надо. Просто позволь проводить до дома, дорога опасная, мне страшно за тебя. Доберёмся вместе до замка, я сдержу данное твоему отцу обещание, а потом уже подумаешь, как поступить. Клянусь принять любое твоё решение, только не спеши с ответом...

Я отпустила коня и, бросившись в объятия Фредди, заплакала у него на груди. Он молчал, нежно глядя меня по волосам, и, прижавшись к нему, в отчаянии слушала бешеный стук его несчастного, готового разорваться от боли сердца...

Из дома вышла Дарина, при свете дня показавшаяся мне ещё ужаснее: седые волосы висели космами, едва прикрывая череп, крючковатый нос почти доставал до верхней губы, кожа была покрыта старческими пятнами. Нестерпимо засосало под ложечкой, и в голову пришла дикая мысль:

— Смотри, Франни, вот что ждёт тебя через некоторое время. А ты так гордишься своей молодостью и красотой, словно они вечны. Идиотка...

Я вытерла слёзы и, оторвавшись от Фредди, нашла в себе силы приветливо улыбнуться:

— Спасибо Вам, бабушка Дарина, что позаботились о моём Громе и дали нам приют этой ночью. Мы поедем, пора в путь...

Она вдруг смутилась, и её потухшие глаза радостно засияли:

— А вот и не пушу никуда обоих, пока не поедите, как следует, — проворчала она непривычно — нежным голосом, кивая, чтобы следовали за ней. Мы покорно проши в удивительно чистый дом, хотя воображение заранее нарисовало следы борьбы и залитый кровью пол. Ничего подобного там не оказалось; покормили так сытно, что мы ели вылезли из-за стола, а когда уезжали — Дарина даже прослезилась, шепнув мне на ухо:

— Ты не отпускай его, Франни. Наш Шут — стоящий человек, я-то знаю. Он как мой пёс Верный: если вцепится в добычу, уже не отпустит, если что пообещал — обязательно сдержит слово. А это редкость, упустишь своё счастье — стало быть, дура...

После таких напутственных слов я, грустно усмехнувшись, поцеловала старушку в морщинистую щёку, и мы двинулись в сторону родного дома. Уезжая, я спросила Фредди, как он познакомился с Дариной, и тот нехотя ответил, что она не раз спасала ему жизнь:

— Не суди людей по внешности, Франни, она часто обманчива. Эта старушка совсем не ведьма, как ты, наверное, подумала — она отличная знахарка и лекарь. Этой ночью я помогал ей вырвать человека из лап смерти, и, к счастью, нам это удалось...

Больше он не произнёс ни слова ни в дороге, ни на привале у костра. Его задумчивое лицо было печально, похоже, он не сомневался в моём выборе, а я всё ждала, что он решится и расскажет о себе. Но Фредди замкнулся и молчал, иногда односложно отвечая на мои вопросы. Между нами словно выросла стеклянная стена: мы видели друг друга, но не слышали и не понимали.

Теперь я торопилась в замок отца, лишь бы поскорее прекратить невыносимое молчание. И одновременно боялась этого, ведь именно там мне предстояло принять, возможно, самое важное решение в жизни. Мы мчались вперёд, и я вспоминала знакомые места и приключения, пережитые вместе с Арчи. Удивительно, но Шут прекрасно знал дорогу в наш замок, хоть как-то проговорился, что бывал там всего пару раз.

На моём пути домой нам не встретились ни странные люди, ни монстры. Всё проходило слишком гладко: на ночь мы останавливались в трактирах, и Фредди караулил мой сон, каждый раз словно специально бросаясь в драку, стоило кому-нибудь просто на меня засмотреться. И всегда выходил победителем, сколько бы человек ему не противостояло. Потрясло то, что для этого ему вообще не требовалось оружие. Невольно вспомнились слова покойного Троша о приёмах борьбы, которые мог знать только «специально обученный» человек.

— Ну, да, он же военный, чему я удивляюсь? И откуда взялось это странное прозвище —

Сыщик, почему Фредди упрямо молчит об этом? Неужели не понимает, что своим поведением только всё усложняет, неужели готов рискнуть нашим будущим? Если для нас двоих оно вообще возможно, это «совместное будущее». Отец ни за что не допустит и не благословит...

И вдруг Фредди заговорил, его слова прозвучали для меня страшнее грома в погожий день:

— Остановись, Франни. Мы почти у цели, ты должна помнить эту рошу, отсюда хорошо виден ваш замок. Я останусь здесь и ровно неделю буду ждать твоего решения. Если ты не вернёшься до рассвета седьмого дня, уеду и больше никогда тебя не потревожу. Что ж, не хочу прощаться, слишком больно. Поезжай, скоро ты будешь дома в объятиях отца и друзей, не забудь передать, что я исполнил обещанное и вернул дочь домой.

Я хотела спешиться и обнять его, но Фредди демонстративно отъехал в сторону, давая понять, что разговор между нами окончен. Да как он посмел *так* со мной обращаться? Или специально провоцировал, чтобы скорее порвать и без того хрупкую нить, связывающую обоих? Тогда к чему были его слова о том, что будет ждать моего решения?

— Я люблю тебя, Фредди, и верю, что моё чувство взаимно, но не понимаю, почему ты так себя ведёшь. Почему не хочешь мне довериться? Разве я не заслуживаю знать правду о человеке, с которым собираюсь связать жизнь?

Не знаю, зачем выпалила *это*, наверное, уже не было сил держать сомнения внутри. Ответа ждать я не стала и, подхлестнув Грома, понеслась в сторону замка. Как ни странно, слёз не было, только больно щемило в груди. Знакомый парк встретил меня буйством цветов и зелени. Гром пронёсся мимо копошащегося в земле садовника, и я слышала, как он охнул, а потом закричал мне вслед:

— Люди! Госпожа Франни вернулась...

Остановила Грома у парадного крыльца, на котором, споря о чём-то, стояли отец и дядя Тео, и, спрыгнув с коня, бросилась к ним, уже в следующее мгновение обнимая дорогих мне людей. Дальнейшее помню смутно, всё смешалось в единый гул звуков и красок, и в себя меня привела горничная, подсунувшая в лицо нюхательную соль, от которой я начала безудержно чихать. Что вызвало радостный смех набежавшей прислуги...

Из дома выбежали Дон и Марк, тоже присоединившиеся к всеобщим обнимашкам. Друзья бессовестно тормозили меня, требуя немедленного рассказа о том, как удалось сбежать от похитителей. Но я не могла говорить, просто глупо улыбалась, глядя их румяные щёки и радовалась, что мальчишки ничего не помнили о перенесённых ими ужасах. Да и мною тоже, по их вине...

Впрочем, я не собиралась никого ни в чём обвинять, решив оставить эту страшную историю в прошлом. Ведь все мы стали невинными жертвами проклятого заклинания. Остались, правда, вопросы о том, каким образом тетрадь оказалась в нашем доме, и почему именно Фредди был замешан в её похищении. Но это я оставила «на потом», сегодня просто хотелось радоваться тому, что снова оказалась дома...

Вечером в честь моего возвращения устроили торжественный ужин, перед которым я целый час отмокала в ванне, нежась в пушистых пенных облаках и позволив горничным вымыть и как следует причесать грязные волосы. Я блаженствовала в горячей воде, расслабившись и гоня прочь настырные видения о том, как Фредди в эти минуты греется у костра или строит шалаш, в котором проведёт неделю, ожидая моего ответа...

— Не хочу о нём даже думать. Этот человек не заслуживает внимания, стоит только

вспомнить, как в последние дни он со мной обращался, словно между нами и не было ничего... Как он только посмел? Вот пусть и мёрзнет там в одиночестве, поедая уже опостылевшую кашу. А мне и дома хорошо — никаких забот, никакого «бега», впереди — только радость, любимая комната, привычные друзья...

Я тяжело вздохнула, пытаясь прогнать ужасные, настырно атаковавшие мысли.

— Снова жить в комнате, которая будет постоянно напоминать о доме Троша и отвратительном предателе-Эрике. Старые друзья? Те самые, которые несколько раз чуть надо мной не надругались. Как теперь смотреть им в глаза, делая вид, что ничего этого не было? Бедный мой Фредди, ему так одиноко в лесу, а что теперь происходит у Арчи? Весь в государственных делах, уже, наверное, нашёл утешение в объятиях какой-нибудь фрейлины. Вот чёрт! Кто просил вас лезть в мою голову!

И я крикнула вслух:

— Убирайтесь вон! — разогнав перепуганных служанок. У меня не было сил остановить их, объяснив, что я имела ввиду собственные мысли.

— Да, докатилась, Франни, разговариваешь сама с собой...

Между тем, ужин прошёл прекрасно, я так наелась, что Дон снова стал надо мной подшучивать, а Марк, окинув недовольным взглядом, сказал:

— Ты неисправима, Франни! Могла бы хоть на праздник в свою честь нарядиться в платье, а не этот охотничий костюм. Кто посмотрит на девчонку, одетую словно мужчина. Так ты себе мужа никогда не найдёшь...

И он засмеялся, а Дон с удовольствием поддержал брата. Я сцепила зубы, приготовившись слегка подпалить их нарядные камзолы, но почувствовала поверх своей руки горячую ладонь отца. Он шепнул мне на ухо:

— Не надо, детка. Прости их, они не помнят тех чувств, что испытывали к тебе, и ведут себя как дурачки. Тео потом всыплет им, не волнуйся.

И, кивнув, послушная дочь промолчала, хотя и подумала:

— И как я только могла ими увлечься, они же совсем дети, паршивые недоумки... — прибавив ещё несколько обидных словечек из лексикона Фредди.

Но настроение было окончательно испорчено, и, не став дожидаться окончания ужина, я объявила, что очень утомилась с дороги и хочу отдохнуть. Но братья не дали мне спокойно закончить этот вечер: остановили на выходе из столовой, пристав с расспросами, как удалось сбежать от похитителей, где держали и что со мной всё это время делали.

Я устало посмотрела на ребят и, сложив руки на груди, сказала очень серьёзным тоном, хотя в душе потешалась над ними:

— Ничего не помню, вы сами что-нибудь придумайте. И вот что, *мальчики*, предупреждаю один раз — не доставайте меня, а то размажу по стенке и не посмотрю, что мы друзья детства. *Чес-слово*, размажу, *такое дело*...

Развернувшись, я ушла, напоследок, к своему неудовольствию, заметив, как восторженно заблестели глаза ребят. Похоже, *такая Франни* снова зажгла в них интерес. Только не это...

Ночью мне снились кошмары. Всё пережитое за последнее время спуталось в один клубок, размотать который я была не в состоянии. Самым страшным оказался сон, где Фредди в пятнистой одежде, среди других точно так же одетых людей, стрелял огнём из странной трубки посреди пустыни. А вокруг в воздухе очень быстро мелькали чёрные «мухи», на его глазах убивая друзей, попадая им то в лоб, то в грудь, заливая тела кровью.

Фредди что-то кричал и плакал, но сделать ничего не мог. Одна такая «муха» прочертила кровавую полосу у него на щеке, но он этого даже не заметил, и только когда вторая «тварь» попала ему в плечо, опрокинув на спину, я закричала, проснувшись в холодном поту.

Сердце бешено стучало, не давая глубоко вздохнуть. Я спустила ноги на покрывавшую пол пушистую шкуру и еле доплелась до окна, распахнув его настежь. С губ срывались стоны пополам с безумным шёпотом:

— Нет, любимый, не умирай. Ты должен жить, должен...

Ночной прохладный ветерок приятно остудил тело, и, поняв, что это был просто сон, вернулась в кровать. Утром меня не смогли разбудить — я металась в горячке и кашляла, проболев неделю. И это несмотря на многократные, произнесённые отцом заклинания. Как только жар спал, немного поев и шатаясь от слабости, поплелась в его кабинет: не было времени откладывать важный разговор, я спешила.

Наступил поздний вечер, но в доме ещё не ложились спать. Отец как всегда был вместе с Тео, они снова что-то горячо обсуждали и, увидев меня, тут же засуетились, попытавшись вернуть назад в кровать. Но я отказалась, с порога спросив, как долго уже болею:

— Сегодня прошла ровно неделя, а в чём дело, детка? — разволновался Тео.

Я оторопела, буквально рухнув в кожаное кресло отца. Значит, если считать день, когда вернулась, всего прошло восемь суток. Фредди больше не ждал моего ответа, он ушёл ещё вчера. Можно было не спешить, я проспала своё счастье. Права была Дарина: Франни — обыкновенная дурочка...

Увидев, что на любимой дочке нет лица, отец начал расспрашивать, что же произошло. Мне уже было всё равно, и я выложила ему и про побег, и то, что случилось в пути, про нежные чувства к Арчи и неожиданную любовь к Фредди. Я ждала, что на непокорную дочь обрушатся страшные обвинения в легкомыслии, позорящие наш род. Но вместо этого вокруг образовался кокон тишины, и было в этом что-то настолько зловещее, что я снова покрылась мурашками и задрожала.

Отец начал медленно ходить по комнате, а Тео раскурил трубку, которую брал в руки только в моменты сильнейшего волнения. Это мне не понравилось:

— Папа, я была честна с тобой, скажи и ты правду.

— Какую правду ты хочешь знать, доченька?

— Расскажи всё как есть, у меня больше нет сил терпеть недомолвки со всех сторон. Я так устала от этого...

Он помолчал и, придвинув второе кресло, сел рядом:

— Хорошо. Сначала о твоих «обожаемых» друзьях, моя наивная девочка. Я всегда думал только о твоём счастье, Франни, ведь мамы рядом с нами не было, поэтому мне приходилось заботиться о тебе за двоих. После применения заклинания, поняв, что любимой малышке грозит беда, я вызвал Фокусника, этого Арчи, и заплатил ему, чтобы он караулил тебя возле замка и помог в случае опасности. А потом, когда вы с ним уехали слишком далеко, обратился к Фредди, так называемому Сыщику, умеющему находить потерявшихся людей, и тоже заплатил ему золотом, чтобы он разыскал тебя и вернул домой. Я купил твоих «друзей». Это некрасивая, но правда...

Мне не пришлось долго переваривать то, что на меня обрушилось. Я спокойно ответила ему:

— Допустим, это так, не вижу тут ничего страшного. Арчи и Фредди на тот момент нуждались в деньгах и потому взяли за эту работу. И выполнили её хорошо — я жива и

снова дома, заклинание уничтожено. И чтобы ты ни говорил, они стали моими настоящими друзьями, которым я безоговорочно верю... Больше того, по-настоящему люблю Фредди и знаю, что и он отвечает мне тем же. Так что твоё признание ничего не меняет, папа.

Отец беспомощно посмотрел на Тео, пускавшего клубы дыма из своей трубки, и услышал:

— Франни права, Генри. Хватит недомолвок, расскажи ей всё про этого Фредди. Думаю, она посмотрит на свою «любовь» по-другому.

Отец спрятал глаза, но начал свой страшный рассказ:

— Я уже говорил, Франни, ты — самое дорогое, что у меня есть, и чтобы сохранить тебе жизнь, отцу приходилось совершать некрасивые поступки. Мы тогда только переехали в замок, моя любимая ходила беременной тобой, дети Тео были совсем крошками, когда однажды заявила ведьма и потребовала денег за предсказание. Не знаю, почему я не выгнал её за порог, а даже выслушал. Она напорочила, что наших детей ждёт смерть, которую принесёт заклинание из её тетради. Спасением же может стать человек из другого мира, у которого два имени — Шут и Сыщик. Сказав это, она, смеясь, покинула мой дом, оставив нас с Тео сходить с ума от ужаса.

Мы ничего не рассказали жёнам, начав лихорадочные поиски заклинания перехода. Не буду долго об этом говорить, но нам повезло, мы нашли и мир, и нужного человека. Почему-то сейчас мне кажется, что всё было неслучайно: кто-то нам *помогал*, и делал это с собственной целью. Впрочем, теперь это уже не имеет значения. Чтобы привести «спасителя» в наш мир, Тео, к сожалению, пришлось *его убить*. Это был единственный способ переместить душу. А поскольку всё делалось в спешке, единственным подходящим телом оказался умирающий десятилетний мальчик, он был сиротой и его звали...

— Фредди, — продолжила я помертвевшими голосом.

Отец вздохнул, по-прежнему не смея смотреть мне в глаза:

— Верно, Франни. Ну и намучились мы с этим типом: он оказался упёртым, всё время твердил, что никогда не простит нам страшного греха — ведь ради жизни *своих детей* мы разрушили семью, лишив молодую женщину мужа, а маленьких девочек — отца. Он категорически отказывался нам помогать, пригрозив, что отомстит, сколько бы времени не прошло. Это случилось пятнадцать лет назад. Фредди тогда сбежал и, когда ты пропала, «вовремя объявился», сделав так, чтобы наивная девочка влюбилась в него. Ты, дочка — *его месье*. Забудь негодя как страшный сон, Франни. Такая красавица и умница найдёт себе достойного мужа, а не этого...

Но я уже не слушала, что он там бормотал, и, хлопнув дверь, бежала в свою комнату. В голове крутилось только одно: всё, что я считала счастьем моей короткой жизни, оказалось ложью и притворством ради мести отцу. Гнев придавал мне силы, и, прочитав заклинание исцеления, быстро вернулась «к себе», рыдая, упав на кровать.

Эпилог

Отдавшись своему горю, какое-то время я совсем не могла думать, жалея себя и проклиная коварного лжеца. Вдоволь наплакавшись, вдруг заметила, что окно в спальне приоткрыто. Хотя на улице было по-летнему тепло, я решила не рисковать, и... тут у меня перехватило горло — на подоконнике лежал свежий букет ярко-синих, так любимых Фредди цветов.

Он был здесь, причём, совсем недавно. Значит, не уехал, а по-прежнему ждал.

— Что ж, Фредди, я тебя не разочарую, настырный негодяй. Ты умрёшь от моей руки, и это будет справедливо.

Я искала свой охотничий костюм, чтобы переодеться, продолжая ругать Шута самыми страшными словами, но сердце почему-то радостно и тревожно вздрагивало. Никакой одежды в комнате не нашлось, значит, отец позаботился, чтобы я снова не сбежала из дома. И когда успел?

Выглянула в окно: уже стемнело, полная луна неспешно проплывала среди редких облаков.

— Ах, папа, плохо ты знаешь собственную дочь, раз думаешь, что можешь удержать Франни дома таким способом.

Ухмыльнувшись, полезла в маленькую кладовую, где хранились старые игрушки. Среди кукол и зайцев лежал свёрток с тем самым голубым платьем, в котором Дон и Марк так мечтали меня увидеть.

Встряхнула его, критически осмотрев: оно чуть запылилось, немного помялось, а в целом — вполне годилось для задуманного. Быстро переодевшись, вылезла в окно. Сразу бросилась к конюшне, но она, увы, была пуста — коней отправили на выпас в ночное.

— Ладно, так добегу. Никуда ты, Фредди, от меня не денешься. Найду и прибью, негодяй, обманщик, сволочь...

Я бежала при свете луны, задыхаясь от накатывавшей временами слабости, не чувствуя под ногами мокрой от вечерней росы травы. Вдруг кто-то резко остановил этот бег, и через мгновение я уже была в объятиях коварного Фредди, а мои губы болели от его страстного поцелуя. Еле смогла оторваться от него и вместо того, чтобы бросить в лицо страшные обвинения, толкнула в грудь, выпалив:

— Немедленно признавайся, бесстыжий, ты связался со мной только ради мести отцу? Я всё знаю, *они* признались в том, что натворили...

Прекрасное и счастливое лицо Фредди скривилось от боли, словно я только что его ударила:

— Я заслужил твоё презрение, малышка, надо было сразу всё рассказать, а не заставлять это восхитительное создание страдать из-за моей глупой гордости. Франни, я — офицер, и меня ещё никто не называл *бесчестным человеком*. Никогда, слышишь, я бы не стал мстить женщине, а тем более, ребёнку. То, что произошло между мной и твоим отцом — так и останется между нами двоими, ну и его приятелем, лишившим Сыщика Джонни жизни и запихнувшим в тело несчастного мальчишки.

Пятнадцать лет Шуту пришлось выживать в чужом мире... Признаюсь, меня поддерживали мысль о мести и мечта о возвращении «домой», пока я не встретил одну

прекрасную девушку, самую чудесную в этой вселенной. Теперь мне хочется только одного — никогда с тобой не расставаться, Франни. Поверь, ещё никогда в жизни я не был так уверен в своих словах...

Я прижалась к нему, обнимая, положив голову на плечо и стуча кулаками по широкой спине:

— Глупый, глупый Фредди, нет, Джонни, — я засмеялась, — знаешь, какое у тебя теперь будет прозвище — Джонни-«спецназ», хоть я так и не знаю, что это такое.

Мы целовались и долго не могли оторваться друг от друга. Я гладила его лохматые волосы и забрасывала вопросами, на которые ему приходилось отвечать:

— Почему ты не уехал, ведь неделя прошла?

— Шутница, да я ни за что на свете не оставил бы тебя. К тому же, моя малышка болела, а обитатели замка словно не подозревали о пользе проветривания, так и мариновали тебя в душной комнате, приводя меня в бешенство. Я всё время был рядом, Франни, и не знал, чем тебе помочь. Каждый день молился о твоём здоровье, собирая букеты цветов в надежде, что очнёшься и поймёшь — твой Шут рядом.

Я смеялась:

— Ладно, верю. Но всё-таки должна тебя наказать за молчание.

— Согласен, «девушка в голубом». Кстати, тебе безумно идёт этот цвет, чес-слово, видишь, какой я покладистый, не наказывай меня слишком строго, а?

Я хмыкнула:

— Посмотрим. Сделаем так: сейчас побегу и спрячусь, а ты должен найти. Тогда, может, и прощу, а не сумеешь, будешь до конца жизни выполнять все мои капризы, согласен?

Фредди-Джонни засмеялся:

— А куда я денусь. Беги, Франни, беги, но помни, я — Сыщик, тебе от меня никуда не деться.

Засмеявшись, я помчалась по тропинке, спрятавшись за первым попавшимся толстым деревом, надеясь, что Фредди сразу меня найдёт. Но хитрец на коне почему-то промчался вперёд, чтобы через минуту подкрасться сзади и со смехом поцеловать в шею.

— Так нечестно, — возмутилась я, — раз проехал мимо, значит, проиграл, теперь должен мне поклониться.

Он низко поклонился, сложив руки в странном жесте:

— Слушаю и повинуюсь, моя Госпожа!

Я только фыркнула:

— Вот Шут! — на что он улыбнулся, неожиданно гаркнув:

— Так точно, командир, — зачем-то приложив ладонь к голове.

Мне это понравилось, и я одобрительно его поцеловала, позволив помочь сесть верхом на так кстати оказавшегося рядом Грома. Можно было не спрашивать, чья это работа, но я не удержалась...

— Хоть ты и из другого мира, но, всё-таки — конокрад, — засмеялась я.

Он кивнул:

— Чему только не научится Сыщик в вашем мире...

— Давно хотела тебя спросить, а кто такой Сыщик?

— Тот, кто разыскивает потеряшек, вроде тебя, дорогая.

Я улыбнулась:

— Тогда мой Фредди — самый лучший Сыщик в мире, и я хочу, чтобы он был счастлив.

— Я итак уже... — вскочив на своего коня, он снова попытался прижать меня к себе, пришлось изо всех сил от него отбиваться.

— На этот раз, Джонни, мне приходится бежать из дома без запасов: ни денег, ни драгоценностей, даже платья или сменного костюма не осталось. Папа всё спрятал...

Фредди замялся, и его глаза хитро блеснули:

— Любимая, пообещай, что не поколотишь меня...

Я притворно вздохнула:

— Ну что с тобой делать, говори...

— Это всё Фредди-Вор виноват, чес-слово. Ну не мог он допустить, чтобы такая девушка выходила замуж без приданого, вот и позаботился о тебе, — улыбался хитрюга, показывая глазами, на большие мешки, навьюченные на лошадь, — так что на первое время нам с тобой хватит.

Я замахнулась на него, смеясь:

— А что, разве я выхожу замуж?

Фредди притянул меня к себе, чуть не свалив с коня:

— А то...

Я вырвалась:

— А как же быть с Мэри?

Мой «наречённый» погрузтел:

— Пятнадцать лет назад сыщик Джонни, недавно организовавший с другом Частное сыскное агентство, был убит неизвестным. Наверняка Мэри меня похоронила и оплакала. Все эти годы я молил бога, чтобы она встретила хорошего человека и была счастлива с ним, и вместе они воспитали девочек, раз уж мне не суждено этого сделать... Такое дело, как говорит Арчи.

Понимающе кивнула, послав Грома вперёд, Фредди ехал рядом не отставая. Мы снова замолчали, и я взяла инициативу в свои руки:

— Раз уж ты проиграл, теперь должен слушаться своего *командира*. Оцени мой план...

— Я весь внимание, — оживился самозванный жених.

— Во-первых, в первом же городе пойдёшь и пострижёшь свои лохмы, хочу, чтобы Фредди выглядел как Джонни-«спецназ», похитивший моё сердечко.

Фредди усмехнулся и кивнул:

— Во-вторых, всё о себе расскажешь, и в подробностях.

И с этим он согласился.

— В-третьих, мы с тобой разыщем путь в твой мир, ведь Трош сказал — раз есть дорога сюда, значит, по ней можно вернуться назад. В этом я ему верю.

Фредди изменился в лице и разволновался:

— Думаешь, мой ангел, чем я занимался пятнадцать лет? Только вынашивал глупую месть? Искал «дорогу к дому», и, как видишь, детка, безуспешно. Боюсь, мне никогда не выбраться из ловушки, к тому же, тела Джонни давно уже нет...

Я фыркнула:

— И что? А чем это плохое — молодое, здоровое. И не думай мне перечить, раз я сказала — найдём, значит, так и будет. Теперь у нас есть друзья — Арчи нам поможет, все маги Королевства в его подчинении, да и Мэгги, уверена, много знает о перемещениях. Так что не вешай нос, *жених*...

Фредди пристально посмотрел на меня, и в его глазах заплясали маленькие огоньки:

— Когда ты так говоришь, Франни, я и сам начинаю верить, что у нас всё получится. Признайся, маленькая вредина — тебе не терпится избавиться от жениха? — и он на всякий случай отодвинулся подальше, зная мой вспыльчивый характер.

Я деланно засмеялась, ведь на самом деле слышать такое было очень обидно.

— Если я захочу покончить с тобой, сделаю это проще, без всяких *заморочек*, — на моей ладони вспыхнуло пламя, — неужели, Джонни, ты думаешь, что я отпущу тебя туда *одного*? И не мечтай: куда ты, туда и я... — при этих словах сгусток пламени полетел в ближайшую канаву, спугнув парочку зайцев.

Он спрыгнул с лошади и, стащив меня на землю, прижал к дереву, долго не отпуская мои губы. И смеялся, взъерошив волосы:

— И чем же ты собираешься заниматься в чужой стране?

— Это пункт четвёртый в моём плане: открою вместе с мужем Частное сыскное агентство по поиску пропавших людей и назову его «Джонни и сыновья». Я — маг, вместе у нас получится лучшее агентство. Мы всем утрём нос.

Фредди крепко обнял меня, задыхаясь от страсти:

— Ах ты, моя *бизнесвумен*. А вот про сыновей подробнее, пожалуйста...

Я вырвалась, снова усаживаясь верхом:

— Об этом, дорогой, буду говорить только *с мужем*, — и, фыркнув, пустила коня в галоп до тех пор, пока Фредди в очередной раз догнал меня, и, стащив с лошади, начал покрывать лицо поцелуями, мало походившими на нежные чмокания в щёчку. Я со смехом вырвалась:

— Так не пойдет, Джонни! Будем действовать строго по моему плану, надо же присмотреть и за Арчи, у него сейчас появится много врагов. А он вполне достоин править своей страной.

Фредди довольно хмыкнул:

— Ух ты, собираешься совершить государственный переворот?

За словом я никогда в карман не лезла:

— Если понадобится. У меня же есть такой прекрасный Сыщик, и к тому же, этот, как его? А, «спецназ». Эй, ты куда полез? Руки убери, живо! И так, где моя палка?

Фредди поднял руки в защитном жесте, но его глаза светились счастьем:

— Сдаюсь, Франни! Больше так не буду, ну, сегодня точно. Залезай на Грома и вперёд. Чувствую, намучаюсь я, может, отдать тебя Арчи? Он с удовольствием возьмёт строптивницу на перевоспитание... Франни, любимая! Пощади, я только пошутил...

Ответила ему демоническим хохотом:

— Я тебе пошучу, Шут гороховый! Будешь много разговаривать, брошу и найду другого... шута. И моложе, и веселее...

Так, переругиваясь, мы отправились навстречу новым приключениям. Я убегала, а смеющийся Фредди, ох, никак не привыкну к этому его новому имени — Джонни, догонял меня, чтобы в очередной раз уронить на траву, пока наши кони с явным осуждением смотрели на эти развлечения. А я вырывалась из его горячих объятий, чтобы снова бежать, и эта беготня мне нравилась куда больше предыдущей.

Я бежала, а Фредди кричал вслед, после очередной неудачной попытки уговорить меня ненадолго «передохнуть» на травке:

— Беги, Франни, беги! Тебе от меня всё равно не скрыться — я же Сыщик, везде

найду...

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net